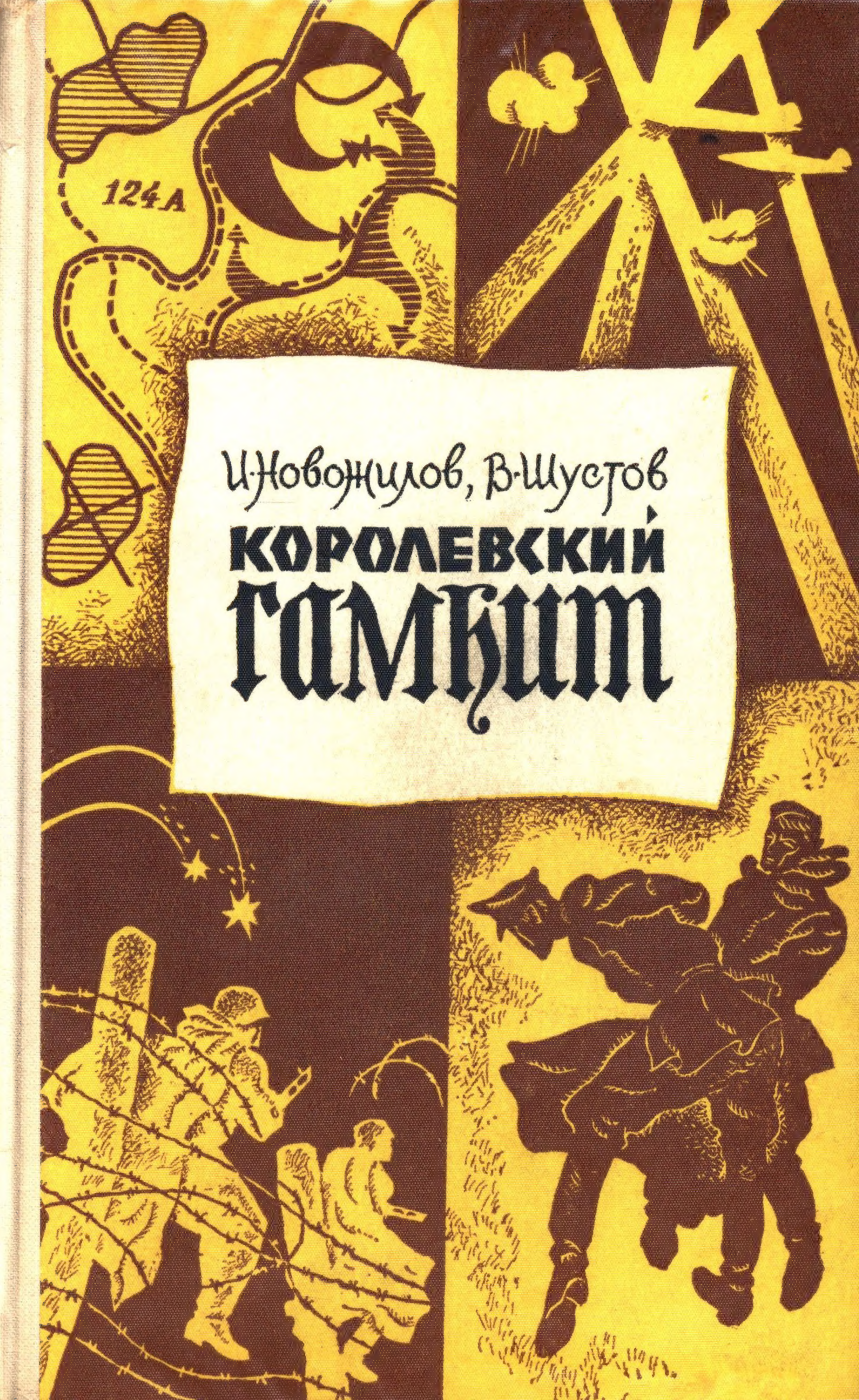

124 А
И. Новожилов, В. Шустов
Королевский гамбит

СВЕРДЛОВСК,
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1976

Р2
Н74

Печатается по изданию:
И. Новожилов, В. Шустов. Королевский гамбит.
Средне-Уральское книжное издательство, 1965.

Н $\frac{70803 — 086}{М158(03)—76}$

КАРТА ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТА РУТТЕРА

Обер-лейтенант, насвистывая веселую песенку из модной берлинской оперетки, беспечно шагал по песчаной вьющейся вдоль заборов тропинке. Рядом лежала дорога. Бурая пыль ее была взбита колесами военных машин и повозок, а заросшие травой обочины расчерчены ребристыми оттисками танковых гусениц. День стоял на редкость погожий, тихий. В отдалении глухо рокотали орудия: в двадцати — двадцати пяти километрах от станции Ключи проходила линия фронта. Там, где грохочет бой, война, конечно, представляет опасность... И вдруг за ивовым плетнем, в зеленых лопухах, мелькнул чей-то глаз. Обер-лейтенант схватился за пистолет. И тут, так показалось ему, небо рухнуло, покачнулась земля, завертелись, закружились белые мазанки, деревья, заборы. Вопль о помощи замер на губах офицера: пахнущая крутым солдатским потом жесткая ткань плотно закупорила рот. Откуда-то хлынул оранжевый поток тумана...

И сразу же над распростертым в бурой пыли телом склонился парень богатырского сложения в широком, темно-зеленом со светло-коричневыми пятнами маскировочном халате. Ловко подхватив обер-лейтенанта под мышки, взвалил на себя, перескочил покосившийся плетень и скрылся среди буйных зарослей заглохшего фруктового сада.

Из крупнолистых лопухов, кустившихся по обе стороны плетня, порскнули куры. Огненно-рыжий

петух шумно захлопал крыльями, взлетел на плоскую крышу сарая. Одна из стен этого сарая развалилась, и замшелые доски торчали в разные стороны, словно шпангоуты разбитого бурей парусника. Воинственно оглянувшись, петух вытянул шею со встопорщенными перьями, надулся и закукарекал.

В белой мазанке, что стояла как раз напротив сарая, распахнулось окно. Солнце, отраженное стеклами, золотым дождем брызнуло на цветущий в палисаднике вишенник, расплескалось по испятнанной желтыми огоньками мать-и-мачехи лужайке В окне с резными наличниками, как в портретной раме, возникла бледная одутловатая физиономия офицера с большим носом, черными усиками и косой челкой над правой бровью. Невольный свидетель разыгравшейся сцены смотрел на зеленые лопухи, где все еще кудахтали куры, на петуха, голосившего на крыше сарая, на заглохший сад, где скрылся призрачный великан. То, что произошло сейчас здесь, в глубоком тылу, где располагается штаб немецкого корпуса, казалось ему невероятным. Все оттенки боязни: тревога, страх, паническое смятение поочередно побывали на одутловатом и бледном лице гитлеровца. Он не верил собственным глазам. Но дорожная пыль сохранила четкий оттиск обер-лейтенантовой спины, а внушительные следы, оставленные подошвами солдатских сапог с подковками на каблуках и носках, отпечатавшиеся здесь же, исключали сомнения. И офицер заторопился. Захлопнув окно, он, нервничая, принялся застегивать френч, с трудом попадая пуговицами в петли. Но так и не застегнувшись, взвел курок пистолета и бросился в штаб.

Гарнизон был поднят на ноги. Сразу же удалось выяснить, что русскими похищен обер-лейтенант Руттер, командированный с особо секретным поручением в Ключи. Начальник штаба армейского корпуса оберст Зильберг, у которого всего лишь полчаса назад сидел гость из штарма, негодовал: средь белого дня, почти на глазах гарнизона, похитить офицера! На оборонительные участки Зильберг направил экстренное распоряжение. «В наши боевые порядки проникла группа русских разведчиков...», и далее категорически приказывалось «во что бы то ни стало ликвидирсвать груп-

пу». Оберст потребовал удвоить, утроить... удесятерить бдительность.

Ключи были взяты в кольцо, и по горячему следу похитителей устремились автоматчики, проводники с лучшими сыскными собаками.

А в это время обер-лейтенант Руттер лежал под шелестящим на ветру пологом густых орешников, что заполнили до краев глубокий овраг в полутора километрах от Ключей. Лежал он на спине, раскинув руки по сторонам и задрав к небу острый подбородок. В подернутых мутной белесой пленкой глазах его отражались барашки белых облаков, небесная синь. У изголовья, на траве, сидел, сложив ноги калачиком, старший сержант Николай Полянский и угрюмо созерцал лиловый кровоподтек на виске «языка».

Ветка лещины мерно раскачивалась, цепляясь за пилотку Николая, будто силилась стянуть ее с головы парня, прикоснуться к его русым кудрям.

Смерть обер-лейтенанта всерьез опечалила Полянского. Ведь он пленил его с целью... Дело в том, что противник внезапным ударом отбросил наши части на восточный берег реки Сож и группа разведчиков из дивизии генерала Бурова, еще две недели тому назад ушедшая в поиск во вражеский тыл, оказалась в полнейшей изоляции. Они не знали теперь, как и где переходить линию фронта. А бродить по территории, занятой врагом... Рано или поздно разведчики будут обнаружены фашистами и погибнут в неравном бою.

Обер-лейтенант мог, наверное, многое прояснить. Он указал бы на слабые места в своей обороне, точно обозначил бы по карте стыки между частями и подразделениями...

Но удар, силу которого старший сержант не соразмерил в спешке, перемешал все расчеты, свел на нет дерзкую операцию, на свой страх и риск предпринятую Николаем.

Послышались тонкое повизгивание собак, голоса людей, позвякивание оружия. Вскочив, разведчик торопливо сложил документы и письма, найденные у обер-лейтенанта, в его же полевую сумку, отстегнул и спрятал за пазуху пистолет, взял автомат на изготовку и спустился по глинистому склону в овраг, где протекал мутный ручей. Листва не пропускала сюда

солнечных лучей, поэтому воздух здесь был сырой, тяжелый. По ручью Николай добрался до речки, окунулся в воду с головой, смыл запахи и, крадучись, камышами двинулся на восток.

Погоня спешила. Овчарки, щетиня на загривках шерсть, рвались вперед, натягивая ременные поводки. С убыстренного шага проводники давно уже переключились на рысь и все же, едва поспевая за собаками, продолжали подгонять их.

— Искать! Искать! — разносилось по речной долине.

На трясинистом полуостровке, в том месте, где кочковатая поросшая осокой перемычка опоясывает полукольцом устье ручья, собаки заметались, виновато скуля: след исчезал. Чертыхаясь, солдаты разбрелись по жухлым прибрежным камышам, исследуя каждый клочок земли. Злые, перепачканные илом, утомленные ходьбой по зыбким плавням, они затем сгрудились на полянке и начали совещаться. Говорили горячо. Размахивали руками, показывая то на восток, то на запад. Замолкали над картой. И снова галдели. Наконец, пришли к единому решению, разделились на четыре группы. Две, столкнув в воду надувной понтон, очевидно забытый здесь саперами, переправились на противоположный берег. Замысел немцев был прост: двигаться по обоим берегам реки в западном и восточном направлениях.

Николай, наблюдавший за военным советом врагов, недобро усмехнулся: «Стратеги, ничего не скажешь. Учли все варианты, кроме моего». Он дождался, когда солдаты разойдутся по маршрутам, и, не торопясь, зашагал на восток.

Густые и высокие, в рост человека, тростники были как джунгли. Местами речные берега сближались, и тогда деревья сплетали ветви над водой. Зеленые туннели эти были так низки, что приходилось пробираться по ним, согнувшись в три погибели. Поясницу ломило. Мошкара живым облаком тянулась за разведчиком, забивалась в рот и нос, лезла в глаза и уши, крапивой жгла шею и лицо. Николай, касаясь грудью воды, не шел, а плыл, загребая руками, как веслами, гнучие камыши. С илистого дна, взбаламученного ногами, на поверхность поднимались и звонко лопались пузыри болотного газа. От него тяжелела голова, поташнивало.

Под вечер в покрытом листьями кувшинок затончике, где будто разом вытряхнутые из мешка громоздились в беспорядке причудливые коряжины, Николай устало присел на корень полузатонувшего дерева. Все сроки явки на пункт сбора миновали, а идти в глухую балку сейчас никак нельзя: если гитлеровцы возьмут след, то обнаружат группу. «А не лучше ли будет двинуть напрямик? Обойду пункт сбора и переплыву Сож возле мельницы?» Это показалось ему вначале заманчивым. Но, поразмыслив, он отверг свои планы начисто. Разведчики, конечно, ждали бы его, а потом принялись за розыски. Оставалось одно — запутать следы, сбить погоню.

Николай тяжело поднялся с коряги. В сапогах, как бы жалуясь на тесноту, всхлипывала вода. Мокрые портянки скомкались. Жесткие складки шершаво лизали ступни, жгли кожу. Цепляясь за корни, старший сержант взобрался на обрывистый берег, вылил из кирзачей бурую жижу, сполоснул портянки в протоке, выжал их, переобулся и прибрежными кустами двинулся дальше.

Два немецких солдата-автоматчика и рослый проводник служебной собаки остолбенели, когда из частого ольховника на поляну вдруг вышел русский разведчик. На его широкой груди автомат казался игрушкой. С пятнистого порванного маскхалата капала вода. Овчарка рванулась вперед, но, сдерживаемая поводком, осела на задние лапы и забилась у ног проводника, выбрасывая из оскаленной пасти хлопья пены.

На мгновение Полянский тоже растерялся. Почти инстинктивно выпустил из автомата длинную очередь и отпрянул в кусты. Собака метнулась за ним. Проводник замешкался, не успел высвободить руку из ременной петли поводка, захлестнутого на запястье, покачнулся и упал. Солдаты восприняли это как команду и залегли рядом. Завязалась перестрелка.

Николаю поляна видна была вдоль и поперек. Даже буйная трава, усеянная, словно горящими угольками, бутонами тюльпанов, не маскировала врагов. Пилотки торчали из разноцветья, как замшелые пни. Вот они зашевелились, задвигались. Одна пилотка осталась в центре, а две другие стали удаляться, направляясь к флангам. «Охват»... Николай поддел на мушку левого

солдата и выстрелил. Всплеснув руками, тот неловко завалился на спину. Второго автоматчика он настиг меткой очередью у самой опушки. Оставался проводник. В ложбине, среди зеленых стеблей, смутно угадывалась его голова. Чтобы стрелять наверняка, Николай положил ствол автомата в развилку крепкой ветки и скользнул взглядом по прицельной планке. «Правее, еще чуток правее...» Толчок в плечо опрокинул его. Перед ним возникла ощеренная пасть собаки. Николай, изловчившись, ударил кулаком по оскаленной морде и попытался вскочить на ноги. Но пес не давал подняться. Клыки его с треском рвали одежду. Из маскхалата выпали офицерская сумка и пистолет. Оберегая их, Николай норовил ударить собаку ногой. И ему это удалось — овчарка с визгом откатилась прочь. Николай потянулся было к застрявшему в развилке ольхи автомату и отпрянул. На пути стоял проводник. Темный зрачок пистолетного дула смотрел на разведчика в упор.

— Лежать! — возглас прозвучал как выстрел.

Немец безучастно разглядывал безоружного и теперь, казалось ему, нестрашного врага. Он уже слышал скрипучий голос оберста Зильберга, который от имени фюрера... «Или-или,— мелькнуло в голове Николая,— золотой середины быть не может». Старший сержант, резко оттолкнувшись от земли, бросился на проводника. Сцепившись, они покатились по земле, подминая кусты. Нельзя было определить, кто из них держит верх.

Очнулась оглушенная ударом овчарка. Она молча вцепилась в Николая. Холодные костлявые пальцы проводника стиснули сержанту горло. Рука разведчика нащупала черенок охотничьего кинжала. Короткий взмах — и собака забилась в агонии.

Еще взмах — и немец расслабил пальцы.

— Рудольф! Рудольф! — прокричал кто-то на противоположном берегу.

Николай подобрал сумку, пистолет и, припадая на левую покусанную овчаркой ногу, скрылся в камышах.

Уже в сумерках вышел он к глухой балке. Друзья — Федотов, Семухин и Рыбаков — встретили прихрамывающего, покрытого с ног до головы болотной тиной и грязью товарища тревожными вопросами.

— Что стряслось?

— Ранен?

— Гнались?

— Где лейтенант, ребята? — Николай бросил автомат на охапку полыни и упал рядом.— Где лейтенант, спрашиваю? Чего смотрите? — говорил он, окая по-сибирски.— Извозился? Это я болото изучал. Не вернулся, значит, лейтенант? Да-а-а. Как бы в беду не попасть. Взбудоражил я фашистское логово.

— В Ключах был?

— Угу... Придется место сменить: немцы сюда могут нагрянуть. А с лейтенантом... Встретить бы его, предупредить, а нельзя. Патрули немецкие речушку с обеих сторон обложили.

Сухощавый Рыбаков, парень с молодцеватой выправкой, которую он сохранял при всех случаях изменчивой фронтовой жизни, вытащил финский нож, нарезал дерна, выложил на лужайке круг, а в центр бросил несколько охапок травы. Со стороны любому показалось бы, что пастухи готовились разжечь костер и во избежание пожара обезопасили огневище. На самом же деле это был условный знак. Он говорил, что группе грозит опасность, что все ушли в другое место.

— Вы, ребята, шагайте,— распорядился Николай,— а я лейтенанта здесь дождусь.

— Нет, дело так не пойдет,— возразил Федотов.— Сигнал выписан четко. Взводный разберется в обстановке. Веди! Не поведешь — все останемся...

Пробирались по ручью гуськом. Километрах в трех от старой стоянки поднялись из оврага на крутизну, пересекли заросшую бурьяном пустошь и замаскировались в овражке. Только тогда Николай рассказал о происшедшем.

— Залегли мы с лейтенантом в лебеде, возле дороги, что на западной окраине Ключей. Наблюдательный пункт оборудовали,— сумерки были еще не густы, и разведчики видели, как нахмурились у старшего сержанта брови, а на скулах вздулись желваки.— Станцию, ребята, фрицы в проклятое место превратили. Что ни дерево, то удавленный на нем. А фрицы гуляют по улицам, хозяевами себя чувствуют. Ну, я лейтенанту и предложил «языка» прихватить, чтобы, значит, обстановку выяснить. Тот ни в какую. «Идите, По-

лянский, на базу, говорит, и ждите моего возвращения».

— Первое дело — осторожность,— одобрил Федотов.

— Подожди,— недовольно одернул его Николай,— стал я просить его, чтобы он меня при себе оставил. Не вышло: приказал немедленно возвращаться. По дороге не утерпел я, решил взглянуть на домишко, где мы до отступления квартировали. «Может, думаю, старика встречу». Пробрался в сад, у плетня скрадок смастерил, затаился. Улочка — ни души живой. Понаблюдал малость, собрался было преспокойно двинуться восвояси — и тут откуда-то на тропке обер-лейтенант появился. Идет, посвистывает, вроде бы и войны для него нет. Не тронул бы я его, ребята, честное слово, не тронул. Увидел он меня, за пистолет схватился. Пришлось... Короче, вот сумка с документами. Вот пистолет...

— Неважнецки у тебя получилось,— после глубокого молчания заметил Демьян Федотов.— А уж если брать, то живого...

— Живого и хотел... В Забайкалье у нас парни пошутить сойдутся и то крепче бьют. Я и не думал, что...

— Твоими кулаками, Коля, железо ковать можно. Сколько раз воспитывал я тебя: рассчитывать удар надо. Которого «языка» губишь. Эх, ты-ы-ы, забайкальский медведь! — роясь в сумке обер-лейтенанта, Демьян беззлобно ворчал на друга. Ему попалась пачка бумаг. Выбрав одну из них, он развернул ее, вгляделся и, вскочив на колени, раскинул перед товарищами.

— Карта! Братцы! Схема обороны нашей дивизии! Да, да! Вот расположение полков! А это — артиллерийские батареи, минометные роты... Глядите-ка, на ней все до последнего пулемета обозначено!

Разведчики сгрудились над картой. В это время зашелестел орешник. По склону овражка, шурша, покатились комья сухой глины. Николай вполголоса подал команду: приготовить оружие!

Ветви заколыхались, из кустов на лужайку вышел лейтенант Киреев. Откинув капюшон маскхалата, он огляделся и, заметив притаившихся в орешнике разведчиков, спросил:

— Почему сменили базу?

— Меня, товарищ лейтенант, немцы обнаружили,— ответил Николай виновато.

— Где?

— В Ключах.

— Та-а-ак... При каких обстоятельствах?

— Приказ я ваш нарушил... Из колхозного сада я...

— Ладно! Детали потом! Погоня была?

— След от них спрятал. До вечера по камышам ползал.

Киреев заметно повеселел.

— Легко, Николай, отделался. Могло быть и хуже! — проговорил он и подсел к нему.— Не вешай носа. Все будет хорошо.— И к остальным: — Ну, орелики! Животы от растительной пищи не вспухли еще? (Разведчики давно израсходовали НЗ — неприкосновенный запас — и питались щавелем да сухарями.) Держаться! К утру будем дома. Ночью дубовым перелеском прошмыгнем до мельницы, а там — через Сож вплавь. На той стороне — наша дивизия. Сведения взяты у надежного человека, хозяина старой квартиры. Вы что?

Все молчали. Николай смотрел под ноги и сопел угрюмо.

— Случилось еще что-нибудь? — в голосе лейтенанта звучало недоумение.

— Выходит, что мы в одном месте побывали,— объяснил Николай.— Я к старикову домику со стороны сада подбирался.

— Ну?

— Офицера там и... взял...

Отправляя Полянского, Киреев строго-настрого приказал ему ни в коем случае не обнаруживать себя, не соблазняться никакими трофеями. «Главное — разведать дорогу к своим,— говорил он.— Задача — нащупать слабое место в обороне противника и выбраться отсюда. Гитлеровцы пока и не подозревают, что у них в тылу блуждает наша группа... Разведаем дорогу, тогда и за «языком» пожалуем».

— Вы, старший сержант, нарушили боевой приказ и поставили под угрозу всю группу,— посерьезнел Киреев.— У старика я взял сведения о силах противника и договорился с ним о дальнейшей разведке, которую ему легче проводить, чем нам. Теперь старика, конеч-

но, немцы заподозрят и, может быть, расстреляют. Вот что вы наделали! По возвращении в дивизию я буду ходатайствовать о самом строгом для вас взыскании. Поняли?

— Так точно, товарищ лейтенант!

— Вещи у офицера взяли? Какие?

— Полевую сумку с документами, несколько писем... пистолет...

— Дайте сюда!

— Карту с подробной схемой нашей обороны у фашиста в сумке обнаружили,— поспешно сообщил Демьян Федотов, надеясь успокоить командира и хоть немного умалить вину товарища.

Было темно, и Киреев склонился над картой, почти уткнулся в нее, чтобы получше разглядеть карандашные пометки, условные обозначения.

— Да, здесь есть над чем поломать голову.

— Узнать бы, товарищ лейтенант, как фашисты заполучили сведения. Схема — точнее не найдешь! — опять вставил Демьян.

— В дивизии разберутся! — лейтенант сложил и спрятал карту в полевую сумку.— Надо немедленно уходить. Осмотрите, все ли в порядке.

Густые сумерки окутали землю. Повеяло прохладой. С полей ветерок донес пряные запахи цветов и трав. В орешнике робко щелкнул, а затем рассыпал звучные трели соловей. В такие ночи не по вражеским тылам плутать, а под голосистую гармошку тревожить задушевными песнями сердца девчат или водить за околицей сонного села хороводы.

Миновали молодой дубнячок. Слева и справа слышались приглушенные голоса бодрствующих в окопах немцев.

Разведчики шли друг за другом, след в след. В руках — автоматы. Нервы напряжены до предела: легкий шорох под ногой — и пятерка цепенела. «Тик-так, тик-так, тик-так». Это часы на руке лейтенанта отсчитывали томительные секунды.

В темное небо гигантской занозой взвилась ракета и осветила передний край противника, реку и темный берег той, родной стороны. Разведчики припали к земле, срослись с нею. Ракета погасла. Вперед! Сердца колотились отчаянно.

У реки — пустая траншея, две линии «спирали Бруно». Дальше — камыши. Наконец-то!

— Полянский,— шепотом позвал лейтенант, приспосабливая поверх пилотки полевую сумку — единственный трофей затянувшегося поиска.— Вы плывете за мной. Замыкающим — Федотов.

Неслышно плещется вода. Камыши кончились. Тишина. Но кто поручится, что именно в эту минуту десятки глаз не следят за разведчиками, что какой-нибудь вражеский офицер не поднял ракетницу над головой, чтобы дать сигнал к нападению. Лунная дорожка пролегла по речной глади до противоположного берега. Дно выскользнуло из-под ног. Стремительная струя подхватила смельчаков и вынесла к песчаной косе.

В небе повисла новая ракета.

Позади запоздало забился неистовой дрожью крупнокалиберный пулемет. Тотчас ему ответил веселый баритон «максима»: «Та-та-та-та-та...»

Киреев первым выбрался на травянистой берег и, когда подтянулась группа, ползком двинулся к смутно выступающим из темноты кустарникам.

— Хенде хох! — акающий голос раздался где-то совсем рядом. Клацнул затвор винтовки. Но и в грубом окрике, и в грозном щелчке металла было столько родного, бесконечно близкого и радостного, что Демьян Федотов не сдержал шутки:

— Здорово, Пенза! Эх ты, «Хенде хох!»

— Неужто свои?

— Разведчики! — отозвался Киреев.

— Пароль?

— Не так давно был «Днепр», а сейчас...

— Стой,— последовало короткое, но властное распоряжение невидимого часового.— Ни с места! А не то дырок в теле напровертываю... Эй, отделенный! Тут какие-то через речку переправились. Слышь, отделенный?

— Мы дивизионная разведка! — негромко сказал Киреев.— Я командир взвода. Это чей полк? Не Бухарцева?

— У тещи своей спроси! Лежите — и чтоб ни пальцем! Стрельбу подниму, всех поснимаю. Эй, отделенный! — и после непродолжительной паузы: — Это вы,

товарищ командир роты? Разрешите доложить! Я тут в травке неизвестных прижал. С той стороны до нас вплавь перебрались. Пароля не знают, а по разговорам будто свои. Я за ними давненько приглядываю...

— Кто такие? — спросил командир.

— Дивизионная разведка! Фомичев, ты, что ли! Здорово!

— Киреев! Привет, чертушка! А мы-то, признаться, не ждали... Правда, дивизия предупреждала, что не исключена возможность... В общем, похоронили вас всех.

— Рано, выходит.

— Рано? Тут, брат, свистопляска была под Ключами такая, что... Ну, да в штабе лучше меня расскажут. Давайте сюда!

Мокрые, перепачканные песком и глиной разведчики проворно скатились в траншею. Николай обнял низкорослого бородатого пехотинца и от избытка чувств так стиснул его, что тот взмолился:

— Пусти, леший. Слышь, пусти! — он болтал ногами, которые путались в длинных полах шинели.— Пусти, говорю! Раздавишь ведь!

— Твой «Хенде хох»,— смеясь, выговаривал солдату Федотов,— для нас как пасхальный благовест был. Не знаю, поймут ли тебя немцы, а я сразу понял... угощай-ка, братец, табаком!

Поглаживая ноющие от объятий бока, пехотинец пустил в Николая смешком:

— Должно, девчата тебя сторонкой обходят.

— Что так? — не улавливая подвоха, поинтересовался Полянский.

— Разыграются страсти, прижмешь и... душа в рай! Так-то. А насчет диалекту,— добавил он, полуобернувшись к Федотову,— у нас международные понятия имеются. «Хенде хох!» — это вроде присказки, приголубки. Дале я бы разъяснил,— и бородач ввернул такое словцо, что все охнули.

— Силен, силен! — одобрил Демьян.

Пехотинец с достоинством вытащил из кармана замысловатую табакерку с каким-то рыцарским гербом на крышке и тряпичный кисет.

— Выбирай что любо.

— Предпочитаю сорт «самкраше», — оживился

Демьян, протягивая руку за кисетом,— фабрика Вятка, от бани третья грядка. Не ошибся?

— Угадал.

Закурили. Сторожко замигали в траншее огоньки цигарок. Запахло крепкой махоркой. Николай смотрел, как, зажав самокрутки в ладонях, жадно затягивались друзья, прислушивался к сонному плеску реки, к шелесту погруженных в ночь деревьев и тревожно думал: «Киреев настоит, чтобы меня наказали по всей строгости. Может, из разведки даже отчислят. Командир кругом прав. И стоило мне связываться с этим обер-лейтенантом... Куда я пойду от своих товарищей?»

Одна за другой меркли звезды. На востоке расплывалась бледно-розовая полоса зари. Ночь будто выцвела разом. Ветер обдувал мокрую одежду. Стало холодно. Щедрый пехотинец, проникнувшийся за время короткой беседы глубочайшим уважением к разведчикам и почему-то именовавший Николая «землячком», принес еще одну «жертву». Глядя из-под косматых бровей на посиневшие от холода лица, со вздохом достал из вещевого мешка плоскую алюминиевую флягу и взболтнул ее над ухом.

— Для сугрева,— сказал он, звучно глотая вдруг набежавшую слюну.— Налью вам по махонькой. Держи кто кружку!

Выпили. Свернули еще по цигарке. Согрелись и заговорили.

От командира роты возвратился Киреев. Он был возбужден, радостен. Разведчики поднялись, притушили самокрутки.

— Федотов!

Демьян подошел к лейтенанту. Киреев был ничуть не ниже Федотова, но широкие плечи скрадывали его рост. Лицо, не по возрасту юное, уже носило на себе отпечаток суровой профессии разведчика. Рот с едва пробивающимся пушком на верхней губе очерчивали две глубокие складки. Едва различимая на темной от загара коже сетка морщинок приютилась у глаз. На туго обтянутых скулах обозначились твердые бугорки мышц.

Не глядя на Демьяна, Киреев приказал:

— Едем в штаб! Обезоружьте Полянского: он арестован.

Николай вручил Федотову автомат, отцепил и передал гранатные сумки.

— А кинжала нет,— с грустью объяснил он, поглаживая пустые ножны.— Оставил за рекой, в проводнике той проклятущей собаки,— и, не дожидаясь приглашения, первым легко выпрыгнул из окопа.

Бородатый пехотинец, обескураженный непонятным и внезапным арестом землячка, недоуменно махнул ему рукой и, как бы устыдившись своей робости, приподнялся над бруствером, крикнул вдогонку:

— До встречи, земляк! И вы, братки, в гости захаживайте! Приведется быть в нашей роте, спрашивайте Коробова!

Шофер генерала Бурова, заметив разведчиков, тормознул так лихо, что юркий «виллис» метров семь скользил юзом с намертво застопоренными колесами.

— Велено домчать! — сообщил он Кирееву.— Прошу.

Зарычал мотор. Заохали дорожные выбоины и ухабы под рубчатыми шинами. «Виллис» влетел на изрытый снарядными воронками холм. В низине открылось небольшое село. Оно было мирным — это село. Белые мазанки, сады, колодезные журавли, редкие сизые дымки над крышами... Неужели война прогромыхала где-то рядом? Нет, она побывала и здесь, оставив груды обугленных бревен, выжженные, исковерканные металлом сады, голые печные трубы.

Возле околицы группу встретил командир дивизионной разведки капитан Мигунов. Отмахнувшись от рапорта, он по-дружески обнял каждого.

— Воскресли, а? Воскресли! — скуластое, узкоглазое лицо его излучало радость. На темных ресницах поблескивала подозрительная влага, но Мигунов не смущался.— Знал ведь я, черт вас дери, что воскреснете! Семененко! Куда ты делся, Семененко!

Из-за спины Мигунова вынырнул долговязый Семененко, его ординарец. Молодцевато вытянулся, щелкнул каблуками.

— Слушай, Семененко! Проводишь героев ко мне в дом и скажешь старшине, чтоб угостил их как подобает! Уяснил?

— Так точно, товарищ капитан! Чую!

— «Чую, чую». Двигайтесь, хлопцы! А нам с тобой,

Киреев, к генералу идти. Приказал сразу. Поделись, что за карту ты там раздобыл?

Лейтенант протянул Мигунову трофейную полевую сумку и доложил:

— Вот сумка с документами! Захватил ее у гитлеровского офицера старший сержант Полянский. Товарищ капитан, прошу взять Полянского под арест,— голос Киреева был глухим. Глаза колюче смотрели на внезапно помрачневшее лицо ротного командира.— Старший сержант должен понести наказание за самовольство!

Мигунов поморщился. На расспросы и раздумье не было времени: офицеров ждал комдив.

— Передай приказ старшине,— кивнул капитан ординарцу.— До разбора дела взять старшего сержанта под стражу. Только пусть покормят сначала.

Разведчики, сопровождаемые разговорчивым Семененко, направились в расположение роты, а офицеры сели в машину и покатили к штабу дивизии.

На крыльце единственного в селе каменного дома под черепичной крышей Киреев еще издали увидел среди офицеров штаба высокую, чуть сутуловатую фигуру генерала в накинутой на плечи шинели. Буров приветливо улыбался.

— Говорил, что тебя как командарма ждут! — Мигунов толкнул Киреева в спину: — Все начальство в сборе.

«Виллис» на полном ходу замер у крыльца, будто вмерз в землю. Буров сбежал по ступеням, распахнул дверцу машины и пробасил добродушно:

— Чего же это ты, разведчик? Жду тебя целый час... Чай на столе остынет. Пойдем, пойдем. Допрашивать стану с пристрастием. Готов?

Беседовали по-домашнему. Киреев, мелкими глотками отхлебывая из стакана крепко заваренный горячий чай, рассказывал подробности вынужденного рейда от начала поиска и до встречи с Фомичевым. Буров слушал внимательно. Чай его давным-давно остыл, но он и не прикоснулся к нему. Начальник штаба дивизии, тучный полковник Локтионов на свободном конце широкого стола разложил карту и, прижимая ее, водил самодельной указкой по пунктам, которые перечислял разведчик. Генерал, поигрывая чайной ложкой, следил

за тем, как острие указки легко перескакивает речки, ручьи, болота, овраги. Когда Киреев закончил сообщение, он заметил:

— Плохо, лейтенант, очень плохо! Ты упустил возможность разведать ближние тылы и расположение сил противника. Надо было до конца использовать этот исключительный случай, проявить инициативу. А теперь через день-два придется снова идти в разведку. Дорогу-то запомнил?

— На всю жизнь, товарищ генерал... Мой помощник, старший сержант Полянский, нарушил приказ и обнаружил себя. Это едва не кончилось трагически для группы.

— «Едва» и «чуть» на войне в счет не принимаются. Если бы ваш помощник не отважился напасть на обер-лейтенанта,— возразил полковник Локтионов, посматривая на генерала,— вы, Киреев, пришли бы с пустыми руками. Отсюда — выводы...

— Не торопитесь с выводами,— Буров отодвинул подальше стакан с нетронутым чаем и закурил папиросу.— Полянский — хороший разведчик.

— Лучший в роте! — подтвердил капитан Мигунов.

— Вот-вот! Но дисциплину нарушать, анархию разводить в боевом подразделении не дозволяется никому...

— Извините, товарищ генерал!.. Я решительно настаиваю на самом суровом наказании Полянского! Тем более что захватил он обер-лейтенанта у домика старика, который информировал меня о расположении в Ключах гитлеровцев и должен собрать новые сведения.

— И ты, лейтенант, в крайность ударяешься. Нашему старику никто не угрожает. Гнались-то за Полянским. Знаешь, как в народе-то говорят? Мудрено голову приставить, не мудрено ее срубить,— Буров скрипнул стулом, расстегнул крючки стоячего воротника и повернулся к Локтионову.— Дай-ка сюда трофеи.— Он вытряхнул содержимое сумки на стол и взял первую попавшуюся на глаза книжечку в коричневых корках.— Ага! Удостоверение! «Обер-лейтенант Отто Руттер, работник секретного отдела разведки девятой армии...» Птица важнецкая! Этот дрозд, пожалуй, стоил риска! Бумаги... Письма... Карта! — Генерал развернул

сложенную гармошкой километровку и склонился над ней.— Сергей Петрович! А ну-ка взгляни! Здесь же нанесена система нашей обороны под Ключами! Ну да, она самая!

Полковник Локтионов долго всматривался в карту, потом растерянно обернулся к комдиву. На лице его с крупным широким носом и множеством синих пороховых точек, засевших под смуглой кожей еще в гражданскую, выступила испарина.

— Поразительно точная схема,— наконец проговорил он.— Можно подумать, что ее скопировали в нашем штабе.

Буров насупился и отрывисто сказал, обращаясь к Мигунову и Кирееву:

— Идите! В двадцать два ноль-ноль пришлите Полянского. Его из-под ареста освободить!

Когда офицеры вышли, генерал еще долго изучал карту обер-лейтенанта. Локтионов принес штабную схему расположения войск под Ключами перед неудачной операцией. Стали сличать одно с другим и убедились, что трофейная карта — идеальная копия штабной. Буров разволновался, угрюмо походил из угла в угол и, остановившись у окна, резко распахнул его. Свежий ветер, отдувая белые холщовые занавески, ворвался в комнату, взъерошил седые волосы генерала, зашелестел бумагами.

— Сергей Петрович! — Буров повернулся к полковнику.— Чем ты объяснишь столь странное сходство?

Локтионов пожал плечами:

— Даже произносить боюсь.

— Что? Страшно?

— Буду рассуждать, Валериан Владимирович. На карте немца нанесены подробнейшие данные о расположении наших частей и огневых средств перед прошлой операцией. Как они могли раздобыть эти данные? Допустим, что был использован метод «засечек». По огневым точкам он приемлем. Но дислокация резервов. Здесь налицо...

— ...шпионаж? — Буров грузно шагнул к столу.— Согласен! За последние два месяца проведено шесть крупных боев. В трех случаях из шести противнику почему-то удавалось с необыкновенной точностью

вести артиллерийский обстрел наших позиций, направлять массированные удары авиации по наиболее важным узлам. Ты не станешь отрицать, что артиллеристы Любимова изобретают прямо-таки диковинные способы маскировки. Вчера мы с тобой целый час бродили по огневым первого дивизиона, чуть на стволы орудийные не наступали. Так? И все же, как только начинается артиллерийский обстрел перед крупной операцией, немцы первыми же залпами накрывают огневые позиции полка.

На пороге неслышно появился адъютант Бурова.

— Товарищ генерал! Из штаба армии прибыл майор Соколов!

— Не мог попозже,— проговорил Буров.— Как, Сергей Петрович, побеседуем? Тогда проси.

Майор Соколов держался свободно, говорил немного, но уверенно. Кажется, ничего особенного в нем не было: темные волосы с проседью, коричневые с едва уловимым светлым оттенком глаза, лицо без единой морщинки, и все же он сразу обращал на себя внимание...

Только четверо в дивизии — Буров, Локтионов, начальник политотдела полковник Дмитриенко и контрразведчик дивизии майор Шабалин — знали, что Соколов, назначенный на должность начальника оперативного отделения соединения вместо раненного под Ключами подполковника Стрельченко, выполняет в дивизии особое задание.

В КРУГУ ДРУЗЕЙ

Известие о том, что разведчики вернулись, взбудоражило роту. Все радовались их возвращению, все хотели их увидеть, поздравить. К домику, где хозяйственный старшина Луценко устроил им «всепродснабовский пир», началось паломничество. Старшина, как мог, охранял покой прибывших. Он сидел на завалинке у крыльца и без лишних объяснений предлагал гостям «от ворот поворот». Но как он ни ограждал разведчиков, им все-таки передали сердечное приглашение на солдатский пир-разговор.

Однако сами вернувшиеся были настроены иначе. В светлой горнице с низким потолком царила гнетущая тишина.

Николай, склонив над столом забинтованную голову — в схватке собака поранила ему ногу, щеку и шею,— хандрил. Он не мог примириться с мыслью, что через несколько минут будет сидеть в пустом блиндаже под наблюдением часового, своего же товарища.

— Ты, Коля, держись,— успокаивал его Демьян.— Тот не солдат, кто на «губе» не сиживал!

— Мне «губа» ни к чему,— буркнул в ответ Николай, не поднимая головы,— солдат служить должен, а не отсиживаться на гауптвахте. Война ведь, а не мирное время.

— Держись! — Демьян оживился: раз Николай ответил, значит, отходит.— Приказ ты нарушил. Факт! Но и обера важного прихлопнул. И правильно прихлопнул! Посуди, его рано или поздно мы... С таким балластом по тылам таскаться не станешь! А старика немцы не тронут. Они же видели тебя. Смотри веселей! Учти, если что, к самому генералу пойдем и потребуем, чтобы тебя освободили!

— Забастовку организуете, многолюдную демонстрацию проведете? Нет, в армии так не положено...

— Справедливость и в армии должна быть!

— Я в боевой обстановке приказ командира нарушил? Нарушил.

— Но документы захвачены. Важные документы! Плюс это?

— Командир взвода действует по уставу. Правда на его стороне.

— Душу солдатскую нельзя сбрасывать со счетов! — вспыхнул Демьян.— Надо так, чтобы заботы солдатские были и командирскими заботами, чтобы и радость была на всех, а не персонально — такому-то. Не верно, что ли? Помните лейтенанта Ситникова? Вот это был командир! С ним всегда на любое задание охотно шли; уважал он солдата, думать разрешал, инициативу проявлять. А этот все сам. Любит геройство индивидуальное показать.

— Может, верно поступает командир,— вставил Рыбаков,— с этими личными вылазками? Заметили? Как поиск, так «язык»...

— Язык — всегда язык,— философски изрек Семухин.

— Братцы! — воскликнул Демьян. — Фома заговорил! За два года фронтовой жизни второй раз голос его слышу! Попросим, братцы, его и о лейтенантовых удачах свои мысли высказать! Валяй, Фома, держи речь!

— Закинчуй крытыку, — предупредил старшина, заглянув с улицы в окно.— Идуть!

Шоркнув подошвами сапог о разостланную возле порога тряпку, Мигунов и Киреев прошли к столу, сели. Лейтенант бросил на Николая неприязненный взгляд. Мигунов, напротив, улыбнулся:

— Приуныл, разведчик?

— Такая история...

— Прочувствовал? Добро, если прочувствовал... Наказание отменяется. Пойдешь к генералу на беседу ровно в двадцать два ноль-ноль. Быть в лучшем виде.

— Так точно, товарищ капитан! — вскакивая, молодцевато громыхнул Николай.

— Полегче, полегче! Стекла от воздушной волны повылетают... Обрадовался... Поели? Тогда — отдыхать. Только вряд ли это вам удастся: там ребята давно митингуют, ждут не дождутся вас. Ну, идите, идите...

В просторной риге, пропитанной запахом прошлогодних снопов, было шумно, как в цыганском таборе. Брякали котелки. Крепкий табачный дым перемешивался с горьковатым дымком походной кухни, въехавшей прямо под крышу. И говор, и песни, и смех...

— Привет, невидимки! — останавливаясь в дверях и раскидывая как бы для объятий руки, выкрикнул Демьян.

— Пришли!

— Они! Ребята, они!

Улыбающиеся, радостные, все бросились к разведчикам.

— Ни с места! — рявкнул Демьян страшным голосом и, когда первые ряды встречающих в недоумении остановились, спокойно предупредил: — Только не качать. Мы после обеда.

«Именинников» окружили. Всем хотелось как-то излить свои добрые товарищеские чувства. Одни стара-

лись через головы впереди стоящих дотянуться и похлопать по плечу каждого из «воскресших», другие предлагали им кисеты, третьи, загадочно подмигивая и прищелкивая пальцами под подбородками, отзывали в сторону. Повар в белом колпаке, надетом прямо на пилотку, решительно закрыл кухню и объявил «шабаш».

— Сидоров,— обратился он к одному из своих постоянных клиентов, рослому парню, усердно работавшему алюминиевой ложкой.— Отрабатывай добавку: подбрось коню сена. Слушать будем. Кормление приостанавливается! Недовольные имеются? А голодные? Тоже нет. Вот и договорились.

Шум постепенно улегся. Демьян Федотов торжественно занял почетное место на перевернутом снарядном ящике. Рядом на охапках соломы сидели его друзья. Демьян повел рассказ о скитании группы по тылам гитлеровцев. Говорил он, сдабривая речь шутками, украшая небылицами. Многие дивились, где и когда сумел сержант Федотов начинить свою удалую голову таким количеством басен. Начнет привирать — не остановишь. И, главное, знаешь, что несет человек околесицу, но подает он ее до того складно, будто по книге читает. Послушаешь, и сомнение берет: а может быть, все именно так и произошло?

Демьян начал рассказ о подвиге старшего сержанта Полянского издалека: как и все солдаты-фронтовики, любил он подтрунить над верным другом, подтрунить ради того, чтобы развеять у слушателей тоску по дому, разогнать мрачные думы, вызвать, наконец, улыбку. Друг не осудит, поймет.

— Братцы! Знаете ли вы, откуда у нашего Николая сила этакая взялась? — косясь на Полянского золотистыми плутоватыми глазами, спросил Демьян у притихших в ожидании захватывающей истории соседей.— Не знаете? Так-то. И не старайтесь дознаться. Дело, доложу я вам, это вроде нечистое. Получил старший сержант могучесть свою через обыкновенного теленка холмогорской породы.— Демьян сделал глубокую паузу и, заметив многозначительные улыбки, добавил: — Да, да. Нечего зубы скалить. Быль не сказка: из нее слова не выкинешь! Законным путем обрисую сейчас все это почтенному собранию... Есть, братцы, в Цент-

ральной Америке государство под названием Гватемала. Бывал ли кто-нибудь там? Бывал, спрашиваю? Жаль, жаль... Не интересуетесь вы, оказывается, земным шариком! А ведь вам на нем век жить придется! — Демьян вздохнул с укоризной и заключил: — Я, братцы, к сожалению, тоже там не был: не довелось. По службе я токарь-универсал. С той страной по роду занятий не соприкасался. А в гости ехать?.. Домосед я по натуре. Так вот — площадь той Гватемалы на карте любого международного масштаба пуговицей прикрыть можно. Народу — на две дивизии с трудом наскребется. Но люди, надо сказать, работящие. Бананы они возделывают. Это стручки такие, вроде гороховых, а вкусом на дыню смахивают. Кофе и какао выращивают неизвестных мне сортов. Самая доходная статья у них, братцы,— сахарный тростник. Стебельками он к жаркому ихнему солнцу тянется. Срежешь один такой пятиметровый стебелек, пососешь и как будто сиропа сладкого напьешься. Американцы, наши-то союзники, прибрали Гватемалу к рукам, открыли в ней унитарную республику и меняют правителей, как, простите за выражение, фашисты нижнее белье после визита наших Илов...

— Демьян! А что такое унитарная? Мудрено больно. Растолкуй.

Разведчик отыскал глазами автора этого каверзного вопроса, почесал затылок и умолк. Что делать? Не ответить — потерять престиж, уронить марку. Соврать? Есть вещи, где вымысел — преступление. Смуглое, подвижное лицо Демьяна с бойким завитком густых черных волос на лбу приняло выражение озабоченности. Помешкав, он собрался с духом и уверенно пояснил:

— Ты, Нишкомаев, политикой интересуешься, а простых вещей в толк взять не можешь. Надо каждое слово на слух проверять! Унитарная. Слышь, как звучит? Слышь? У-нитаз! Чуешь? Вот и смекай, какая это для трудового народа республика. Унитазная, понял? Богатеи жиреют, бедняки тощают. И потом ты, Вакула, не тревожь меня вопросами, не отвлекай! Один на один все неясности уладим. Итак, к чему я вам, братцы, рассказываю о Гватемале? К тому, чтобы сообщить, что Полянский родился не там, а в Забайкалье, местности,

которую на карте самого мелкого масштаба и каской солдатской не закрыть. Вы, конечно, знаете где? Это на Байкале, справа от второго маяка, чуть левее соснового леса, возле речки Крутеи...

— Ближе к делу! — выкрикнул кто-то из задних рядов.— И чуток погромче!

— Эх, люди! Всякая побаска хороша с прикраской... Ладно, раз просите, я согласен! — Демьян махнул рукой.— Значит, в Забайкалье, по тем самым координатам, что я указал, жил наш Коля. На охоту ходил, омулей ловил, сено косил, хлеб убирал и так далее... А у Николаева отца, к вашему сведению, не то что у сына — цепкий хозяйский глаз: клок сена не пропустит на дороге. Не верите? Спросите сами у старшего сержанта. Так ведь?

— Ходил и на охоту, и на ловлю омуля, и сено косил...— согласился Николай. Он, как и другие, с интересом слушал рассказ.

— Видите? — обрадовался Демьян. — Коля подтверждает, что не в Гватемале родился! У меня в любом деле истина впереди. Я, братцы...

— Люблю трепаться! Ведь брехать — не штыком махать,— закончил кто-то.

— Не баловал отец сына,— поспешил продолжить Демьян, приучал сызмальства к труду. Дом у Полянских, что энпэ у артиллеристов резерва главного командования,— настоящая крепость из лиственницы. Неподалеку ручеек по камушкам прыгает, эта самая Крутея. Взамен моста через нее две жердочки перекинуты. На том берегу лужок зеленеет. Трава сочная, свежая. В тот год у Полянских в хозяйстве прибавка произошла: корова отелилась. Отпоили телка молоком положенный срок, отец и говорит: «Кажись, хватит скоту молоко стравлять, на природный рацион переводить надо. Перенеси-ка, Никола, телка на тот берег, пусти в лужок». Бате перечить не станешь. Взял сын бычка на руки, приподнял — и на ту сторону, по жердочкам, топ, топ, топ... Неделя проходит, парень бычка, как дитятю, туда и обратно доставляет. Вторая неделя воскресенье показала — то же самое. Третья...

— Но-но,— запротестовали слушатели.— Сбавь, Демьян: много!

— Выверено! Дни там, братцы, проходят, что у нас

в обороне. Три раза откушал, переспал, и сутки как корова языком слизнула. Живет Коля не тужит. Все идет хорошо. Да стал он вдруг подмечать, что с переправой нелады — прогибаются жерди до самого потока, аж подошвы струей смачивает. «С чего бы сталось такое, думает, никак, дерево пожижело от старости? Как бы не треснуло посередке, прах его возьми! Надо покрепче, однако, переправу навести». От слов до дела минута не пролетела. Но видит Коля, что и новый настил в дугу превращается. Ломает он голову над неразрешимостью вопроса... Недель этак с десять прошло — ей-ей не брешу! — выглянул Колин отец на зады по надобности, смотрит — мать честная! — какой-то детина, не то сдуру, не то со злым умыслом, быка на себе через Крутею тянет. Мост под ним прогибается, а он хоть бы хны! Скотина, видать, тоже привыкла к подобному обхождению, не брыкается, не ревет. Замечает старик, парень вроде знакомый. И скотину признал. Затряслась под папашей земля, как при артподготовке, ноги подкосились. Пал он на траву: «Бросай, кричит, животную с плеч, такой-сякой! Напужаешь, пропадет скотина! Сам грызь заработать можешь!» А старший сержант, братцы, и ухом не ведет. Перетащил быка в лужок, вернулся к родителю и говорит: «Незачем, батя, кровь волновать. Мы теперь к бычку привыкшие. Надо было, батя, прежде глядеть, в какое дело сына втравляете...»

Конец истории утонул в дружном хохоте.

— Вот, черт!

— Ну и ну!

— Складно у тебя, Дема, выходит,— широко улыбаясь, заметил Николай и дружески хлопнул Федотова по шее ладонью так, что тот присел.— Но есть и неточности. Не бычок то был, а телушка...

— Только-то? — с деланным изумлением, под новый раскат смеха осведомился Демьян.

— В старших сержантах я тогда еще тоже не значился.

— Винюсь! Это промашка. Тут уж ничего не попишешь...— Демьян вдруг потянулся и сладко зевнул, показывая, что устал и не прочь отдохнуть после пережитых треволнений. На самом же деле он желал, чтобы его попросили продолжить рассказ. Ход был рассчитан

правильно, отовсюду посыпались настойчивые просьбы, а вслед за ними упреки:

— Не тяни!

— А дальше?

Демьян упрямо отнекивался.

— Нашли кого упрашивать! — выкрикнул звонко Нишкомаев.— Ломается! Неужели не знаете? Его хлебом не корми, дай поболтать. Всю ночь проворочается, коли до конца не выговорится. Он еще нас упрашивать должен, чтобы не расходились...

— Ой ли?

— Что, нет? Расходитесь, ребята!

Все зашевелились. Кое-кто встал.

— Но, но...— Демьян поднял руку.— Сидите. И пошутить нельзя. Не понимаете вы душевных тонкостей человека. Разведчики должны характер каждого встречного по голосу определять. Ну, будь по-вашему, слушайте дальше!..

Поведав о мытарствах группы за линией фронта, Демьян попросил обрисовать подробнее неудачный бой под Ключами.

А было под Ключами, как рассказал вернувшимся разведчикам старшина Луценко, вот что.

На вторые сутки после ухода группы Киреева в поиск погода разгулялась. Ночью звезды бисером высыпали на темный небосклон. Подул ветерок и угнал остатки облаков к востоку. Солнце выглянуло рано. По лощине, где проходила нейтральная полоса, расползался молочный туман. Густея, он поднимался все выше и выше, плотной пеленой окутывая траншеи, ослепляя наблюдателей. Часов около семи в небе показались «юнкерсы». Шли они на большой высоте и поэтому не вызывали у командования особой тревоги. Но, зайдя со стороны солнца, головная машина вдруг качнула плоскостями и, клюнув носом, нырнула в пике. За ней дружно ринулись к земле и остальные самолеты. Нудно завыли сирены. Бомбы с противным воем посыпались на передний край дивизии, на лесок, что простирался перед станцией.

Пехота сразу же «ушла в землю»: скрылась в траншеях и замерла в ожидании конца бомбежки. Артилле-

рии и тяжелым минометам было труднее. Бомбы так и кромсали огневые позиции. Одна из крупных фугасок разорвалась неподалеку от гаубичного артиллерийского полка. Столб земли, дыма и пламени взметнулся к небу. Лошади обезумели. Обрывая уздечки, они с диким ржанием и храпом устремились на огневые, под защиту людей. Енисей, статный, поджарый жеребец, наметом влетел прямо на артиллерийский НП. Командир первого дивизиона майор Сарычев, заметив своего скакуна, выбежал из подбрустверного блиндажа. Тонко, тревожно заржал Енисей, заметив хозяина, запрял ушами и потянулся было к нему, но слепящий оскал разрыва вздыбил коня, опрокинул на землю. Крик, совсем не похожий на ржание, острой болью отозвался в сердце майора.

Солдаты, что находились рядом, видели, как дрогнули губы командира, как светлая капля прокатилась по его запорошенной пылью щеке.

Не успели «юнкерсы» очистить небо, началась артподготовка. Орудия всех калибров били, не смолкая ни на секунду. Вражеские снаряды ложились густо, воронка в воронку...

— Мы з Нышкомаевым,— вспоминал старшина Луценко,— до блиндажа артыллеристив швыдэнько заскочылы, щоб налит пересыдиты. Вбигли до ных, а воны сыдять, як в гостях у тэщи, спокийнэнько сыдять. Хлопэць один — Борис Великанов, з минометной батарэи... цэ в окулярах такый, сутуловатый... На вкругы зэмля вид снарядив рэвэ, аж стогин идэ, смэрть в вичи бийцам заглядав, а вин вирши власного творіння читае, и вси принишкли и уважно слухают його. Зроду я нэ чув таких сэрдэшных виршив. Прочитав бы, та не памятаю. Може, ты, Нышкомаев? Як, Вакуло?

— Про сорок первый год, что ли?

— Оцэ вирно... Прочитай, а?

Нишкомаев с опаской скосил васильковые глаза на Демьяна: «Опять начнет распространяться про мою актерскую неполноценность, про искру божию... Ну, да шут с ним! Мне хуже не станет. А ребята послушают». Он откашлялся, постарался придать розовощекому простоватому лицу с реденькими белесыми бровками, о существовании которых можно было только догадываться, суровое выражение и проговорил:

— Буду со средины. Начало не помню.

— Вступление что надо,— откликнулся Демьян,— многие поэты стихи свои с конца начинают: лучше воспринимаются. А мой приятель Федька Селиванов даже собственную семейную жизнь только с середины помнит...

— Не мешай! — миролюбиво перебил Нишкомаев.— Ты сам, Демьян, говорил, что конфликты один на один разрешать надо. Слушайте, ребята:

У солдата не стальные нервы,
Воля есть, но слезы тоже есть.
Помнишь лето? Хмурый сорок первый.
Вой сирен. Штыков холодный блеск.

Горький дым негаснущих пожарищ
День и ночь в одно перемешал...
Ты не прятал от друзей, товарищ,
Слез, когда к востоку отступал...

Проходил дорогами степными,
Городами, полными разлук...
Был тогда, как говорят, «не климат»,
Все случилось как-то сразу, вдруг...

Высота сто три клубилась тучей.
Девять дней атак и контратак...
Мы на гребне, а под черной кручей
Нас кольцом охватывает враг...

Карабин. Патронов два десятка.
Корка хлеба и мешок тоски...
Сорок первый! Он прошел несладко.
Он осыпал инеем виски.

Он тебя в семнадцать лет заставил
Пережить за сотни лет вперед!
Он тебя унизил и прославил,
Сорок первый, самый трудный год!

Нишкомаев читал выразительно, и все притихли, слушая его. Когда он кончил, Семухин после глубокого молчания заметил:

— Ладные стихи... Лихо было в сорок первом. А поэзия — душевная.

— Слухайтэ, що дали було,— опять заговорил старшина Луценко.— Сыдымо мы, а в цэй час биля самого блиндажа як рванэ! Скло з виконця вылэтило, двэри зирвало, а з накатив зэмля посыпалась на головы. Мы выскочилы — та в траншэи. А там...

...Снаряды, со свистом пронизывая глубокую и по-настоящему праздничную синеву майского неба, рвали горящую ковыльную степь. Но вот канонада смолкла, и появились фашистские штурмовики. Тени от них, мечущиеся по земле, были похожи на уродливые кресты. Штурмовики, «обработав» передний край, скрылись. Из отлогой балки тотчас же выползли вражеские танки. На полном газу двинулись они к нашим траншеям, стреляя с ходу.

Солдаты генерала Бурова дрались отчаянно. Они трижды поднимались в атаку и каждый раз откатывались назад. Комдив был вынужден бросить в бой последние резервы. Даже дивизионная разведка, которую он берег, была на переднем крае.

Атака за атакой следовали беспрестанно. Немцы наседали со всех сторон. Тяжелый танк и два бронетранспортера с автоматчиками прорвались к артиллерийскому НП первого дивизиона. Луценко с разведчиками, вычислители и корректировщики встретили врага огнем. Командир дивизиона майор Сарычев противотанковыми гранатами подбил «тигра» и поджег его. С бронетранспортерами расправились разведчики, раздобывшие где-то пэтееровское ружье. Но в конце концов фашистам удалось окружить овраг. Бой разгорался. Теперь он грохотал по фронту дивизии. Обороняющиеся делали все, чтобы вырваться из кольца. Во время одной из очередных атак противника погиб майор Сарычев. С гранатой в руке он выскочил на самую кромку оврага, но автоматная пуля угодила ему в сердце. Майор сорвался с обрыва, покатился по глинистому склону как раз к тому месту, где лежал Енисей. Граната в руке Сарычева разорвалась, смешав их кровь воедино...

Проигранный бой привлек к себе внимание весьма странными обстоятельствами: и бомбовый удар, штурм, и первый залп артиллерии фашистов накрыли наиболее важные узлы обороны дивизии Бурова, вывели из строя почти половину орудий, минометов и пулеметов.

Карта обер-лейтенанта Руттера подтверждала предположения командования: противник располагал точной схемой обороны дивизии. Но как он сумел заполучить секретные сведения?

Над этим и размышляли сейчас генерал Буров, полковник Локтионов и майор Соколов.

Генерал стоял у карты, развешанной во всю стену, и, оперируя схемами отдельных участков обороны, зачитывая короткие сообщения командиров полков и батальонов, подробно анализировал ход боя под станцией Ключи. Соколов слушал внимательно и время от времени делал короткие заметки в записной книжке, пристроив ее на колене.

— К оперативным документам, — заключил Буров,— доступ имеет узкий круг проверенных работников. Народ, я считаю, надежный. При самом придирчивом подходе к этим людям я не могу заподозрить ни одного из них.

— Да, но...— полковник Локтионов, волнуясь, достал платок и вытер потный лоб.— Но,— повторил он,— на карте Руттера нанесены данные, неизвестные ни штабу армии, ни штабу корпуса. На ней помечены даже предполагавшиеся перемещения частей и подразделений до роты включительно.

— Прямых улик у нас нет!

— Карта обер-лейтенанта, — вмешался Соколов, — подтверждает имеющиеся у нас данные о том, что фашистский разведчик находится на вашем участке.

— Тогда создается чрезвычайно сложная обстановка,— сказал генерал, хмурясь.— Если враг действует в нашей дивизии, значит, мы скованы по рукам и ногам. Мы не сможем провести ни одного боя с уверенностью, что его план противнику не неизвестен. Так?

— Именно! — полковник Локтионов выразительно посмотрел на Соколова. — Я думаю, следует договориться со штабом армии об отмене намеченного наступления или хотя бы получить отсрочку. Гитлеровцы, возможно, уже извещены о наших замыслах. Исход операции...

— Нет! Я просто не узнаю тебя, Сергей Петрович! «Отменить!». Отменять наступления не будем! Ключи должны быть в наших руках — таков приказ командования! — генерал опять беспокойно заходил по горнице. Под грузными шагами тонко поскрипывали поло-

3 Заказ 433

вицы. Это раздражало генерала. Он морщился, но, нервничая, продолжал ходить, стараясь не ступать на скрипучие половицы.— Маленькая станция Ключи имеет для фронта слишком большое значение, Сергей Петрович! Мы должны внести некоторые коррективы в план, изменить время наступления. И вперед, вперед, вперед!.. А вы, майор, беритесь за дело, освободите нас от оборотня. Мы просим вас распутать этот клубок, и как можно скорей. Со своей стороны окажем любую, повторяю, лю-бу-ю поддержку!

— С этой целью я и прибыл к вам, товарищ генерал,— Соколов поднялся из-за стола.— На днях в дивизию приедет еще и полковник Силин. Он тоже идет по следу, как вы выразились, оборотня. Я думаю, что с задачей мы справимся.

Соколов стал перебирать рассыпанные по столу документы Отто Руттера, отложил карту, записную книжку, несколько писем в сторону и обратился к Локтионову: — Вас, товарищ полковник, я прошу еще раз и повнимательнее проверить людей, связанных с особо секретной документацией: лишняя предосторожность в таких делах полезна.

— Хорошо,— буркнул, не глядя на майора, Локтионов.— Я это сделаю, но в полезности сомневаюсь.

— Надо с чего-то начинать,— мягко заметил Соколов.— И еще просьба. Можно побеседовать с разведчиком, захватившим эти бумаги? С ним я хотел бы встретиться наедине, чтобы не вызывать лишних разговоров.

— Полянский будет у меня в двадцать два часа,— ответил Буров.— Жду и вас к этому времени.

От комдива Соколов зашел в оперативное отделение. Капитан Сальский, помощник начальника отделения, встретил майора коротким рапортом. Пока Сальский рапортовал, Соколов разглядывал его. Высокий, стройный помощник понравился ему: было в нем что-то располагающее к себе.

— Сегодня я не стану отвлекать вас от работы,— сказал майор.— Подробно с делами ознакомлюсь завтра. Сейчас думаю прогуляться, осмотреть село...

— Никаких достопримечательностей! — заметил Сальский. — Километрах в полутора есть живописный овраг и... пожалуй, и все!

— Вот видите! — Соколов шагнул к порогу и толкнул дверь.— Овраг — это уже достопримечательность.

По тихим улочкам села он вышел за околицу в расположение разведроты. Майор не собирался навещать разведчиков, но, попав к ним, решил остаться. В риге было шумно: Демьян по просьбе слушателей рассказывал о встрече Полянского с обер-лейтенантом. Соколов незаметно пробрался поближе к импровизированной эстраде, на которой восседал рассказчик, и примостился среди солдат.

— Идет, братцы, этот самый обер, посвистывает,— Демьян придал своему лицу подобающее выражение и сложил губы трубочкой,— посвистывает и тросточкой поигрывает, туда-сюда, туда-сюда ее покидывает. Тросточка у обера была не то чтобы очень. Вроде той, какие у нас в Крыму на курортах до войны продавали. Узоры по дереву разные: цветочки, бутончики, ягодки и так далее... Николай звероподобно в лопухах за плетнем затаился и ни гу-гу... фашист зырк глазами в одну из щелок в плетне. Блестит что-то. Решил рукой это что-то потрогать. Только пятерню протянул, а из лопухов... Кто бы вы думали? Наш Николай! Поднялся во весь свой рост и говорит оберу: «Стой, миляга! Труса не празднуй! Худа не сделаю, если молчать будешь!» Тот так и присел от избытка чувств. Правой рукой кобуру царапает, а левой мелкие крестики на лоб кидает: «Майн готт. Мы-де не знакомы. Я-де вас впервые вижу!» Ну, чтобы рассеять заблуждения, Коля выскочил из укрытия, описал кулаком перед носом у обера три полные окружности. «Молчи, говорит, и не вздумай богу душу отдавать. Сколько я на тебя сил ухлопал, жизненных калорий затратил! Совесть иметь надо!» Тот, конечно, в амбицию: «Не к лицу мне — офицеру фюрера...» Вы понимаете, что Коле в тот момент было не до прений. Дискуссию он разводить не стал, а размахнулся и стукнул его, так себе стукнул — легонько...

— А обер? — спросил кто-то, явно захваченный рассказом.

— Э-э-э, да что обер! — Демьян сплюнул под ноги.— Он всех рефлексов от страха лишился. И не мудрено: такая махина перед ним словно из-под земли выросла. И кулаки к тому же... Кулаки-то у Коли — крупней и увесистей кузнечных кувалд... В общем, слу-

чилось то, что должно было случиться. Ну, а потом фашисты нашего помкомвзвода по неопытности, словно рядового зайца, решили собаками выследить. Обиделся Коля на это — страх как! Чего улыбаетесь? Вы бы на это не обиделись, да? Обиделись бы! Николай тоже рассердился. «Ах, так! Ладно же». И с великой злости стал он такие фортели выкидывать, что фашисты с ног посбивались. Рыщут и по камышам, и по протокам, и по орешнику, а следа взять не могут. К небольшой группе автоматчиков Коля сам на смотр вышел. Те были так очарованы его бравым видом, что на месте остались. Правда, самый беспокойный из покойных хотел было сделать в Колиной голове небольшое отверстие, но... забайкальская косточка, братцы,— броня: не пробивает ее пистолетная пуля, плющится. В общем, притопал старший сержант к нам в глухую балку здоровехонек и говорит: «Нет ли, ребята, чего-нибудь перекусить? Умаялся я!»

— Я не просил есть! — возразил Николай.— А устать устал здорово!

— Устал? Так я ж и говорю, что устал! — подхватил Демьян.— У меня истина всегда на первом месте!

— Чего же ты тогда насчет еды треплешься?

— Это, Коля, литературный ход...

Разведчики пересмеивались.

«Прием» был закончен. Кое-кто уже поднялся и стал пробираться к выходу. Виктор Рыбаков взял в руки баян и, пробежав пальцами по ладам, заиграл «Коптилку». Очарованные мелодией, разведчики притихли. Демьян, тряхнув чубатой головой, предложил, обращаясь ко всем:

— Споем!

Он взмахнул рукой, и разведчики, вторя баяну, запели:

Коптилка, коптилка! Чего ты мигаешь?
И так в блиндаже полумрак и тоска.
Пойми ты, коптилка, что мы ожидаем
Из дальнего, вражьего тыла дружка.

Песня навевала воспоминания о былых вылазках за передний край, о друзьях-товарищах, которые когда-то в таком же, как этот, кругу любили послушать и спеть добрую песню.

За общим столом его место пустует,
Девичье письмо без ответа лежит:
Наверно, любовь его ждет и тоскует,
О счастье мечтает и верность сулит.

Соколов, послушав грустную песню, незаметно покинул ригу. Несколько дней назад здесь, под Ключами, погиб его старый друг — командир артиллерийского дивизиона майор Сарычев! «Колька Сарычев! Губастый, обидчивый Колька! Фантазер-математик! Признаюсь тебе, я не верил, что из кандидата наук получится геройский пушкарь-бомбардир...» Майор достал папиросу, долго разыскивал по карманам затерявшиеся спички и, прикурив, сел на невысокий бугор с выгоревшей на солнце колючей травой. «Колька! Колька! За общим столом победы твое место будет пустовать... Но прибор твой будет всю жизнь стоять рядом с моим и в праздники и в будни. В этом клянусь тебе, Николай, твердо!»

С шахматной доской под мышкой, легким подпрыгивающим шагом к домику — штаб-квартире Мигунова — приближался капитан Сальский. Крутой, не тронутый загаром, лоб, тонкий с горбинкой нос, темные выразительные глаза. «Помощник у меня симпатичен,— опять подумал Соколов,— и, очевидно, толковый...»

Сальский привычно перескочил палисадник, раздвинул на подоконнике горшки с цветами, просунул голову в хату и крикнул:

— Живы ли в этом тереме хозяева? Откликнись, Киреев! Жажду с тобой партийку сгонять, пока спешной работы нет! Кроме всего прочего, интересуюсь похождениями чудо-богатырей во вражеском тылу. Расскажешь?

— Хозе Рауль Капабланка! — приветствовал гостя Мигунов.— Заходи, попотчуем!

— Могу, только в принудительном порядке! — отшутился Сальский.— На посиделки вечером приглашают, а в полдень только разведчики да, пожалуй, еще шоферы пьют. Жарища, что в Сахаре.

— Ты все по «шахам» и «матам»?

— Умственная физкультура. Для военных — обязательный предмет. Благодарить меня должен за то, что у твоих разведчиков интеллект развиваю. Как смотришь на мое предложение, Киреев?

— Горю желанием!

— Тогда выходи. Вот здесь на травке в тени и подеремся.

Шахматисты, разостлав под кустами смородины плащ-палатку, разлеглись с удовольствием, расставили фигуры. Сальский вытащил из планшета два листа бумаги, остро заточенные карандаши.

— Проведем игру по всем правилам. Твердо решил подготовить из тебя шахматиста-разрядника. Шахматная игра для офицера — это и стратегия и тактика одновременно. Так что, Киреев, бери бумагу, карандаш и учись вести запись. A, B, C, D, E... Надеюсь, тебе латинский знаком?

К шахматистам подсел Мигунов, раскурил трубку и стал следить за игрой, вставляя иногда замечания.

— Берегись, лейтенант! — предупредил Сальский, выдвигая вперед ферзя.— Гроссмейстер готовит мат!

— Готовить — это еще не поставить! — парировал Киреев.— Вы решили вывести ферзя на C6? Превосходно! А мы ответим контрнаступлением по левому флангу. Как тогда? Ого! Обе ладьи сосредоточиваются в квадратах B5, C6... Неплохо задумано!

— Головы! — восхищался Мигунов, аппетитно попыхивая трубкой.— Надо выкроить время, обучиться этой премудрости. Возьмешь, Киреев, в ученики?

— С превеликим удовольствием! — не отрываясь от доски, проговорил Киреев.— Своего командира берусь обучить ускоренными темпами в порядке закамуфлированного подхалимажа...

— Брось ты это.

К палисаднику подошел Соколов. Остановился, удобно облокотившись на крашеный штакетник.

— Товарищ майор! Проходите сюда! — пригласил Сальский.— Поболеете вместе с капитаном Мигуновым.

— Поболеть я не прочь! А спервоначала познакомиться надо.

— Болельщик, как я вам уже говорил,— командир дивизионных разведчиков капитан Мигунов,— сказал Сальский.— А мой противник — разведчик. Лейтенант Киреев. Предводитель той самой легендарной группы чудо-богатырей, которая сегодня из вражьего тыла вернулась.

Соколов протянул Кирееву руку. Лейтенант крепко пожал ее и сказал:

— Жаль Стрельченко. Он был боевым командиром и дельным начальником. Надеемся, товарищ майор, что вы продолжите славные традиции подполковника. Мы, разведчики, были у Стрельченко не последними людьми...

— Киреев, ты неисправим! — бросил Мигунов.— Нельзя же, в самом деле, так! Товарищ майор всего день в дивизии...

— Я от чистого сердца! И, коли говорить по совести, начальник оперативного отделения имеет ко мне лишь косвенное отношение...

Игра обострилась. Делая какой-то замысловатый ход, Сальский спросил совета у Соколова. Тот взглянул на расположение фигур и пожал плечами:

— Разбираюсь я в этих вещах, капитан, прямо-таки неважно. Единственный шахматный термин, прочно застрявший у меня в голове,— ход E2-E4. Прочитал как-то в «Двенадцати стульях» про известного всем Остапа Бендера...

— Великого комбинатора,— дополнил Мигунов.— А жаль, товарищ майор, что мы не на уровне оказались. Сейчас бы в две доски!

Киреев старательно записывал каждый ход. Сальский, как всегда, играл уверенно и смело. Атаку пешек сопровождал остроумными шутками, а выводя на линию атаки ладью или еще какую-нибудь фигуру, замечал:

— Этот ход, Киреев, будет иметь особые последствия. Должен выглядеть в записи отлично от других. Отметь его восклицательным знаком, нет, пожалуй, поставь два восклицательных!

— Разве это сильнейший ход? Не лучше ли вместо восклицательных поставить вопросительные? — отвечал на это Киреев и добавил: — Короля-то твоего в центр загнал.

— Подожди, не торопись. Мой шахматный генерал личным примером увлекает воинство,— рассудительно отвечал капитан, берясь за коня.— Видишь? Сейчас генерал на этом коне, как Чапаев, поведет войско в атаку. Личный пример, лейтенант,— основа в любой баталии...

О скитаниях разведчиков, об их тревогах, о поисках дороги из фашистского тыла Киреев рассказывал неохотно и скупо.

— Многое пришлось испытать! Трудно было найти слабое место во вражеской обороне, нащупать стыки между частями.

В последний день Полянский, мой помощник, решил пленить офицера. Полянского обнаружили. Едва успел уйти... Я до сих пор считаю, что сержанта надо было наказать, и строго наказать! Генерал зря отменил мое распоряжение...

— Ты его, Киреев, сам отменил,— вмешался Мигунов.

— Под давлением генерала...

— Полянский — лучший разведчик,— начал объяснять Мигунов, выколачивая трубку о каблук сапога.— Таежник, следопыт. Он и на медведя с кинжалом хаживал! И потом, почему ты говоришь «пленить решил»? Полянский взял офицера. Документы важные раздобыл...

— Это так,— согласился Киреев.— Но ты не станешь отрицать, что за нарушение приказа в боевых условиях, особенно в разведке, когда из-за необдуманного поступка могут погибнуть люди, отдают под суд военного трибунала. Не так ли? Я считаю, что всякая мягкосердечность сказывается на дисциплине, разбалтывает солдат и подрывает авторитет командира... Генерал...

— Приказы старших не обсуждают, а выполняют,— вмешался Сальский, завершая комбинацию.— Киреев, я делаю «шах». Партию ты проиграл. Сопротивление бессмысленно!

— Сдаюсь! Разбит в пух и в прах. Еще одну?

— Нет. Отдыхай до вечера. Вечером, если хочешь, еще сразимся.

Капитан сложил фигуры в коробку, встал, простился со всеми и направился в сторону штаба дивизии. Соколов, любезно отклонив приглашение командира роты разведчиков Мигунова зайти к нему закусить, постоял в тени еще немного, докурил папиросу и медленно зашагал вслед за Сальским.

КИНЖАЛ РАЗВЕДЧИКА

Дивизия генерала Бурова готовилась к бою. В лощинах, оврагах, рощах сосредоточивались артиллерия, моторизованные подразделения. Ночами на исходных позициях маскировались танки, гвардейские минометы. Наблюдатели, не смыкая глаз, следили за противником, нанося на карты обнаруженные огневые точки. Чтобы проверить данные о противнике, собранные наблюдателями и воздушной разведкой, генерал решил заполучить «языка». Он сам проинструктировал разведчиков перед поиском, подчеркнув, что поручение это имеет первостепенную важность.

Получив задание от командира дивизии, Киреев стал подбирать для вылазки в фашистский тыл людей. И опять крепко поспорил с Мигуновым, который настоятельно предлагал взять сержанта Полянского.

— Мои ребята,— горячо ответил на это Киреев,— и без Полянского приведут «языка». Помощником будет сержант Федотов.

В конце концов Мигунов уступил ему, заметив как бы между прочим:

— Не передумал бы... Горячку порешь...— выколотил погасшую трубку, сунул ее в карман, дружески похлопал лейтенанта по плечу и покачал головой: — Ошибаешься, Евгений Венедиктович, ошибаешься. Доброго разведчика работы лишаешь. Полянский — парень, что алмаз: чист и тверд. Такой в лишениях не сломится, в беде не подведет. Извини, но в людях ты еще слабо разбираешься. Наказать, посадить под арест, судить трибуналом... Правильно сказал тогда генерал: не мудрено голову срубить, мудрено приставить...

— Я и это учел. Хочу, чтобы Николай глубже прочувствовал свою вину. Не думаю вовсе отказываться от него как от разведчика, но... Самокритика в уединении, один на один с собственной совестью, подействует на него благотворно. Никто не оспаривает его достоинств. Я согласен, что он прирожденный следопыт, но в армии положено выполнять, уважать и ценить приказы старших по званию.

— И все же... Личный пример...

— Что, все же? Я предполагаю, о чем вы хотите сказать, товарищ капитан... Но, поймите меня правильно, я не имею права рисковать всей группой как командир и как коммунист. В действиях моих вы, может быть, усматриваете какой-то привкус так называемой «личной бравады», но продиктована она суровой необходимостью войны. Лично разведав подступы к нужному объекту, я всегда веду группу наверняка. Вот почему я предпочитаю рисковать в одиночку...

— Ну, только договорились и опять... Давай прекратим спор,— уклонился капитан.— Куда же она запропастилась? Ах, вот! — Мигунов извлек из кармана еще теплую трубку, развернул на колене кисет.— Добавлю напоследок, что с таким толковым разведчиком я готов идти вдвоем куда угодно и когда угодно. Если уж на то пошло, могу на время забрать его у тебя! Не могу, а ей-ей заберу! Согласен?

— Если на время, то — да!

— Решено,— и сразу же с нарочитой официальностью сказал: — Займитесь, лейтенант, подготовкой группы.

— Есть! — Киреев встал, круто повернулся на каблуках и ушел.

Мигунов распахнул окно и сквозь кустистую герань долго смотрел на широкую спину строптивого взводного, размашисто вышагивающего по тропе.

Демьян Федотов догнал Киреева у крыльца дома, в котором располагалось оперативное отделение дивизии.

— Товарищ лейтенант, разрешите обратиться? — и молодцевато подбросил к пилотке ладонь.— Вопрос у меня... Занозистый вопрос.

— Давай обращайся! — сухо разрешил Киреев, все еще находившийся под впечатлением разговора с капитаном.

— Только, товарищ лейтенант...

— Давай, без вступлений.

— Объясните, пожалуйста, что значит унитарная?

— Унитарная? — Киреев недоуменно посмотрел на Демьяна. «С чего вдруг тебе понадобились такие сведения?» — говорил этот взгляд. Но сказал командир взвода другое: — Унитарная? В каком смысле? В военном или политическом?

— В обоих! — в возгласе Демьяна чувствовалось неподдельное изумление: «И военный, и политический, и... Вот ведь словцо!» — Только самым популярным языком. Попал я, товарищ лейтенант, в полнейшее окружение. Позавчера рассказывал нашим ребятам историю одну из жизни старшего сержанта Полянского, а Нишкомаев Вакула вопрос насчет унитарной подкинул. Промолчать вроде неудобно. Ну и ответил я ему по-своему, как понимал. Сомнение берет: может, соврал? Дело-то серьезное...

— Понимаю. Уважение товарищей. Авторитет... Или проще, как говорится: соврешь — вперед не поверят?

— Так вроде бы выходит...

— Что же, объясню. Видишь ли, слово «унитарный» происходит от греческого «унитас».

— Так я то и говорил, товарищ лейтенант! Я на унитаз и ссылался! Вот здорово! — Демьян искренне радовался подтверждению.— Есть у меня, значит, нюх, есть!

— «Унитас» в переводе на наш язык — единство, одно целое, а унитарный — объединенный, составляющий это целое. Взять, к примеру... Ну, хотя бы винтовочный патрон! Пуля, пороховой заряд и капсюль, соединенные гильзой в одно целое,— унитарный патрон.

— Насчет патрона, как дважды два! Но речь-то идет о республике унитарной. Точнее, о буржуазной унитарной республике в Гватемале.

— Вот куда махнул! Да это что-то уже вроде политбеседы. Как бы мне самому не пришлось обращаться за помощью к парторгу... Так, значит, унитарная в смысле государственности? В отличие от федерации, при которой, наряду с едиными центральными органами власти, в каждой области или провинции имеется правительство, унитарное государство не делится на самоуправляющиеся области... Но, как бы ни называлось буржуазное государство, суть в нем одна — неограниченная власть богачей-толстосумов и нищенское существование для трудового народа. А все эти ярлыки, как у нас в роте говорят, не слаще того самого... в общем, огородного растения, которое с редькой конкурирует. Понятно?

— Полное прояснение, товарищ лейтенант! Спасибо. Хоть и на слух я переводил это слово с греческого, а ответ Вакуле дал точный.

Удовлетворенный разъяснением, Федотов отправился разыскивать Николая. По пути завернул в ригу, объяснил Нишкомаеву в подробностях все, что услыхал от Киреева об унитарном патроне и унитарной республике, заглянул в домик радистов, надеясь встретить друга там, и, совсем отчаявшись, неожиданно наткнулся на него в молоденьком березнячке.

Полянский расположился посреди зеленой лужайки. Перед ним на плащ-палатке, раскинутой на траве, как скатерть-самобранка, были разложены масленки, шомпола, какие-то клинышки, спицы, иглы, аккуратно выструганные из дерева. В походных сумках, что виднелись возле снаряженных патронами еще не закрытых круглых дисков, темнели рубчатые гранаты-«лимонки». Старший сержант осматривал затвор автомата, снимал с него тряпочкой песчинки, смазывал пазы.

— Старому таежнику! — Демьян с разбегу бухнулся на траву к ногам друга.— Второй час тебя разыскиваю. Думал, не найду, но интуиция...

— Лучше бы лицо вытер. Потное оно у тебя, как после парилки.

— Это можно. Вытру,— Демьян снял пилотку.— Какой-то умный человек специально отвороты у нашего головного убора предусмотрел. Взгляни, Коля! Теперь лицо у меня, как у новорожденного.

— Понес...

— Не понес, а начал воспитательную беседу,— уточнил Демьян.— Сколько раз тебе повторять, что язык наш требует абсолютной точности. Понес... Грузчики носят. Ты чего это за арсенал свой взялся?..

— Готовлюсь, Дема. Как-никак, а «языка» перед наступлением нам все равно брать придется...

— «Как-никак», — передразнил Демьян и, откинувшись на спину, мечтательно проговорил: — Взгляни, Коля, какие облака над нами. Хороши. Я, Коля, любил в детстве на облака смотреть. Лежишь где-нибудь в траве, смотришь в небо. А из облаков разные картины составляются...

Смотрели ли вы когда-нибудь на облака по-настоящему? Нет, не из окна комнаты и не во время прогул-

ки, когда туча, закрывшая от вас лучи солнца, вдруг привлечет ваше внимание. Нет, совсем не так! Попробуйте-ка остаться с облаками один на один. Вот тогда — это проверено на опыте Демьяна Федотова! — вы обязательно отыщете в их причудливых наслоениях и нагромождениях все, что занимает ваши мысли, волнует вас. Да, да! Ваше воображение оживит облачные рисунки, четче выпишет их, окрылит фантазией и вдохнет в них великий закон жизни — движение. Чудесными свойствами обладают нескончаемые вереницы «вечных странников», кочующих по небу, если смотрит на них впечатлительный человек. А Демьян Федотов был впечатлительным человеком.

Демьян задумался, разглядывая облака. И вдруг темные громады их пришли в движение. Видит Демьян безымянную высоту! Черная ломаная линия глубоких траншей. Крест-накрест колья заграждения. Обрывки ржавой колючей проволоки, дымятся подбитые танки с черно-белыми крестами на броне. Купол бронированного дота с темными глазницами амбразур. А это что? Нет, нет! Это не солнечный луч пробивается сквозь толщу облаков! Это ударил из вражеского дота крупнокалиберный пулемет. Вот почему не видно в траншеях солдат! Им не дает подняться свинцовый ливень! А вдали, за дотом, за колючей проволокой, за мертвыми танками — синева. Солнце! Над бруствером появляется человек в серой шинели. На груди автомат. В приподнятой руке готовая для броска граната. Он кричит что-то призывное, что-то горячее, что-то очень дорогое солдатам. И они все, как один, выскакивают из укрытий и идут, идут, идут вперед на врага...

Из-за кустов вышел лейтенант Киреев. Разведчики вскочили.

Не глядя на Николая, лейтенант сухо проговорил:

— Старший сержант, вам надо немедленно явиться в штаб дивизии к майору Соколову.

Николай быстро собрал автомат, завернул в плащпалатку ружейные принадлежности и, захватив сверток в охапку, зашагал к сараю. Киреев обернулся к Демьяну.

— Через час группа в составе Рыбакова, Семухина, Нишкомаева должна быть в полной готовности. Вы старший. Группу поведу я.

— А Полянский, товарищ лейтенант?

— Выполняйте приказ!

От майора Соколова старший сержант Полянский возвратился поздно вечером. В риге было уже темно. Справа и слева доносилось посапывание, похрапывание. Кое-где подмигивали цигарки. Николай на ощупь добрался до своего места. «Неужели Демьян куда-нибудь вышел?» — думал он, проверив федотовскую постель.

— Полянский! — в мутном квадрате дверей возник темный силуэт.

— Я!

— Выйды на мэнэ, дило е! — голос принадлежал старшине Луценко.— Наши на завдания пишлы. Тоби цидулька вид Демьяна. Хлопэць, мабуть, з годыну оливэць мусолыв.

Николай оторопел. Поборов нахлынувшую вдруг обиду на Киреева, двинулся к выходу.

Луценко сунул ему в руку свернутый треугольником конверт.

— Вы с Демьяном як парубок с дивчиною, розлучитыся нэ можэтэ. До дому лыста вин з пид палкы пышэ, а тоби, бач, цилу повисть намахав,— добродушно ворчал старшина.— Друзи нерозлучни...

— Верно... друзья,— в раздумье протянул Николай.— Друзья.

— Так то ж я и кажу... Постий, Мыкола, чуть було не забув. В дывизию армийська агитмашина прыйшла. Просылы в Мыгунова выдилыты кмитливого развидника, щоб репродуктор ближче до фашистських траншэй поставив. Капитан тэбэ намитыв як?

— Можно. Сейчас или чуть погодя?

— Машина в траспортний роти... Пиды та спытай майора Евдокимова. Там и дивчина е, радыстка. Такых гарных дивчат я еще не зустричав.

— Меня это не волнует.— Николай сунул письмо в нагрудный карман, перекинул через плечо автомат и прямиком, через лесок, направился к транспортной роте.

В фанерном коробе агитмашины был виден свет. Хрупкая девушка настраивала аппаратуру. Примостившись на низком ящике с батареями, она, действуя перочинным ножом, привычно зачищала контакты.

Когда Полянский поднялся в кузов по шаткой скрипучей лесенке из трех ступенек, не без труда протиснулся в узкие двери и, казалось, заполнил собой все помещение, девушка изумленно вскинула на него темные глаза:

— Ой, какой вы огромный! — это прозвучало так, что Николай растерялся, покраснел и развел руками.

— Такой уж... Есть уж, как родился... Обыкновенный... Мне бы вашего начальника.

Поскрипывая сапогами, к агитмашине кто-то подходил быстрым, энергичным шагом.

— Вот он — майор! Идет,— девушка опять склонилась над аппаратурой.— Скоро выезд, а мне вот еще обмотку на катушках надо проверить. Вы разведчик?

— Из разведки...

— Полянский? Майор разговаривал с капитаном о каком-то Полянском. Капитан хвалил того очень и обещал прислать к нам на помощь! Я и подумала, что вы — Полянский. Жаль, что ошиблась.

— Нет ошибки,— окончательно смутившись, проговорил Николай.— Я самый Полянский и есть. Только хвалить-то меня не за что...

Начальник агитмашины, легко взобравшись в крытый фанерой кузов, вопреки уставным правилам обратился к разведчику по-граждански:

— Пришли, Николай Андреевич? Замечательно, замечательно! Вас рекомендовал мне командир разведроты как смелого и находчивого человека. У меня к вам одна просьба. Вы, голубчик, установите репродуктор поближе к фашистским позициям, чтобы немцы прослушали всю нашу передачу от слова до слова.

— Будет сделано, товарищ майор!

— Вот и прекрасно! Люся, аппаратура готова?

— Готова, товарищ майор!

По лощинам и оврагам, переваливаясь в темноте на ухабах, машина пробиралась к реке. Почти у самой цели пришлось переждать короткий артналет.

Николай почему-то думал, что его спутники не приспособлены к фронтовой обстановке. Но понаблюдав, как они хладнокровно переносят вихревую встряску, изменил свое мнение.

Скоро уже совсем стемнело. Агитмашина на предельной скорости проскочила изрытый снарядами уча-

сток лесной дороги и свернула в овраг близ передовой. Николай закинул на спину катушку с кабелем, взял под мышку репродуктор и, обогнув болотистую низинку, вошел в прибрежные камыши. Ему хотелось выполнить поручение как можно лучше, признаться, даже сверх лучше, чтобы знали о разведчиках из дивизии Бурова как о смекалистых и находчивых ребятах, чтобы эта девушка с удивительными глазами всегда помнила о бесстрашных «лесных призраках», способных на любое дело.

Излучина реки давно была знакома ему. Еще до злополучного поиска он обратил внимание на то, что сильное течение от конца песчаной косы ударяет в противоположный берег, в глинистый обрыв, на котором сейчас были расположены вражеские траншеи. «Так мы и сделаем,— подумал Николай, отвечая каким-то своим соображениям.— Соорудим установку». Отыскал в плавнях два заостренных кола, привязал поверх доску, намертво прикрепил к ней динамик и, разматывая постепенно шнур, пустил «суденышко» по течению. Струя подхватила плот, и со всего разгона острия кольев впились в противоположный глинистый берег.

— Все в порядке. Можно агитировать,— сказал Николай, возвратившись к машине.— Послушать разрешите?

— Вы знаете немецкий? — удивилась девушка.— Впрочем, разведчики — народ образованный...

Николай промолчал.

Майор приблизился к микрофону и несколько раз повторил:

— Ахтунг! Ахтунг! Ахтунг!

Затем он передал новости, рассказал о том, как после великой битвы на Волге Красная Армия захватила инициативу и развернула широкое наступление по всему фронту: от Ленинграда до Кавказа, разгромив сто двадцать гитлеровских дивизий и сведя на нет успехи врага, достигнутые летом и осенью 1942 года.

Вражеский берег молчал. Казалось, не только люди, но и земля, и лес, и сонная река настороженно прислушиваются и жадно впитывают каждое слово. Потом где-то вдалеке заухала тяжелая артиллерия. Высоко в небе затарахтел невидимый самолет. Над рекой по-

висли осветительные ракеты. И сразу же дробно ударили пулеметы.

— Началось, Николай Андреевич! Как бы не заглушили наш громкоговоритель.

— О радиовещателе, товарищ майор, не беспокойтесь,— заверил Николай.— Провод под водой, динамик — на той стороне под берегом в круче...

— На той стороне?!

— Под носом. Артиллерией его не взять, пулеметами тоже. А коли вздумают немцы радио ваше гранатами закидать. Это самый надежный и верный способ, но ведь наши пехотинцы не дремлют, следят за тем берегом. Мой землячок, солдат Коробов, не проморгает, не промахнется. Специально наблюдает. Я его предупредил.

В село Полянский вернулся поздно, но не лег спать, а устроился на улице, у дощатой стены риги, на ворохе душистого сена и, освещая электрическим фонариком неровные карандашные строчки, принялся за чтение федотовского письма.

«До скорого, Коля! — писал Демьян.— Ухожу в гости. Перед дорогой сказал мне Семененко, что больше не бывать вместе с тобой в разведках. Так и сказал: «Чую». А чутье у него наиостройшее: возле командира роты парень-то находится. Не печалься,— служить везде можно. Главное, чтобы криулей и зигзагов не было. Солдатская служба — легче не надо. Выбьемся в генералы — труднее будет. Да что я тебе объясняю: сам знаешь. Ты с комдивом теперь запросто разговариваешь, чай пьешь. Смотри, Колька, назначат в командующие, не забывай разведчиков. Среди них есть очень приличные люди. Взять, к примеру, меня. Всем вышел — и умом, и смелостью, и силой... Правда, быков на себе через реки не таскал, но дрова в мирное время домой доставлял исправно, без посторонней помощи.

Стой! О чем-то я еще хотел рассказать? Никак не припомню! О чинах? Конечно, о них. Так вот, слушай. Может, с глазу на глаз передать не доведется, так я на бумагу выложу.

Отстукал солдат год срочной службы. Живет не

тужит (служить ему осталось, как медному котелку) и за безупречность повышение получил: в ефрейторы произвели. Решил он мамашу порадовать, отписать ей о своей службе, заслугах и так далее. Сел вечерком за столик, взял в руки карандаш и накатал старушке посланьице такого же размера, как и я тебе, может, чуть-чуть побольше. А в письме, между прочим, обмолвился, что получил ефрейторский чин и — вот хитрец! — намекнул, что ефрейтор — это самый старший из солдат. Получила матушка сыновью бумаженцию, прочитала — и за сердце: вот тебе и сыночек! Пораскинула умом, а что значит ефрейтор, не понимает. Туда-сюда — всю деревеньку обегала: интересуется сыновьим чином. И мужиков, как на грех, в деревеньке той порой не было — на покосы уехали. Ну, же́нщины-то и решили:старший солдат — это генерал, а самый старший, выходит,— ефрейтор. Мамаша от волнения места найти не может. И радость ее берет, и тревога: закружится вдруг у парня голова. Посылает она письменный наказ. «Милый Коленька! (Это не о тебе, Николай, честное слово. Того ефрейтора — так рассказывали — тоже Николаем звали.) Рада я до смерти, что в чине тебя повысили. Хорошо это, но смотри не гордись и генералов не обижай, чтобы по справедливости было. Помнишь, в позапрошлом году к Марии Свешниковой сын приезжал? Генерал, а какой душевный. Наверно, Коленька, штаны-то с красными полосами на боках тебе идут? Посмотреть бы мне, старой, хоть одним глазком. Вернешься со службы, зашлем сватов к Дарье. Сейчас-то не откажет она, хоть и агрономша...»

Полянский улыбнулся немудреной солдатской шутке и задумался. «Даже в письме Демьян не может обойтись без прибаутки. Горько было ему, по письму видать, что горько уходить во вражеский тыл без меня. А он шутит, скрывая тоску. Эй, Демьяша...» Николай опять включил фонарик.

«...Не знаю,— писал Федотов,— одобришь ли мой план, но все равно хочу сказать. Решил я на этот раз увязаться за лейтенантом. Пойду за ним, как тот бычок, что у тебя в Забайкалье проживает. Если погонит Киреев, рапорт подам. Пусть переводят в другой взвод или к тебе переметнусь по разрешению, конечно!

Коля, мне, как и тебе, надоело бездельничать. Мы разведчики, а не натуралисты... Смотрю я на лейтенанта и думаю, не всегда правильно поступает он. Все сам и сам... Риск, конечно, дело благородное, но на то мы и разведчики, чтобы вместе со своим командиром смотреть в лицо опасностям, а не отсиживаться и ждать, когда лейтенант все сделает и подаст нам в руки — «берите!» Подробно писать об этом не буду: приду — с глазу на глаз переговорим и решим, как быть дальше. Ну, а теперь «жди меня и я вернусь»... Твой Демьян».

Полянский перечитал последние строки, бережно свернул письмо и спрятал его в нагрудный карман гимнастерки. Возвращаться в сарай не хотелось, ночь была тихая, теплая. Вдалеке лениво брехала собака. Над передовой все еще вспыхивали сигнальные ракеты. Высоко в небе, постепенно нарастая, возник гул мотора. Самолет. Чей он? Наш ли бомбардировщик возвращается, выполнив задание, или фашист крадется в ночи, чтобы засыпать бомбами какой-нибудь спящий город? По звуку моторов, должно быть, наш.

Николай откинулся на спину. Сухие колючие стебли приятно щекотали шею. Закрыл глаза и представил смеющееся лицо Демьяна. «Может быть, пробирается он сейчас по земле, занятой врагами. Вместе с ним Рыбаков, Семухин, Нишкомаев. Не оплошай, Демьян!» И он почувствовал вдруг то тревожно-настороженное состояние, какое обычно бывает в разведке. «Демьян, где ты сейчас?»

«А может быть,— размышлял в свою очередь Демьян,— Николай уже прочитал мое послание и тревожится за нас. Не спит, конечно. До утра глаз не сомкнет...»

Разведчики благополучно миновали передний край, густым перелеском обошли немецкий патруль, охранявший дорогу к станции, и остановились в развалинах небольшого ремонтного заводика, что располагался на окраине Ключей. Давняя бомбардировка разрушила его до основания. Рваные листы железа, причудливо изогнутые прутья арматуры, торчащие из железобетона, как оголенные ребра, раскиданные взрывами станки — все смешалось, образовав несокрушимую баррикаду с тайными ходами, подземными казематами.

Разыскать человека в таком хаосе было почти невозможно.

Демьян, осматривая остовы цехов, обнаружил в одном незасыпанный ход, ведущий к канализационному колодцу.

— Не провались, Вакула,— предупредил он Нишкомаева.— Яма.

— Ага,— откликнулся тот.

Киреев подвел группу к черному, дышавшему сырой свежестью пролому, обращенному в сторону станции, погруженной во мрак, и сел на бетонную плиту.

— Уточняю задачу,— проговорил он, скользнув тонким лучом зачехленного карманного фонаря по сосредоточенным лицам разведчиков.— С прошлой вылазки мне известно, что по тропе возле этого пролома каждые три часа проходят патрули. Отсюда до караульного помещения они двигаются двадцать минут. Времени вполне достаточно, чтобы взять «языка» и запутать следы. Все ясно? Сейчас двадцать три часа тридцать минут. Гитлеровцы не могли изменить распорядок патрулирования: они пунктуальны. В час тридцать встретим «гостя». Федотов, организуйте наблюдение. Я тем временем попытаюсь проникнуть на станцию.

— Товарищ лейтенант!

— Отставить разговоры! В Ключи иду один. Рисковать не будем. Если не вернусь, выполняйте задачу! Кстати, не забывайте, что самовольство может привести нас к гибели. А не выполнить задание командования — значит, сорвать операцию.

Киреев выбрался из развалин и растворился в темноте.

— Хоть и суховат командир, но парень лихой,— отметил Рыбаков.— Всю жизнь такие люди словно по острию бритвы прогуливаются, и ничего...

— Рыбаков,— неожиданно распорядился Демьян.— Обеспечить наблюдение за тропой. Да наблюдайте по-настоящему. Там, где не доглядишь оком — платишь боком! Так оно получается.

— А ты куда?

— По делу! Вопросы отставить!

Темнота была густой, непроглядной. Но Федотов давно свыкся с ночными вылазками и переходами.

Он безошибочно нашел тропу, которая бежала через пустырь, заросший бурьяном, затем скатывалась в овраг, петляла среди кустарников и упиралась в обрыв. Запрокинув голову, Демьян посмотрел туда, где черная линия крутояра соприкасалась с более светлым фоном — небом. На кромке возник силуэт человека. Возник и сразу же исчез. Демьян припал к земле и пополз. Преодолев крутизну, очутился в саду. От яблони к яблоне, от вишни к вишне перебегал он, пробираясь к единственно освещенному окну. От садовой калитки до угла дома расхаживал солдат. Иногда он останавливался у плетня, перебрасывался двумя-тремя фразами с часовым, охраняющим двор. Выждав подходящий момент, разведчик бесшумно скользнул в густой куст сирени, росший возле завалины под самым окном. Неплотно прикрытое, оно было задернуто темной шторой. Но в щель виднелась вторая занавеска из полотна. На ней, как в театре китайских теней, вырисовывались два четких силуэта. Федотов подкрался к завалине и прислушался. В комнате говорили по-русски:

— А, Герт, здорово! Что нового!

Силуэты сблизились. Один из них жестикулировал.

— Поздравляю, Фриц, с повышением! Глупо смерть встретил Руттер. У меня — важное сообщение. Можно здесь говорить?

— Дом охраняется надежно.

— Буров получил приказ отбить Ключи. Надо принимать меры. У русских большая надежда на танки и артиллерию. Они сосредоточиваются в районе Клинцов. Необходимо учесть, что на этот раз в бою будут и гвардейские минометы.

— Катюши? Где намечается главный удар?

— Вот план боя. Я сделал его опять в виде шахматной партии. Шифр известен? Задерживаться не буду: опасно. Ладейные ходы — направление танковых атак — сделаны ориентировочно. Могут быть изменения.

— Превосходно. Как чувствуешь себя, Герт?

— Укрепился в гнезде намертво... Но Руттер наделал мне хлопот. В его полевой сумке обнаружена карта-копия штабной, которую я составил в прошлый раз. Конечно, русские контрразведчики не будут сидеть сложа руки. Подозреваю, что один из них уже находится в дивизии. Это пока еще предположение. Я сфо-

тографировал его на всякий случай. Вот негатив. Ну, да, как говорится: «бог не выдаст, свинья не съест...» Не найдется ли рюмки хорошего коньяка?

Демьян услыхал, как забулькала жидкость.

— Разведчики на месте?

— В развалинах завода, следят за тропой.

— «Хвоста» нет?

— Уверен.

— Смотри, чтобы не повторилась история Руттера. Наш шеф Штауберг взбешен. Захватить такого офицера, да еще у самого штаба, в полдень! Это — пятно на всю нашу разведывательную службу.

— Я избавился от виновника той печальной истории.

— Пристрелил?

— Нет. Пока его отстранили от разведки. А пристрелить его должны были вы, а не я.

— Мы! Да знаешь ли, что он вместе с Отто еще троих к праотцам отправил.

— Знаю.

— Это не человек, а сущий дьявол. Он дрался, как зверь. Вот кинжал. Его нашли в груди проводника. На рукоятке его фамилия. Полянский, как будто? Можно позавидовать его выдержке.

Услышав фамилию друга, произнесенную с такой злобой, Федотов схватился за автомат, сдвинул предохранитель, но вовремя одумался и снова прильнул к окну.

— Итак, к делу, Фриц! Разведчики должны привести «языка». Буров приказал добыть его любыми средствами.

— Гут! Мы пошлем агента номер четыре. Направим его, как и было задумано, по тропе к заводским развалинам. Он способный артист и настоящий солдат. Русские не сумеют выдавить из него ничего лишнего.

— Передай ему для уверенности, Фриц, что с пленными русские обращаются хорошо. Отправят в глубокий тыл, там он будет в безопасности. Пусть ровно в час тридцать явится на место. Шепни, чтоб не сопротивлялся. И последнее. Необходимо ликвидировать старика — хозяина дома, возле которого был схвачен обер-лейтенант Руттер. Этот старик информирует русских о расположении наших войск в районе станции Ключи.

Демьян и верил и не верил. «Кто этот предатель? Голос знакомый, но не киреевский. Кому, кому он принадлежит?»

Чтобы увидеть лицо врага, Демьян пошел на риск. Переждав, когда часовой удалится к садовой калитке, он привстал и заглянул в просвет между неплотно задернутыми занавесками. Никаких сомнений быть не могло. За столом спиной к окну сидел, потягивая из рюмки коньяк, человек в маскхалате. Напротив небрежно развалился в кресле худощавый офицер.

Почувствовал ли человек в маскхалате взгляд Федотова, но, видимо, ему стало тревожно, и он, не оборачиваясь, смахнул со стола лампу. Комната погрузилась во мрак. Послышался топот сапог. Заскрипела калитка. По листве деревьев затанцевали огни карманных фонарей. Федотов нырнул в темноту сада, перебегая от куста к кусту, добрался до оврага, скатился по склону вниз и побежал. Он торопился. За Демьяном след в след увязалась какая-то тень. В кустах, у выхода из оврага, на глинистой осыпи эта тень бесшумно бросилась на сержанта и нанесла ему сильный удар по голове...

Ровно в час тридцать группа разведчиков захватила «языка». Сухопарый унтер-офицер не оказал никакого сопротивления. Двадцать минут друзья ждали Федотова. Киреев беспокоился, он поминутно смотрел на часы, выглядывал в зияющий темнотой безмолвный пролом.

— Рыбаков,—после некоторого колебания проговорил, наконец он, глядя на фосфоресцирующий циферблат,— фашисты с минуты на минуту начнут разыскивать патрульного. «Язык» должен быть в штабе дивизии. Демьяну придется оставить знак,— добавил он, впервые назвав Федотова по имени.— Дорогу он знает.

Подняв кусок извести, Киреев широким взмахом поставил на одной из уцелевших бетонных плит огромный косой крест и крупно написал: «Ушли по старой дороге!»

...Генерал Буров слушал рапорт командира взвода. Лейтенант говорил сухо, лаконично. Когда он рассказывал о причинах очевидной гибели сержанта Федотова, в голосе его генерал почувствовал немой укор, понял этот укор и смолчал.

Поздравив разведчиков с успехом, Буров поблагодарил каждого и при них же приказал начальнику штаба оформить материал для награждения.

Сальский, Мигунов и другие офицеры полушутя, полусерьезно потребовали от лейтенанта банкета в честь благополучного исхода операции и будущей награды.

— Луценко,— позвал Мигунов.— Доставь в столовую неприкосновенный запас. Надо отпраздновать по-настоящему подвиг моих орлов.

Офицеры вышли со двора. Полянский сиротливо стоял в сторонке, у калитки. Он и не заметил даже, как приблизился к нему Семухин. Стиснув до боли руку старшего сержанта, он взглянул на него виновато, заметил на глазах товарища слезы и, вздохнув, зашагал прочь.

Не мог побороть Николай этих слез, не мог и не хотел. Отыскав Рыбакова, он, взяв его под локоть, отвел подальше, в самый глухой уголок двора и начал выпытывать все, что, казалось ему, может пролить свет на таинственное исчезновение Демьяна. Но Рыбаков ничего определенного не сказал. Николай печальным вышел на улицу, побродил по безлюдному селу, миновал поле и очутился в лесу у глубокого заросшего орешником оврага.

В густых кустах на краю обрыва он сел, свесив ноги. Над головой перешептывались листья. Этот шепот, то затихающий, то нарастающий, напомнил почему-то Николаю знакомую мелодию. И, как бы вторя ей, он вполголоса запел «Коптилку» — любимую песню Демьяна.

Но чей это, чей автомат на топчане,
Гранатная сумка и острый кинжал?
Откликнись, наш друг, весельчак-свердловчанин,
Ведь ты эту песню всегда запевал.

Опять голова старшины наклонилась,
Опять по щеке прокатилась слеза...
Коптилка, коптилка, зачем начадила,
От копоти, что ли, так щиплет глаза?

Мы знаем, но ждем и не верим в разлуку,
В разлуку, что встреч не сулит никогда!
И смерть отступает, почувствовав руку
Бесстрашного парня, лихого бойца.

Вспомнил Николай о письме. «Что произошло между Киреевым и Федотовым там, за линией фронта? Не показать ли письмо майору Соколову? Что-то уж очень много подозрительного в поведении лейтенанта, много неясного. Ну хотя бы тот же самый рассказ майора о записной книжке обер-лейтенанта».

Вчера Соколов сказал Николаю, что при помощи лабораторной обработки на чистом листе, первом листе записной книжки Руттера, добытой разведчиками, удалось прочитать запись, сделанную карандашом на предыдущей странице. Это были выдержки из секретного приказа Гитлера о подготовке к операции «Цитадель» — наступлению на Курско-Орловской дуге. Майор даже процитировал одну из них:

«Я решил, как только позволят условия погоды,— говорилось в приказе,— осуществить первое в этом году наступление «Цитадель».

Это наступление имеет решающее значение. Оно должно дать нам инициативу на весну и лето.

Поэтому все приготовления должны быть осуществлены с большой осторожностью и большой энергией. На направлениях главного удара должны использоваться лучшие соединения, лучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления...»

— Восстанавливать текст,— проговорил вслух Николай, поднимаясь.— Почему восстанавливать?

Он вдруг ясно вспомнил, как Демьян, роясь в офицерской сумке, нашел блокнот и хотел сунуть его в карман. Но первая страница была исписана мелким убористым почерком. И Федотов положил книжку на место...

По дороге в штадив Николай встретил капитана Сальского. Тот шагал по узенькой тропе к офицерской столовой и, размахивая прутиком, что-то насвистывал. Заметив Полянского, он шутливо протянул:

— А-а-а... Опальный сержант! Знаешь, есть замечательные стихи графа Алексея Толстого про князя Курбского. Был такой на святой Руси. «Князь Курбский от царского гнева бежал...» Чего загрустил?

— Друг у меня из разведки не вернулся,— с трудом

проговорил Николай.— Разрешите идти, товарищ капитан?

Кирееву было не до веселья. Праздничный стол ломился от военторговских яств. Лейтенанта поздравляли, но он был рассеян, то и дело порывался куда-то идти. Его не отпускали. Мигунов обидчиво выговаривал:

— Ты, Женя,— юбиляр. Терпи, друже, коли заварил такую кашу.

Когда в столовой появился Сальский и рассказал о встрече с Полянским, Киреев не выдержал, вышел из-за стола и, извинившись, направился к дверям.

— Куда, Женя, спешишь? — прищуриваясь, спросил раскрасневшийся Мигунов.— Не в медсанбат ли?

— Туда,— в тон ему ответил Киреев.

— Ну, ну... Желаю удачи. Возвращайся поскорее, ждать будем...

А вечером в штаб дивизии прибежали два деревенских паренька и, заикаясь от волнения и страха, рассказали, что в орешном овраге лежит «неживой лейтенант-разведчик. Из спины у него ножик торчит с костяной ручкой».

...Убитым оказался Киреев. Кинжал принадлежал старшему сержанту Полянскому.

ВРАГ НЕ ДОЛЖЕН УЙТИ...

«И везет же человеку, черт возьми! — горько размышлял Николай.— Не опомнился еще от первой истории, уже — вторая». Обоюдоострый кинжал с тяжелой костяной рукояткой из лосиного рога, на которой старательно было выжжено каленой иглой «Н. А. Полянский», на сей раз обратился против хозяина.

Непричастный к загадочному убийству, Николай был взят следователем на заметку. Все складывалось против него. Во время происшествия бродил он по лесу? Бродил. Ходил к майору Соколову, чтобы высказать свои и федотовские подозрения? Ходил. Изливал перед товарищами неприязнь к лейтенанту? Изливал. Говорил, что Киреев зря взъелся на него и теперь попусту

травит? Говорил. И в довершение всего мастерский удар, нанесенный кинжалом, показывал, что находилось оружие в руках опытного человека, в совершенстве изучившего приемы безмолвного боя. А кому, как не разведчику, они известны?

Все считали, что Полянскому приходится туго, друзья пытались, как могли, утешать его, подбадривать, но Николай стал избегать с ними встреч. Демьяну он, конечно, сказал бы все, что было на душе, но ведь его нет рядом!

Из штаба армии прибыл второй следователь военной прокуратуры. Было арестовано несколько человек, близко стоявших к лейтенанту. Полянского не раз следователи вызывали для разговора. О чем беседовали с ним, Николай не говорил даже Мигунову, хотя тот проявлял к этому живейший интерес.

Николай старался стойко пережить все напасти, однако за эти дни он сильно изменился. На подбородке щеткой топорщилась колючая русая щетина. Щеки ввалились. Под глазами, воспаленными от бессонницы и горящими лихорадочным нездоровым блеском, легла синева.

Каждое утро, застегнув потуже широкий ремень и куском суконки смахнув пыль с кирзовых сапог, он отправлялся к Соколову или к следователям в сопровождении солдата: после убийства лейтенанта Николай, как подозреваемый, был под наблюдением.

В этот день с утра его вызвал майор.

Солнце уже успело накалить землю, и она дышала жаром. Обессиленно повисли ветви деревьев. Воробьи воровато сновали у колодца, подбираясь к пустой колоде, из которой обычно ездовые поили лошадей. Даже колодезный журавель, мерно раскачиваемый горячим степным ветром, поскрипывал со слезой в голосе: «Пипить... пиии-ить!»

Полянский, ожидая, когда освободится майор, укрылся в тень и, обмахивая потное лицо пучком полыни, источающей горький аромат, прислушивался к отдаленной артиллерийской канонаде, что доносилась с левого фланга. «Соседи, должно быть, в наступление перешли»,— привычно подумал он.

— Жив-здоров, землячок? — вдруг раздалось за спиной.— Вот встреча!

Перед Николаем, улыбчиво щуря от солнца светло-серые глаза, стоял низкорослый бородатый пехотинец в выцветшей гимнастерке. Белые полосы, охватывающие темные пятна пота на спине и под мышками, указывали на то, что солдату где-то пришлось крепко потрудиться.

— Коробов?

— Он. В штаб дивизии наведывался,— хитроватое лицо бородача приняло такое выражение, словно посещение штадива было для Коробова самым обычным времяпрепровождением.

— Не секрет?

— А чего мне от тебя таиться? Перебежчика оперативной важности привел. На том участке, где и вы, реку он перемахнул. В обнимку с бревном плыл и на меня угадал. Везет мне, землячок, в таких делах! Как заварушка, так и знай,— дежурит Коробов. Хорошо бы моего-то пленного к той агитмашине приспособить. По дороге понарассказывал мне он пропасть разных интересностей! Да что мы стоим-то? Пойдем, сядем на бревне, вон туда, к сараю! Задымим? — солдат деловито прикрыл листьями лопухов капли смолы, проступившей на свежеотесанных бревнах, устроился поудобней, достал вышитый кисет, из него стопку нарезанной газеты и принялся скручивать «козью ножку».— А у тебя каковы дела-то? Двигаются?

— За три дня семь бед и все на одного,— Николай сокрушенно покачал головой.

— Бывает,— согласился Коробов, слюня бумагу.— Но ты, земляк, не горюй шибко-то. Перед тем как через передний край к фашистам в тыл перемахнуть, пока саперы на нейтралке колючку резали, дружок твой, Демьян, историю мне презанимательную рассказывал... Ты чего поугрюмел? Случилось что?

— Погиб Демьян,— глухим от напряжения голосом проговорил Николай, опуская голову.— Не вернулся из разведки.

— Не вернулся? — Коробов поерзал на месте. По лицу солдата было видно, что решился он тут же исправить допущенный промах.— Не вернулся — это еще не погиб. Да у тебя, землячок, такой друг, которого даже сварливой тещей не прошибешь. Сквозь шар земной пройдет. Не погибнет он, вернется. Коли нет Демья-

на, я эту историю для тебя повторю, а Демьян прибудет, подтвердит. Правильная историйка, в самый раз под сей момент подходящая. В деревне одной, слышь, мужичок проживал. Емельяном его кликали. Так тот прямо извелся от напастей,— Коробов прикурил, выпустил клуб дыма, хитро сощурился и удовлетворенно причмокнул губами.— В каждом деле, земляк, заметь, цепочка из однородных фактов имеется. Будь дело горестным или радостным, все одно. Ранили тебя, к примеру, и на второй раз ранят, а не убьют. Уж это — точно! На себе, землячок, испытано. Судьба не судьба, а этакое стечение обстоятельств, коли говорить по-ученому. Но все это, конешно, байки. Жизнь у каждого своя, и мотает всех она по-разному. Значит, жил в одной деревне Емеля. Работящий мужик, но с придурью. Из ста у него, может, одного или двух не хватало: заполошный больно. Жена Емельянова — не кровь с молоком, а борщ со сметаной: и вкусная и кислая. Норовок у нее на вооружении имелся. Своенравья такого никто из порядочных мужиков, землячок, отродясь не видывал. У нас бабы завсегда на месте. Так вот, Емельяниха-то, выгадав ласковую минуту, и говорит супругу:

— Поставь под черемухой в палисаднике столик и лавочку.

Попробуй отнекайся, коли жена просит. По правде сказать, Емеля еще кое-чего побаивался. Баба у него была — не приведи господь щуплому человеку.

Спозаранку достал Емеля рубанок, выбрал в сарае доску поширше и за работу. Только стругать начал, сломал инструмент. «Тьфу ты, грех какой!» Насилу другой рубанок у соседа выпросил. Привел доску в божеский вид, наловчился сиденье приколачивать. Наставил гвоздь, размахнулся — тяп! По пальцу, будь она неладная! С грехом пополам воздвиг и стол и скамейку.

— Получай, благоверная! Хоть насквозь просиживай!

Та, как это бывает, на городской манер, чмок мужика в одну щеку, в другую.

— Самовар поставлю на радостях,— говорит,— а ты, Емелюшка, возьми дымарек да на пасеку прогуляйся за медом, к чаю-то.

Плюнул мужик с досады, взял дымарь — и на пасе-

ку. Упрел, пока до нее добрался. Дымарь разжигать надо. Хватился спичек,— вот те раз! — дома оставил. Прикинул: «Не обратно же топать. Обойдусь без механизации!» Подошел к улью, крышку с него набекрень, а оттуда как хлынут пчелы, будто лава из вулканного кратера. Замахал мужик руками и через это вовсе насекомых из себя вывел. Они его и обработали. Еле домой приплелся. Емельяниха ему навстречу:

— Муженек, покамест самоварчик доходит, посидим на лавочке, тенек...

— Сама теньком наслаждайся,— взревел на бабу Емеля.— Мне теперь, как мерину, недели полторы спать на ногах придется. Ишь, насекомые расписали. Страх!

Жена, конечно, сочувствие поимела:

— Не печалься — это полезно. На прошлой пятнице по радио передавали врачову беседу. Сказывают, пчелиными-то укусами разные болезни лечат... Не можешь сидеть, иди за самоваром доглядывай.

Вошел мужик в избу, взялся за старый сапог, самовар продуть, а с улицы истошные крики. Выскочил за ворота, смотрит, а в палисаднике у столика, распластавшись на земле, супруга такими словами его костерит, что и вспоминать стыдно. Скамья-то напополам в самой середине переломилась. Глянул Емеля и понял: доска-то на ульи заготовлена была, с пазом.

Коробов бросил самокрутку в траву, наступил на огонек сапогом.

— Видишь, как мужика напасти замучили? — заключил он.— В один день.

Николай улыбнулся:

— Не мог Демьян жить без веселых шуток-прибауток. Весь он в них. Так ты меня, землячок, под Емельяна, что ли, рядишь?

— Выходит.

Полянский взглянул на часы и поднялся.

— Пока развей скуку с моим «адъютантом»,— он указал на сопровождающего солдата,— а я к начальству заглянуть должен.

— Ишь ты. И адъютанта заимел?

— Рад бы... Да вот придали. В общем, подождешь?

— Время терпит.

Ординарец, как только старший сержант показался

в дверях кухоньки, загородил ему дорогу и сделал страшное лицо.

— К майору и не думай пробраться. Полковник какой-то из штарма прибыл. Третий час беседу ведут. Шесть котелков чаю выпили. А накурили... В комнате завеса дымовая. Ты пережди малость. Освободится, тогда позову.

— Быстро управился,— встретил Николая Коробов.— Разговаривать, поди, не захотел?

— Занят пока.

— Сурьезная причина. Не с моим ли перебежчиком беседуют? Будешь? — солдат опять протянул Николаю кисет.

— С детства не приучен. Не курю. А ты частишь. Не вредно ли?

— Кому как. Для меня махорка — и еда, и тепло, и собеседник, лучше не придумаешь... Значит, и не нюхаешь зелья. Не из староверов случаем?

— Нет.

— А я еще в гражданскую к нему приохотился. Так на чем мы остановку сделали? На перебежчике? Он по-нашему бо-о-ойко балакает. Сказывает, что с шестнадцатого года из плену наш язык в Германию привез. Всю дорогу немец-то теперешнюю ихнюю жизнь расписывал. Не сладкая. Фюрера поносил, будто пьяный кучер норовистую клячу. «До точки,— говорит,— довели они, паскудники, фатерланд...» Рассказывал еще про Геринга. Жиру, говорит, в нем фунтов триста... Когда на фронт Восточный... как их там... тотальников, что ли, выпроваживали, он перед ними будто выступил и успокоил, что, слышь, неважно, где немецкий солдат будет убит, важно, чтобы долг он выполнил. Мягко боров стелет. Вояки-то речей сладких не принимают. Нет у них в жизни курса твердого. А без твердости в жизни завсегда хреновина получается.

При такой, как у теперешних герингов, ситуации и с мякиной в голове сообразить можно, к чему дело-то клонится. Лупят их под Ленинградом и у нас под Курском... Солдаты-то, хошь не хошь, мараковать начинают. Фюрер, слышь, все на зиму кивал. Что-де морозы, что-де великогерманцы в тепле воевать привыкли. Солнышко пригреет — организуем блицкриковскую победу. Конешно, один крик и получился. На Волге-

матушке, а потом по всему фронту — с севера до южных мест — дали им такого чесу, до сих пор бока ноют.

— Понимать, говоришь, немцы стали? Раскусили?

— Гитлера-то? Уясняют. Меж собой солдаты-то говорят: «Кто пойдет за фюрером, тот не только ничего не выиграет, но и потеряет то, что у него есть».

— Башковитый перебежчик,— нетерпеливо посматривая на крыльцо, заметил Николай.— Он многое разъяснить может. Прав ты. Хорошо бы к микрофону его поставить.

— Это уж точно,— согласился Коробов и, придвинувшись поближе к Николаю, зашептал доверительно: — Слышь, землячок, знают фашисты про наступление, которое мы вроде задумали вскорости на Ключи предпринять. И откуда они такие точности добывают? Мы еще и пальцем не повели, а они уже контрудар готовят...

Жаркий шепот бородача словно подхлестнул Николая. Перед глазами отчетливо возникли последние строки письма Демьяна. «Верить ли?» Захваченный внезапно пришедшим на ум открытием, он вскочил и сказал:

— Извини, землячок, тороплюсь!

Ординарец Соколова опять было попытался преградить ему путь, но от легкого толчка отлетел к стене, поднялся, потер ладонью ушибленное плечо, отряхнул с гимнастерски следы известки и сказал зло:

— Сатана!

Но «сатана» уже скрылся за дверью.

В комнате с побеленным потолком и чистым земляным полом было прохладно и совсем не накурено. За столом у окна сидел пожилой полковник. Он оторвался от бумаг и, сердито нахмурясь, взглянул из-под крылатых седых бровей на сержанта. Николай вскинул руку к пилотке и замер в нерешительности.

— Почему без стука? Что же вы молчите? Уж если самовольно пожаловали, докладывайте, по какому делу. И после всего прочего, если сами не можете держать в руках бритвы, рекомендую обратиться к дивизионному парикмахеру, а не ходить с такой щетиной.

— Павел Федорович,— вмешался Соколов.— Я ему посоветовал не бриться по тактическим соображениям. Дело Киреева...

— Говорите, сержант.

— Есть, товарищ полковник! — окая, проговорил Николай.— Можно обратиться к товарищу майору?

— Пожалуйста.

— Товарищ майор, я о лейтенанте Кирееве! Хочу высказать некоторые, по-моему, важные соображения,— и он обстоятельно изложил свои предположения о тех действиях, которые мог совершать бывший командир взвода под видом разведки.— И Демьян Федотов, уходя в последний поиск, об этом писал... А вот за что и кто убил лейтенанта Киреева? Кинжал мой, это известно. Но я его в гитлеровце оставил, когда от погони отбивался!

Полковник, который тоже внимательно слушал Полянского, улыбнулся, поднялся со стула и приблизился вплотную к разведчику.

— Глаз точный и наблюдательный. А вот выводы. С ними, старший сержант, надо повременить,— он посмотрел на Соколова.— Работник будет подходящий, майор, я согласен. Только дисциплинка, дисциплинка... Горячку пороть не следует. Вам неясно, кто убил Киреева? Как раз мы об этом и говорили перед вашим приходом. Что ж, теперь, пожалуй, и вас в это посвятить можно. Садитесь, старший сержант, будем думать вместе. Повторяю, ваши подозрения преждевременны. В дивизии орудует или орудовал враг, имеющий доступ к секретным документам. Но кто он? Вот этого-то мы сказать пока не можем. К великому сожалению, не можем. Предположим на миг, что это был Киреев. Тогда кто и за что убрал его с пути? Значит, кроме Киреева, есть еще кто-то. И он, этот кто-то, разгуливает сейчас на свободе. Задача трудная, со многими неизвестными. Сплошные иксы, игреки и зеты. Что же касается перебежчика, то нам уже все о нем известно. Капитан Мигунов прислал подробный протокол допроса. Помните, старший сержант, любая разведка не терпит горячности. Тем более такая разведка, как наша. Привыкайте к сдержанности,— полковник вскинул на Николая испытующий взгляд.— Перебежчик упомянул дважды о записи какой-то шахматной партии, доставленной в Ключи несколько дней тому назад.

В дверь решительно постучали, и почти сразу же через порог, чуть пригнувшись, чтобы не удариться

головой о притолоку, шагнул адъютант командира дивизии.

— Генерал приглашает полковника Силина. И вас, товарищ майор, тоже.

Собрав бумаги, офицеры тотчас отправились к командиру дивизии.

Николай — майор попросил его никуда не отлучаться — вышел на крыльцо. На бревнах, у сарая, сидел в одиночестве его «адъютант»: Коробов не дождался.

На улице, за забором, слышались плеск воды и довольное покрякивание, прерываемое добродушной перебранкой:

— Куда льешь, идол?

— На спину.

— Не на спину, а в штаны. Держи бадью повыше.

— А ты не покрикивай, штаны высохнут.

— Так сапоги ж на мне! Лей по-людски!

По голосам Николай узнал Рыбакова и Нишкомаева. Раздетые до пояса, они с наслаждением принимали у колодца холодный душ. Худощавый невысокий Вакула, с трудом приподняв до плеч тяжелую деревянную, окованную обручами, трехведерную бадью, щедро поливал пунцовую спину Виктора Рыбакова. Прозрачная и даже на вид ледяная вода тугой струей падала тому на спину, рассеивала радужные брызги, стремительно скатывалась к голове и, омывая крепкую шею, стекала в траву.

— Ой-ой! Ты чего же, идол! — это был вопль: Нишкомаев увидел над забором лицо Николая и опрокинул Рыбакову на спину все содержимое бадьи.— Как же я теперь... Полные сапоги...

— Выльешь!

— Николай?! — Рыбаков лег на спину и задрал ноги. Из сапог на волосатую грудь хлынула вода.— Ведра три ахнул недотепа,— ругнул он Вакулу.— А тебя, Николай, Луценко ищет.— Назначение старшина сегодня получил. Взводом командовать будет. По инстанциям пошел за тебя воевать. Добьется.

— Луценко? Это хорошо! — обрадовался Николай.— Может, опять будем вместе.

— Пошли в роту?

— Не могу, ребята!

Проводив товарищей, Николай, чтобы скоротать время, засел со своим «адъютантом» играть в шашки. Играл плохо.

После дюжины партий молчаливый «адъютант» недружелюбно посмотрел на рассеянного партнера, широкой ладонью смахнул шашки с доски в коробку и сказал многозначительно:

— Уметь надо! Ни одной комбинации не знаешь. Это тебе не тяп-ляп...

От комдива майор Соколов вернулся лишь в сумерках. Он был чем-то озабочен. Спросив у дремавшего на скамье ординарца, не появлялся ли Сальский, отпустил солдата, что сопровождал Николая, а Николаю поручил немедленно разыскать капитана или разузнать, где тот находится.

— Теперь будем действовать! — сказал он.

Ни в одном из отделений штаба, ни в дивизионных службах у знакомых офицеров, ни на квартире, в белостенной мазанке, приютившейся на берегу речки, Сальского не было.

Полянский побежал в автороту.

Дежурному сержанту наскучило сидеть в одиночестве. Обрадовавшись собеседнику, он долго и охотно рассказывал о том, что час тому назад капитан Сальский забрал новую связную машину и уехал.

— Скоростенку взяли с места — дай бог каждому: километров сто десять... А вот куда уехал...— сержант очень неопределенно махнул рукой в сторону переднего края.

Майор через начальника связи дивизии дал задание телефонисткам сообщить в штаб, если где-нибудь поблизости окажется Сальский.

Пока Соколов разговаривал по телефону, Николай сидел у двери и наблюдал за ярким зайчиком, который горел на темной стене. «Откуда появился этот зайчик?» Едва слышно скрипнула форточка. Свет от нее не падал на стену. Николай перевел взгляд на подоконник, где стояла керосиновая лампа под абажуром, и увидел на кипе бумаг свой кинжал. Это сверкал отточенный, как лезвие бритвы, клинок.

Соколов, не спуская глаз с Николая, повесил трубку, подошел к окну и, взяв кинжал, протянул его Полянскому.

— Добрый нож. Возьмите, старший сержант. Надеюсь, ножны целы?

— А как же! Вот спасибо, товарищ майор,— в волнении Николай не мог подыскать нужных слов. Ведь не только кинжал возвращал ему майор. Он возвращал и доверие.— Дорог мне этот нож, дед подарил и... такая история. Теперь-то я его, товарищ майор...

На столе опять глухо зазуммерил телефон. Соколов снял трубку.

— Да! Оперативное отделение... Слушаю! В хозяйстве Бухарцева? Хорошо! Нет, беспокоить никого не надо...

Привычным жестом поправив пропущенную под погон портупею, майор стал собираться.

— Полянский, нам предстоит серьезное задание, связанное с риском. Может случиться всякое... Передний край, нейтральная полоса, а если потребуется... Поэтому документы, ордена и письма оставим в штабе,— Соколов положил в конверт из плотной бумаги свой партбилет, свои и Николаевы документы, взял карандаш и написал на конверте размашисто: «Майор П. С. Соколов, ст. сержант Н. А. Полянский. 24 мая, 1943 года» — и убрал его в массивный сейф.— Вот так,— проговорил, поворачивая в дверце ключ.— Вызовите машину. Пусть подберут хорошего шофера.

В тесных полутемных сенях Николай столкнулся с полковником Силиным.

— Спешишь? — спросил тот, уступая дорогу.— Проходи, проходи,— и, пропустив старшего сержанта, плотно прикрыл дверь.

На кухонной плите, большой редкости для изб-мазанок, пофыркивал паром и дребезжал крышкой объемистый алюминиевый чайник. Полковник при скудном свете коптилки долго разыскивал тряпку, нашел, прихватил ею горячую дужку, составил чайник на скамью и спросил в полуоткрытую дверь комнаты:

— Петр Савельевич, заварка имеется?

— Что?

— Чай у тебя есть, спрашиваю? Давай, давай...— Он взял жестяную коробку, половину содержимого ссыпал в котелок, залил крутым кипятком и, пошарив глазами вокруг, накрыл котелок ватником.

— Люблю чайком побаловаться. Особый рецепт

знаю. Аромат, что в саду по весне. Попробуешь,— еще попросишь... Разыскали?

— У Бухарцева.

— Поведение?

— Пока безупречное.

— То-то и оно... Зря спешишь. Спешить — смешить — грешить. Чувствуешь, какие скверные рифмы к этому словцу подбираются? Я все же тебе налью,— Силин достал с кухонной полки эмалированные кружки, наполнил их густым пахучим чаем.— Нектар! — отхлебнул глоток и отодвинул кружку.— Взвесим-ка сызнова догадки, подозрения.

— Некогда взвешивать.

— Время терпит. А дополнительный анализ не повредит,— Силин говорил спокойно, словно не улавливал в голосе Соколова ноток нетерпения и раздражения.— Садись. Пей чай и слушай. Вот так... Факты кажутся мне шаткими. Тот наглец был ловкач. Он несколько лет подряд счастливо избегал с нами встреч. Вспомни, как мы прижали его в Подкручье? Будто медведя в берлоге обложили, а он ушел.

— Помню,— майор потянулся к кружке.— Цирковой трюк: по проводам улизнул...

— Про высоту, про высоту не забывай... С крыши пятиэтажного дома. На такое мог решиться человек завидной храбрости и ловкости.

— Значит? — Соколов отодвинул кружку.— Лучше предупредить заболевание, чем занедужить...

— Э-э-э...— Силин с некоторым удивлением взглянул на Соколова.— Нервы! Знаешь, что ответил мне когда-то на подобную философию один всеми уважаемый чекист? Он поставил мне контрвопрос: «Ну, а что скажешь ты, Павел Федорович Силин, если тебе под видом предупреждения болезни прооперируют здоровое сердце?» В храбрости Сальского я не сомневаюсь. А вот что касаемо воздушной акробатики... Сколько проводов было на том доме, в Подкручье?

— Три.

— Память у тебя преотличная! — полковник навалился грудью на стол и, постукивая пальцами по стеклянной пепельнице-рыбе, проговорил, пристально вглядываясь в лицо майора.— Проштудируем заново биографию «героя». В дебри забираться не станем. Отправ-

ная точка — полк «Бранденбург-800». В первые же дни войны наш «подопечный», хорошо знакомый нам по довоенным гастролям, вновь попал в Советский Союз именно в составе этого полка.

— Так.

— Население близлежащих сел и деревень ликвидировало десант, но трем-четырем десантникам, как ты помнишь, удалось скрыться. Одним из этих удачников был он. Мы напали на его след, попетляли вместе с ним по глубоким тылам и потеряли в прифронтовой полосе. Так я говорю?

— Но ведь нам известно, что, раздобыв документы какого-то командира запаса, шпион проник в армию.

— Допустим.

— Странные неудачи дивизии Бурова, активность гитлеровцев на этом участке фронта и, наконец, известные нам агентурные данные указывают на то, что враг обосновался именно здесь.

— Все это так.

— Я и решил действовать!

— Вы твердо настроены против Сальского? — уже официально спросил полковник.

— Факты. Я почти убежден! Во время последнего поиска разведчиков Сальский вдруг исчез из штаба. Позднее удалось установить, что в ту ночь его видели с Киреевым на переднем крае. Он даже провожал группу на нейтральную полосу. Все это — и исчезновение из штаба, и шахматы, и прогулка в орешном овраге за час до убийства Киреева, и...

— Решительность, майор, — очень хорошая черта. Но я считаю, что должна быть еще и тщательная проверка. Необоснованным подозрением, опрометчивым поступком можно смертельно ранить сердце человека. В данном случае я выступаю как советчик, а не начальник. Я не препятствовал, когда ты, Петр Савельевич, под видом ареста перевел в другое соединение несколько офицеров и приставил конвоира к Полянскому. Это могло принести какую-то пользу, усыпить на некоторое время бдительность врага. Я... впрочем, операцию поручено провести тебе. Советую действовать всегда хладнокровно и уверенно. В любом деле полагайся на себя, а не жди подсказки. Если надо — делай.

— На задание уходит со мной Полянский,— проговорил майор.— Его и мои документы в сейфе. Там же конверт с планом операции. Если мои подозрения подтвердятся и Сальский решит перейти к немцам, удрать,— мы будем преследовать его даже в немецком тылу.

— Ну,— Силин протянул Соколову руку.— Доброго утра тебе. Ночь-то уже пролетела. Желаю гладкой дороги. Еще раз — успеха! А Полянский — верный помощник.

Никогда Николаю не приходилось ездить на автомобилях с такой быстротой. В темную полосу слились кустарники по обочинам дороги. Изрытые снарядами поля выглядели ровными, гладкими. Ветер тонко посвистывал в прорезях автоматного кожуха, выжимал слезы из глаз, старался сорвать с головы пилотку. Ощущение было такое, что вот-вот машина взлетит и помчится по воздуху.

Неподалеку от передовой, возле одного из блиндажей, «виллис» замер, паря радиатором. Соколов нырнул в блиндаж и почти сразу же вышел из него.

— В первый батальон! — бросил он торопливо.— Побыстрее!

— Дороги сомнительные,— нерешительно заметил шофер, захлопывая дверцу.

— По целине!

— Мины...— глянув на майора, шофер осекся. — Эх-х-х! — сбив на затылок замасленную пилотку, он лихо давнул на стартер, и машина, преодолев неглубокую канаву, помчалась по низине.

Противопехотные мины, потревоженные колесами, как хлопушки, рвались позади «виллиса».

У командного пункта Соколов выскочил на ходу из машины и попал в объятия адъютанта батальона.

— Где Сальский?

— Во второй роте, рядом!

Соколов устремился к окопам, скрытым за перелеском. Полянский, не отставая ни на шаг, следовал за ним. Перед глазами возникали то размочаленные осколками снарядов стволы деревьев со срубленными кронами, то зияющие глубокие воронки с ржавой во-

дой на дне. Среди пожухлых ветвей, если вглядеться попристальнее, маслянисто поблескивали стволы противотанковых пушек, гаубиц и полковых минометов.

На переднем крае царило то безмолвие, какое бывает перед началом сражения. Даже темные зигзаги траншей, ходы, тянувшиеся к ним из тыла, казались пустыми, безлюдными: солдаты затаились в нишах, в подбрустверных блиндажах, ожидая сигнала атаки.

В расположении пулеметчиков майор встретил ротного командира старшего лейтенанта Фомичева. Тот сказал, что Сальский проверил готовность подразделения к наступлению и полчаса назад, отобрав в третьем взводе группу добровольцев, двинулся к броду. Фомичев пустился было в подробности, но Соколов не стал его слушать. Упершись в бревенчатый сруб пулеметной ячейки, он выпрыгнул из траншеи через бруствер.

В утренней синеве высоко над головами расцвели три красные ракеты, выпущенные с командного пункта дивизии, и сразу же рокочущий артиллерийский залп потряс тишину. Дрогнула, заходила ходуном земля. Сизо-черные разрывы взметнулись к небу. Передний край обороны гитлеровцев окутался пылью, дымом и гарью.

Пробравшись сквозь камыши, майор увидел, как наши солдаты переправились через реку и теперь выбирались на вражеский берег. Впереди был капитан.

— Полянский! — крикнул Соколов, но разрыв заглушил его голос. Столб грязи, взлетев, обрушился водопадом вниз, обдав и майора и старшего сержанта с ног до головы.— Не отставайте, Полянский! — повторил майор.

Проваливаясь в скрытые под водой ямы, они вброд преодолели основное русло Сожа, усеянную кувшинками старицу и взбежали на песчаную кручу. Сальский, заметив их, что-то прокричал им и указал на холм с разрушенным дотом. Тяжело переваливаясь, оттуда выползали немецкие танки, изготовляясь к контратаке. Сальский вел людей к хутору с уцелевшей хатенкой. Она одиноко жалась к груде обгоревших бревен, среди которых торчала кирпичная печь с дымящейся трубой.

Мимо Соколова «сорокапятчики» прокатили пушку. Толкали ее стволом вперед и стреляли. Полянский помог им перетащить пушку через траншею и вслед за

майором устремился к хутору. В это время группа Сальского в развалинах завязала с гитлеровцами бой.

— Полянский, мы должны доставить капитана в штаб.

— Дело привычное, товарищ майор! Трудностей особых не будет...

Перед ними вдруг вздыбилась земля. Горячий упругий воздух ударил в лица. Яркий огонь ослепил резким светом. Соколов остановился и руками закрыл глаза. Николай уловил нарастающий свист. Подскочил к майору, схватил его, силясь пригнуть к земле. Взрыв еще более мощный, чем первый, расшвырял их в разные стороны.

НЕОЖИДАННЫЙ ВИЗИТ

Комендант пересыльного пункта длинноногий баварец Швейнгерт был не на шутку встревожен. Только что радист принял срочную секретную шифровку, подписанную начальником отдела военной разведки и контрразведки группы армий оберстом фон Штаубергом. «Отправка на фронт неминуема,— горестно терзался комендант.— Иначе, с какой стати таким заштатным пересыльным пунктом, как мой, вдруг заинтересовалось такое ведомство? По крайней мере, это странно. Может быть, ложный донос или что-нибудь из прошлого?» — Швейнгерт лихорадочно старался припомнить все, что могло бросить на него тень. Нет, он был чист перед фюрером и фатерляндом. В путче принимал участие, правда, не слишком активно, но... нет, нет, не будь у него особых заслуг, его не назначили бы на такой... доходный пост.

И все же комендант волновался. Он поминутно заглядывал в приоткрытые двери шифровальной к толстяку Брюкке. «Чего он так долго возится? — раздраженно думал Швейнгерт.— Чему его учили?»

Служебный персонал интересовался содержанием загадочной телеграммы не меньше своего начальника и тоже держался поближе к комнате Брюкке.

Никто и не заметил, как к комендатуре подкатил припорошенный пылью «оппель-капитан». Часовые на

всякий случай взяли автоматы «на караул». Лакированная дверца автомобиля бесшумно раскрылась, и высокий офицер в дорожном плаще легко выпрыгнул на зеленую лужайку. Не взглянув на часовых, он взбежал по крутым ступеням и зычно крикнул:

— Коменда-а-ант!

В окнах замелькали встревоженные лица.

— Господин комендант! Господин комендант! — разнеслось по зданию.

Обитая клеенкой дверь распахнулась, и Швейнгерт, кланяясь, возник перед приезжим:

— Рад приветствовать вас...— комендант не знал, кто перед ним, так как знаки различия были скрыты под плащом офицера.

— Вы комендант?

— Да, гер... гер...

— ...гауптман,— подсказал прибывший.— Проводите меня к себе!

В комендантском кабинете гость бесцеремонно развалился в единственном кресле, закурил сигарету и стал нахально, так показалось Швейнгерту, изучать его физиономию.

— Комендант Швейнгерт! Вы, надо полагать, догадываетесь о цели моего визита? — гауптман стряхнул с сигареты пепел на ковер.— Вы покажете мне русских пленных: капитана Сальского и майора Соколова, недавно доставленных к вам.

— Охотно, господин...

— Грау! — гауптман не счел нужным предъявлять удостоверение личности.— Вы извещены о цели моего приезда специальной шифровкой... Оберстом фон Штаубергом.

— Господин гауптман! — обрадовался комендант.— Значит...— он чуть не высказал офицеру своих опасений насчет отправки на фронт.— Да! Ко мне из-под станции Ключи были доставлены только майор и два солдата. Капитан, о котором вы упомянули, вероятно, попал в другой лагерь. Не отдохнете ли с дороги?

— Благодарю! — сухо ответил гауптман.— В данный момент меня интересуют пленные, только пленные.

— За станцию Ключи,— не унимался Швейнгерт,— был, говорят, серьезный бой и коммунистам удалось...

— Кто говорит? — Грау, не поднимаясь, пригнул к себе ветку гортензии с пышным розовым цветком и окунул в него тонкий нос.

Швейнгерт замер с полуоткрытым ртом: опять сболтнул лишнее.

— Кто? — еще раз переспросил гауптман.

— Недавно проезжали армейские офицеры, раненные под Ключами...

— Не верьте болтовне! И сами держите язык за зубами. Излишняя разговорчивость не красит военного человека. Где содержатся русские? Я должен их видеть,— Грау поднялся.

— Сию минуту! — засуетился Швейнгерт.— Они в двух шагах отсюда, в лазарете!

Справа от центрального поста, что находился рядом с комендатурой, ровной шеренгой тянулись дощатые амбары. Стены их пестрели фанерными заплатами. На крышах зияли дыры. Под навесами, крытыми соломой, на земле, копошились люди.

— Бегут?

— Не было случая... господин гауптман...— Швейнберг врал без зазрения совести.— Я... Охрана организована отлично.

Пересыльный пункт опоясывали два ряда колючей проволоки. Один двухметровый, другой чуть пониже. Между ними змеилась «спираль Бруно». Через каждые сто метров — караульные вышки. С площадок, прикрытых от зноя и непогоды легкими железными куполами, смотрели стволы крупнокалиберных пулеметов. Казалось, вырваться из этого застенка может лишь птица. Но Швейнгерт умолчал о том, что на днях пленные с тем самым капитаном, которого разыскивал Грау, подрыв колючую проволоку, бежали из лагеря...

Гауптман и комендант пересекли площадку перед главными воротами и подошли к домику с облупившейся на стенах штукатуркой.

Швейнгерт толкнул низкую, обитую дерюгой дверь. Спертый воздух рванулся из помещения. Грау отпрянул. Холеное лицо его исказила гримаса отвращения. Превозмогая брезгливость, он шагнул за Швейнгертом в темные двери.

Вдоль стены с единственным окном без стекол стояли кровати. В темном углу, возле печки с вывалившей-

ся топкой, кособоко приткнулись сколоченные из досок топчаны. К ним-то и подвел комендант гостя.

— Перед вами, господин гауптман, доставленный из-под станции Ключи майор. Вместе с ним, как я уже докладывал, привезены вот этот солдат и вот этот унтер-офицер. Господин гауптман...

— Называйте меня господином Грау,— попросил офицер, морщась.

— У захваченных, господин Грау, никаких документов не обнаружено. Фамилии пока узнать не удалось: контузия, которая привела их к нам...

— Та-а-а-к. А капитан, вы утверждаете, в другом лагере?

— Да,— поспешно соврал Швейнгерт.— Если бы он был у меня...

— Тяжелая контузия?

— По мнению лагерного врача, они скоро придут в себя.

— А рядовой? — гауптман кивнул головой на койку, где, разметавшись, в бреду что-то бормотал бородатый солдат.

— Он тоже контужен.

— Очевидно, комендант, вы не до конца уяснили приказ генерал-майора Гревенитца? — Грау блеснул золотом вставленных зубов.— Мой шеф — оберст Штауберг заинтересован в том, чтобы приказ этот стал для всех пересыльных пунктов и лагерей законом.

— Непригодных к работе военнопленных мы умерщвляем...

— До остальных военнопленных мне нет никакого дела. Можете распоряжаться ими, как заблагорассудится. Но майор нужен фон Штаубергу.— Грау, говоря это, брезгливо двумя пальцами откинул край замызганного одеяла.— Майор ранен? У него забинтована голова?!

— Легкое касательное ранение! — объяснил Швейнгерт.— Контузия гораздо сильней. До сих пор он еще без сознания.

— Пожалуй, это к лучшему,— гауптман протянул руку к лицу раненого.— Я должен взглянуть на него.— Грязный бинт был пропитан кровью и затвердел. Грау не хотелось снимать перчаток, а в них он ничего не мог сделать.

— Найдите нож! — раздраженно сказал он топтавшемуся возле Швейнгерту.— Или лучше принесите скальпель.

— Господин гауп... господин Грау,— льстиво сказал комендант.— Я велю позвать фельдшера, и он все подготовит. Мы же пока выйдем на свежий воздух.

— Так будет лучше,— согласился офицер.

Хлопнула дверь. Наступила тишина. Ее нарушали лишь бессвязный бред солдата да монотонное жужжание мух под потолком. Но вот раненый на топчане, у которого только что вели разговор Грау и Швейнгерт, зашевелился. Он попытался приподняться на локтях. Резко подался грудью вперед, застонал от боли и бессильно откинулся на подушку. Потрепанное мышиного цвета тонкое одеяло соскользнуло на захламленный пол. Боль, вероятно, не утихала: забинтованная, похожая на марлевый шар, голова раненого с узкой щелью для рта металась по соломенной подушке. С койки напротив торопливо поднялся рослый парень, подхватил с пола одеяло, накинул его на раненого и, прислушиваясь к звукам с улицы, зашептал, низко склонившись к забинтованной голове:

— Товарищ майор! Вы слышите меня?

— Слышу, Полянский...

— Товарищ майор! Вот хорошо-то. А я думал что...

— Ничего. В ушах позванивает только. Полянский, не пытались узнать, где мы находимся?

— Попали мы, товарищ майор, в Городище. В нашей хибарке — лазарет. На дверях красный крест намалеван. Пленных всех в сараях содержат, в скотных... Выбраться, конечно, отсюда можно...

— Выбраться? — голос майора стал строгим.— Приказываю, Полянский, держать себя в руках. Без моего согласия никаких действий.

— Есть!

— Немцы, что были здесь, говорили о приказе какого-то фон Штауберга... Штауберг? Фон Штауберг...— Соколов повторял фамилию, припоминая: «Уж не тот ли это фон Штауберг, который...» — и вслух сказал: — Это, вероятно, крупный начальник нацистов. Так вот этот фон Штауберг интересуется двумя советскими офицерами, захваченными в плен под Ключами. Один из этих офицеров — капитан, второй — майор...

— Откуда им известно?

— Обсудим в другой раз. Сейчас надо подумать не об этом. Скоро немцы вновь придут сюда, чтобы взглянуть на меня.

— Бежать надо, товарищ майор! — убежденно зашептал Николай.— Бежать!

— Вскочим с кроватей и побежим?

Этот вопрос охладил Полянского.

— Да-а-а...— протянул он.— Но кто предупредил немцев, что мы в плен попали?

— На этот вопрос я и сам не могу ответить. Кто лежит с нами?

— Коробов. Тоже контузия. Без сознания он.

— Договоримся так, Полянский. Мы контужены, и выздоравливать нам пока незачем. Немцы не знают наших фамилий. Подумаем, как и кем назваться. Да, опасаюсь одного: Сальский...

— Мы сбежим, товарищ майор!

— Не горячитесь! Итак, с этой минуты я,— майор Сарычев Николай Петрович, командир первого дивизиона восемьдесят четвертого артиллерийского полка, приданного дивизии генерала Бурова. Вы поняли меня?

— Еще бы! А я, товарищ майор, Федотовым назовусь. Федотовым Демьяном Терентьевичем,— голос Николая предательски дрогнул.— Помните, дружок у меня был? Рассказывал я вам про него. Тот, что из последней разведки не вернулся. Под Ключами.

— Хорошо. Послушайте, Федотов.

Николай невольно взглянул на дверь, надеясь увидеть Демьяна.

— Федотов!

— Не привык еще,— стал виновато оправдываться Николай.— Так сразу...

— Вот именно сразу, моментально! Времени у нас очень мало. Как самочувствие Коробова?

— Вроде плохое. Бредит. Но мужик закаленный, крепкий.

— Надо его, Федотов, привести в чувство и поднять обязательно. Немцы в разговоре упоминали о Гревенитце — начальнике управления по делам военнопленных при ставке Гитлера. По приказу этого генерала всех непригодных к работе раненых расстреливают.

— Да я Коробова, в случае чего, на себе таскать стану! — встрепенулся Николай. — За двоих работать буду!

— Пока требуется лишь поставить его на ноги. Попытаемся провести небольшую репетицию-смотр,— глухо проговорил он.— Приподнимите мне повязку.

— Товарищ майор!

— Приступайте.

Полянский повиновался. Как только рука его легла на затвердевшую повязку, Соколова вдруг охватила робость, и он попросил:

— Подождите немного.

Прислушиваясь к звукам, доносившимся со двора, Николай ждал и смотрел на забинтованную голову командира. Перед Соколовым, словно на экране, проносились кадры из его тридцатипятилетней жизни.

Вот по кривой улочке заводского поселка, вздымая босыми ногами дорожную пыль, мчит с узелком в руке Петька Соколов. Он несет отцу обед. Пропел под ногами на разные лады бревенчатый мосток через грязный ручей с громким названием Висла. Мелькнула вывеска, на которой сытый детина жадно уплетал румяный калач. Петька всегда останавливался поглазеть на яства, выставленные в витрине этой единственной на весь поселок бакалейной лавки. Но сейчас он пробежал мимо: уж очень торопился.

Вот и литейка. Седой вахтер, открыв квадратное окошко будки, окрашенной, как верстовые столбы, глянул на белобрысого мальчугана и сказал, что городу с запада угрожают белоказаки и что Савелий Соколов — командир боевой рабочей дружины — отбыл с отрядом на линию обороны.

С этим известием и влетел Петька во двор своего дома. Хотел было парень высыпать новости матери, которая стояла на крыльце, но где-то за поселком, у самого леса, гулко ударила пушка. Снаряд, прошепелявив над вершинами столетних лип, росших неподалеку от кладбищенской церквушки с позолоченным куполом, шарахнул в мраморный надгробный памятник именитого купца Рукавишникова, разнес вдребезги плиту и расшвырял по кустам крылатых херувимов, оберегавших покой усопшего.

Потом Соколов зримо представил искаженное яро-

стью, багровое лицо кайзеровского офицера. На офицере была красивая металлическая каска с поблескивающим на солнце посеребренным шишаком и одноглавым орлом. Немец кричал:

— Парышивый руски мальчишек! Давайт менья имья, фамилья, люди, кто был сделать в складофф пожьяр!

Офицер кричал. А мордастый солдат, засучив рукава, порол ремнем Кольку Сарычева — лучшего Петькиного друга. Колька мог бы, конечно, перенести эту порку молча: подумаешь, ремень. Но он, Колька, нарочно орал на всю площадь, чтобы вызвать сочувствие согнанных сюда жителей. Рабочих, участвовавших в поджоге военного склада кайзеровцев, Колька не назвал, хотя и знал их.

После Кольки выпороли Петьку.

«Вот оно что,— вспомнил майор.— Фамилия кайзеровского офицера, по чьему приказу пороли нас с Колькой, была фон Штауберг! Но уж очень много лет прошло с тех пор и, пожалуй, того офицера с багровым лицом, что «путешествовал» в восемнадцатом году по Украине, в живых нет».

...Басмачи наглели. Объединив свои силы, они обложили со всех сторон кавалерийскую бригаду пограничников. Посланные за подкреплением двое молодых бойцов еле бредут по сыпучим пескам Туркменистана. Безжалостно печет солнце. Воспаленные лица горят. Глаза слезятся. Губы растрескались от зноя. Винтовки давят плечи. Ремни с патронными подсумками, казалось, вот-вот перережут ноющие поясницы. Воды бы сейчас только глоток, один-единственный! Но впереди огненное марево и пески, пески, пески... Прошла холодная ночь, знойный день... Через трое суток, когда бойцы были почти у цели, конные басмачи настигли их и загнали на гребень бархана. Пятеро на двоих. Пришпорив скакунов, басмачи рванулись в атаку. Песчаное безмолвие разбудили выстрелы. Они звучали хлестко. Неравная схватка закончилась победой пограничников.

Так Петр Соколов и Николай Сарычев раздобыли воду и пищу. На чистокровных арабских скакунах, взятых в бою с басмачами, прибыли они в гарнизон и в срок привели подмогу товарищам.

...Кремль. Георгиевский зал. Празднично одетые люди. Радостные лица. Михаил Иванович Калинин вручает правительственные награды. Среди награжденных и Петр Соколов — лейтенант госбезопасности. Он и майор Силин получили ордена за ликвидацию шпионского центра в Заволжье. Как раз там, в Заволжье, и был схвачен тот самый предатель Петр Сарычев — однофамилец Николая Сарычева,— который еще в восемнадцатом году выдал фон Штаубергу подпольщиков и стал работать на немецкую разведку.

...Дождь. Крупный летний дождь. Человек в полотняном костюме идет, не замечая луж, и счастливо улыбается. Редкие прохожие с удивлением посматривают на него из-под зонтиков. Они не знают, что несколько минут назад самая прекрасная в мире девушка сказала капитану Петру Соколову, что давно разделяет его чувства.

Вот почему радуется капитан буйному летнему косохлесту. Вот почему лихо ступает он прямо по лужам.

...Синева чуть проглядывает сквозь клочковатые облака... Над городом стелется черный дым: фашистские пикировщики сбрасывают бомбы, которые корежат мостовые, разваливают многоэтажные здания.

Капитан Соколов спешит через этот ад к светлому дому на центральной площади. Новый взрыв оглушает его. Когда капитан приходит в себя, он уже не видит светлого дома: на его месте дымятся развалины.

Так погибли его жена и сын.

Горячая волна боли сдавила майору сердце. Он поперхнулся, закашлялся и голосом, от которого Николай вздрогнул, сказал:

— Федотов, поднимите повязку! Да приподнимите же вы ее поскорее!

Николай подсунул пальцы под плотный слой марли и осторожно приподнял его.

Раны пересекали лицо Соколова, уродовали брови. Воспаленные до синевы, покрытые запекшейся кровью, веки были плотно сжаты. На одном трепетала бледно-сиреневая тонкая жилка. «Волнуется командир»,— надо бы в эту минуту сказать ему что-то бодрое, теплое, но Николай не находил слов.

— Страшно небось? — горячая ладонь участливо

коснулась руки Полянского.— Не робейте, Федотов, бывает и хуже...

— А что мне робеть, товарищ майор! Все в порядке.

Соколов открыл глаза.

— Я вижу! — и он стал перечислять вслух: — Вижу солнце! Оно заглядывает к нам, рыжее! Вижу потолок. Грязный-то какой! Вижу вас, Федотов!

— Человек без глаз, что печь без огня,— произнес радостно Николай.— А солдат без глаз, что заряд без капсуля. Без глаз солдату вовсе нельзя...

— Вот именно, нельзя! А я вижу! Вижу! Вижу! — майор повторял и повторял это слово. Оно пьянило его.— Я вижу, значит, я солдат! Значит, мы повоюем! Пусть являются, пусть!

Гитлеровцы словно ждали этого «приглашения». За окном послышался сдержанный говор, захрустел под чьими-то шагами гравий. Николай быстро опустил повязку на лицо майора и вернулся на свой топчан.

Четырежды проскрипели ступени крыльца. Сильный пинок распахнул дверь. Ручка ее с маху стукнулась о стену. Домик зябко вздрогнул. С потолка посыпалась известь. Над постелями взмыл рой мух, потревоженный струей свежего воздуха.

Громыхая каблуками, в лазарет ввалились фельдшер и два солдата из лагерной охраны. Солдаты переворошили тряпье, сваленное возле печки, и, прихватив из-под койки сапоги Полянского, вышли.

Фельдшер подсел к Соколову. Откинув край одеяла, прикрывавший голову майора, достал скальпель и, орудуя им, разрезал повязку. Растревоженные раны закровоточили.

Не успел фельдшер привести в порядок лицо Соколова, как вернулись Грау и Швейнгерт. Комендант бесцеремонно выпроводил медика за дверь, а гауптман достал из нагрудного кармана фотографию, взглянул на нее, потом на майора, лицо которого, отекшее, с незатянутыми ранами, было неузнаваемым. Но Грау это не трогало, и он всматривался в каждую его черточку.

Эту процедуру неожиданно нарушил Коробов. Он вдруг приподнялся на локтях и стал тревожно озираться. Старый солдат был уверен, что бредит. «Враги? Откуда им появиться?» Чтобы избавиться от навязчивого «видения», Коробов несколько раз энергично

встряхнул головой и пощупал шершавой ладонью потный лоб.

Грау повернулся к нему и проговорил:

— Живучи, словно кошки. Этот славянин, которого вы, господин комендант, хотели сегодня похоронить, ожил. Майора прошу держать под надзором. Не утверждаю, но может оказаться, что он — та фигура, которой интересуется оберст фон Штауберг. О розысках капитана позабочусь я.

Чужая речь окончательно вразумила Коробова — он бросился на гауптмана. Грау метнулся к выходу, но жилистые руки Коробова настигли его, оплели грудь. Перепуганный Швейнгерт во весь голос звал охранников. По плацу забегали автоматчики. Завыла овчарка. Ловкой подножкой Коробов повалил фашиста на пол и, прижав его грудь коленом, тянулся к горлу.

Полянского била нервная дрожь. Чуть приподняв край одеяла, он следил за неподвижным лицом майора, видел, как бледнеет оно под сгустками запекшейся крови. Николай ждал сигнала, хотя бы малейшего намека на то, что пришла пора действовать, но Соколов не подавал признаков жизни. Только резче обозначились на его лбу морщины, пересеченные ранами, да натянулись плотно сомкнутые губы.

Грау терял силы. Судорожно царапал он пальцами по застегнутой кобуре. На помощь ему пришел Швейнгерт. Выхватив «вальтер», он приставил его к груди Коробова. Ударил выстрел. Солдат слегка откинулся назад, обвел помещение тускнеющим взглядом и медленно повалился на пол.

— Какой он к черту контуженный! — обрушился на коменданта Грау, вскакивая на ноги.— Он силен, как слон! А вы...

Подбежали автоматчики, подхватили Коробова за ноги и вытащили на улицу. Швейнгерт, ползая на коленях, отыскал под кроватью фуражку Грау. Тот рывком надвинул ее на лоб и опрометью ринулся вон. Лазарет опустел.

Выждав минуту-другую, Николай проговорил с обидой:

— Что же это, товарищ майор? Коробов-то...

— Мы не имели права умирать вместе с ним,— глухо проговорил Соколов.— Вы меня понимаете? Мо-

жет быть, нам с вами придется умереть в еще более суровых условиях. Я опасался, что вы ввяжетесь.

— Хотелось, ведь Коробов... Этот человек меня в трудную минуту поддержал, к жизни, можно сказать, вернул, а я? — Николай поднялся с постели и на соломе, устилавшей пол, увидел фотографию, подобрал ее и обомлел: на лужайке, за шахматной доской, поджав под себя ноги, сидели капитан Сальский, лейтенант Киреев и майор Соколов. Лицо майора на фотографии вышло с необыкновенной четкостью.

— Фашист в драке потерял...— свистящим шепотом сказал Николай и подал фотографию майору.

Соколов взял ее. Сомнений не было: немецкая разведка знала о приезде его в дивизию, очевидно, знала она и о цели, с которой он прибыл. Кто же фотограф и как попал к врагам этот снимок?

— Не узнал вас этот тип? — спросил Николай.

— По-моему, нет. Но что-то, видимо, подозревает.

— Трудно вас узнать,— Николай сказал и тут же спохватился: не то сказал. И поправился: — На лбу кожу рассекло, брови поцарапало, губы и подбородок задело... На солдате раны в один момент затягиваются,— он помолчал, глядя на опустевшую кровать Коробова, на лужицу крови на полу.— Так-то...— и вздохнул.— Товарищ майор, а фотокарточку порвать или припрятать?

— Оставьте ее на прежнем месте. За ней непременно кто-нибудь придет. Слышите, уже идут!

ДОРОГА В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Железная крыша расхлябанного пульмановского вагона была изрешечена осколками. И поэтому закрытым в нем людям большие и маленькие пробоины казались россыпями далеких созвездий, усеявших ночное небо. И еще так казалось им потому, что каждый думал о свободе, которая была за тонкими деревянными стенками.

На двухъярусных нарах из сосновых неотесанных горбылей лежали люди, лежали плотно-плотно, один

к одному, словно патроны в обойме. Под тяжестью тел доски прогибались и потрескивали.

Вторые сутки эшелон с военнопленными мотался по разъездам и полустанкам. Утром и вечером на кратковременных стоянках двери пульмана сдвигались на сторону и вместе с пьянящей струей свежего воздуха в вагон врывались грубые гортанные голоса. Это охранники приносили три буханки черствого хлеба и два ведра воды.

Три буханки хлеба и два ведра воды на вагон! А в нем шестьдесят человек.

Голод и жажда. И неумолчный перестук колес: «В плен! В плен! В плен!»

На верхних нарах у люка, затянутого колючей проволокой, лежал майор Соколов. Рядом сидел Николай и старательно чинил сапоги, вполголоса чертыхаясь.

— Надо же было вражине тому сапоги слямзить из-под койки! Должно быть, он и разувал меня, когда нас из-под Ключей доставили. Разул, заприметил, а потом «прихватил». А сапоги были! В них бы я до самого Берлина дотопал. Верно ведь?

Майор не ответил. Последние дни он отмалчивался. Плен, гибель Коробова, фотография, которую обронил в «лазарете» нарочный фон Штауберга, странное исчезновение Сальского! Мог ли Соколов не думать обо всем этом? Вражеская контрразведка идет по его следу. Это вне всяких сомнений. Бомбежка пересыльного пункта в Городище дала лишь временную отсрочку. У немецкой контрразведки мертвая хватка. Из ее рук так легко не выскользнешь.

«Имеют сведения,— размышлял майор, наблюдая за тем, как Николай «пришивает» гнилую подметку. Фотография у них есть. Но вряд ли она поможет. Теперь копия и оригинал — два разных лица...» Он сел и тихонько попросил:

— Федотов, не раздобудете ли зеркало? Может быть, есть у кого-нибудь?

Николай с недоумением взглянул на командира, не спеша отложил сапог, спрыгнул вниз и вскоре вернулся с крохотным осколком зеркала.

— Вот,— подал он.

Соколов придвинулся поближе к люку и заглянул в зеркало: перед ним было совершенно чужое, исполо-

сованное шрамами и заросшее густой темной бородкой лицо.

— Я так и предполагал,— только и сказал он, вернул Николаю осколок зеркала, лег лицом вниз и затих. «Нет больше Соколова. Нет!.. Близкие и то мимо пройдут: не узнают. Нет Соколова, но зато есть Сарычев. Правда, Кольку все считали красивым парнем».

Полянский принял огорчение командира близко к сердцу. Поглядывая на него искоса, он пальцем выбил на прикрученной проволокой подошве барабанную дробь и бодрым тоном проговорил:

— Работка! Сапоги — на совесть! На край света пехом следовать можно. За голенища ручаться не могу, а за подметку головой отвечу — не отстанет.

Майор перевернулся на спину и стал смотреть в перехваченный колючкой люк: перед ним поплыло небо, синее и безоблачное. Майор приподнялся на локте. Теперь он видел и землю. Эшелон медленно полз мимо разбитых осколками деревьев, мимо сожженной деревушки. По пустынному полю тянулся противотанковый ров. Рядом чернели траншеи с противопехотными ежами. Сладковато-дымный воздух, проникавший в вагон, был насыщен дыханием войны.

По шоссе, что жалось к железнодорожному полотну, тянулись на восток обозы. Эшелон обогнал их. И вот уже, лязгая траками, по шоссе двигаются танки, бронетранспортеры с пехотой. Все это, сливаясь вдали, напоминало гигантского червя.

Майор тяжко вздохнул и снова лег лицом вниз. Тогда Николай прильнул к люку.

— Вот бы...— сказал он, ни к кому не обращаясь.

— Ну-ка! — сутулый парень решительно потеснил Николая и, близоруко щурясь, уставился на вражескую колонну.— Ползут гады,— он бесцеремонно перекатился через Соколова, надел очки с потрескавшимися стеклами и начал читать вслух стихи:

Где ты, друг мой! Отзовись, откликнись,
По пути открытку оброни...
Но в молчанье тополя поникли
К грудам развороченной брони.

И дымят обугленные дали
Фронтовых немеряных дорог,
И повозки молча проползают
Курсом отступленья на восток.

Здесь, мой друг, встречал ты вражью силу,
Лязгом разбудившую поля,
Потому и встали над могилой
В караул почетный тополя.

Может? Нет я в смерть твою не верю,
Мы сейчас не смеем умирать!
Смело мы пойдем навстречу зверю,
Раз пришлось — так будем воевать.

Чтоб потом, с досады не краснея,
На вопрос любой — ответ один:
Как и все твои сыны, Россия,
Мы вошли с победою в Берлин.

В вагоне притихли. Все слушали парня, стараясь не пропустить ни одного слова. «Где я видел его! — думал Николай.— Нет, ни разу не встречался с ним раньше. Не встречался, а знаю! Ведь Луценко рассказывал о нем! Луценко рассказывал, а Нишкомаев читал стихи». Пододвинувшись к парню поближе, Полянский шепотом спросил:

— Ты — Великанов? Сержант?

Парень, удивленный, замолчал.

— Точно? — опять спросил Полянский.

— Да! Откуда ты меня знаешь?

— Под Ключами вместе воевали. Разведчиков дивизионных помнишь? Старшину нашего, такого широкоплечего парня?

— Ну, ну! В блиндаж он заглядывал. Луценко как будто?

— Точно! Меня тоже под Ключами контуженным взяли. Теперь, выходит, вместе горе мыкать будем.

— Кто как... «Мыкать». Не то слово,— Великанов глянул на Николая поверх очков, откинул непокорную, свешивающуюся на глаза льняную прядь.— Я спину гнуть на Гитлера не собираюсь. Такую кашу при случае заварю...

Великанов говорил громко. Николай, опасаясь за него,— ведь могли немцы подсадить к ним провокатора,— попросил:

— Еще читай стихи, а? На сердце полегче.

— Можно,— согласился Великанов.— В сорок первом году погиб мой товарищ. Под Киевом это было. На руках моих умер. Я стихи о нем и написал.

Рядом, раненный в грудь осколками,
Умер самый мой лучший друг.
Злой кустарник шипами колкими
Не встревожит раскинутых рук.

Зря черемуха, ветками свесившись,
Льет цветов аромат густой, —
Сколько долгих военных месяцев
Мы дружили дружбой простой...

В жарких спорах бровей не хмурили
И делились последней махрой.
И помечен пятнами бурыми
Наших серых шинелей покрой.

Словно жаркой пустыней высушен,
Глаз мой сух, и слез больше нет.
На кощунственно белый вишенник
Кровь зари проливает рассвет...

Великанов читал искренне, сердечно. И когда он окончил, Николай, вздохнув, сказал:

— У меня тоже дружок погиб... Из разведки не вернулся. Любил и стихи, и разные истории, и песни. А самая любимая песня была у него...— он пригорюнился, отвернулся к люку, сквозь который в вагон пробивался яркий солнечный свет, и запел вполголоса приятным баском:

Коптилка, коптилка, чего ты мигаешь,
И так в блиндаже полумрак и тоска.
Пойми ты, коптилка, что мы ожидаем
Из дальнего вражьего тыла дружка...

— Ожидаем...— грустно повторил кто-то снизу.— Сами вот по дальним тылам в товарняке, будто скот на убой, следуем.

Возле полотна железной дороги надсадно заурчали моторы. Николай оборвал песню и заглянул в люк. По шоссе двигались танки. Раскачиваясь и переваливаясь с боку на бок, переползали они взорванный бетонный мосток. Башни их были открыты. Танкисты в пробковых шлемофонах, выставившись по пояс, размахивали руками, улыбались, что-то кричали друг другу.

— Сюда бы звено штурмовиков,— процедил сквозь зубы Николай.— Дали бы они этим...

Плюгавый солдат с круглым лицом и оттопыренными ушами, которые делали его похожим на летучую мышь, сказал, тараща на Николая водянистые глаза:

— Не навоевался ишшо? А по мне хватит кровушку лить... Плен-то ишшо лучше для нас. Кончится драчка, а мы — целехоньки. Чай, не сожрут нас немцы-то. Глядишь, и к Дуняшке с ногами-руками ворочуся...

— Такое рыло и близко к себе она не допустит,— бросил кто-то.

— Я плох? Чай, не хужее тебя.

— Заткнись! Еще с нами равняться! Тебя и человеком называть совестно. Сволочь крапчатая!

— Крапчатая... Помалкивал бы. Власть ваша теперя кончилася. Мой отделенный Брагин,— тот вон, што в темном углу хоронится,— тоже коммунист, как ты, видно. Молчит Брагин-то. И правильно делает. Не ровен час, унюхают стражники, што в коммунистах значитесь — веревочный галстук одночасьем соорудят. А узнать-то просто...

Вагон загудел от множества голосов. Николай спрыгнул с нар и, не сдерживая клокочущей ярости, крикнул, перекрывая гул:

— Молчать, гад!

— Помолчали! — ерепенился нагловато плюгавый.— Тебе теперя молчать-то надоть. Я што? Я человечишко маленький, ни единой души живой не загубил...

Лицо Николая побагровело. Приблизившись вплотную к солдату, он приподнял его с пола и сильно встряхнул.

— Фамилия?!

— Рядовой я,— сбивчиво забормотал тот, стараясь высвободить ворот шинели из железных пальцев.— Рядовой...

— Способин его фамилия,— откликнулся сержант, которого плюгавый только что назвал Брагиным.— Пулеметчиком был в моем отделении, вторым номером.

— Как попал в плен? — Николай опять встряхнул солдата так, что у того лязгнули зубы.

— Я... я...

— Расскажу,— вызвался Брагин, выходя из темного угла на свободный пятачок перед самой дверью.—

Видишь, с испуга у него язык отнялся. Говорить, что ли?

— Давай! — разрешил Николай.— А вы все, товарищи, слушайте!

— Взяли нас под Ключами,— начал Брагин.— Всем отделением взяли. Когда немцы пустили танки, решил я своих ребят во фланг вывести, чтобы, значит, автоматчиков от машин отсечь. Все рассчитал, все учел. Пулемет должен был выдвинуться чуть левее танковой цепи, в неглубокую лощинку. Уж очень хороший обстрел оттуда. Только не знал я, что в руках этого негодяя,— Брагин презрительно кивнул на Способина, сникшего в могучих руках Николая, и сплюнул,— глохнет любое доброе дело. И не отказывался, паразит, в засаду пойти. Согласился даже без напарника в лощину пробраться. Просочились мы во фланг немчуре, залегли, ждем, когда цепь автоматчиков на линию огня выйдет. Автоматчики полегоньку трусят за танками. Сто метров, значит, восемьдесят, пятьдесят... Надо огонь открывать, самое время. Я сигнал ракетой подал. А пулемет молчит! Я — второй. Молчит. Пришлось послать в лощинку Васильева. Приполз он обратно и докладывает: «Нет в лощинке Способина. Сбежал, паразит, и пулемет прихватил». Остались у нас четыре винтовки, автомат да гранат штук десять на пятерых. Прикинули мы, как из беды выкрутиться. Решили занять дзот на краю оврага, пропустить немцев вперед и ударить в спины. Только обтекли они нас с обеих сторон. К вечеру, слышим, стрельба поутихла: отступили наши. Тогда в дзот к нам сержант пробрался,— Брагин посмотрел на Великанова.— Обрисовал он всю обстановку, как есть. «Драться надо, ребята,— говорит,— до последнего патрона. К утру, глядишь, и наши подоспеют». Согласились мы, распределили боеприпасы. И тут, откуда он взялся, снаряд тяжелый прямо в перекрытие дзота угодил. Оглушило всех... Очухались в плену. Если бы не эта шкура, отбили бы мы спервоначала немецкую атаку честь по чести.

Брагин замолчал. У Николая появилось желание поднять над головой тщедушного Способина и грохнуть об пол. Он с трудом сдерживал себя. Кто-то выкрикнул:

— Судить Иуду! Судить солдатским нашим судом!

— По роже видно, что за гусь. Отца родного продаст. Шлепнуть его — и вся недолга.

— Шлепнуть!

— Валяй, старший сержант! Нечего цацкаться!

И приговор этот был бы приведен в исполнение. Но тут внезапно в перестук колес вплелись звуки отдаленных взрывов. Они приближались. Поезд резко затормозил, остановился. Послышались выстрелы, застрочили зенитные пулеметы, часто и зло затявкали скорострельные пушки. Великанова словно магнитом притянуло к люку. Он прижался лицом к ржавой колючей проволоке. На шоссе горели танки. Сбившись в кучу, они не могли развернуться: им мешало слева высокое полотно железной дороги, а справа глубокий ров. Автоматчики вываливались из бронетранспортеров и разбегались по воронкам. Вагон содрогнулся от близкого взрыва.

— Наши! — выкрикнул Великанов.— Товарищи, наши штурмовики!

Николай, обрадованный, разжал пальцы. Способин вьюном скользнул под нары. В это время постучали снаружи в обшивку вагона. Заскрежетали засовы, заскрипели, завизжали ржавые ролики. Дверь сдвинулась на сторону. В узком проеме показалась наскоро перехваченная бинтом голова. Задорно подмигнув карим глазом ошеломленным пленникам, она проговорила с хрипотцой:

— Живей, братки! Охрана разбежалась! Не толкитесь попусту!

Способин вынырнул из-под нар, выскочил на полотно и ринулся сломя голову напрямик к стогам, что возвышались на лугу, у речки. Втянув голову в плечи, он петлял по пашне. Автоматчики, укрывшиеся в придорожной канаве, срезали его короткими очередями почти у самой речки.

Полянский и Великанов держались близ Соколова. Майор, как только ноги его коснулись полотна, скомандовал:

— Под вагон! Не мешкать!

Массивные колеса служили надежной защитой от шальных пуль и осколков. Прячась за ними, беглецы смотрели, как работают Илы. Охваченную паникой вражескую мотоколонну штурмовики прочесывали

уверенно и дружно. С разворота ведущая машина, как по линейке, устремлялась на цель. За ней, придерживаясь заданных интервалов, следовали остальные пять самолетов. Снаряды авиационных пушек, казалось, вспарывали землю. Пулеметный огонь срезал, будто косой косил густой бурьян, в котором прятались немцы. Они лопатками, штыками, касками, а то и просто руками лихорадочно ковыряли твердую глинистую землю, наскоро сооружая для себя укрытия.

Самолеты, описав круг, вышли на второй заход. Соколов кивком показал спутникам направление, выбросился из-под вагона и скатился с насыпи. Перепрыгивая рытвины, свежие, еще не заполненные водой воронки, окопчики, все трое стремглав помчались к опушке леса.

И вот над головами уже шелестят приветливо лапчатые ветки елок, уже приятно похрустывает под ногами жухлая, пожелтевшая прошлогодняя хвоя, усеянная шишками. Тишина. Покой. А позади все еще басовито гудят моторы штурмовиков, все еще трескуче бьют пулеметы и громко ухают разрывы бомб. Но это позади. А здесь притихший лес.

Лес! Шумит он на ветру зелеными кронами, шумит безлюдный, свободный. И легко шагать меж замшелых дерев, приятно вдыхать полной грудью ядреный, пропитанный смолой и прелью воздух. Свобода! Это звезды над головой в ночную пору, это журчание родника, что, вырываясь из-под земли, дает начало ручью, который, прыгая по гладким галькам, бежит в неведомые края, это... Каждый по-своему понимает волю, но для всех она — желанна и дорога.

Соколов повел спутников на восток. Шли днем и ночью, устраивая короткие дневки.

Трое суток лесного марша промелькнули незаметно, а на четвертые небо покрылось низкими, осевшими чуть ли не до земли облаками. Вечером брызнул мелкий холодный дождь. Одежда тотчас промокла насквозь. Узкая тропка раскисла, подернулась тонкой скользкой пленкой. Ноги разъезжались по ней, как по льду. Беглецы скоро выбились из сил и шагали гуськом друг за другом, пошатываясь. Сказался, конечно, и голод. Все эти дни Соколов, Полянский и Великанов питались ягодами, грибами и древесной корой.

— Может быть, укроемся где-нибудь и переждем ненастье? — спросил майор, не оборачиваясь к спутникам: он шел впереди.

— Надо двигаться, товарищ майор. Как бы облаву немцы не устроили. Весь эшелон разбежался.

— Останавливаться нельзя,— поддержал Николая Борис Великанов.

К исходу ночи они утратили способность что-либо чувствовать и двигались как заведенные автоматы. Шаг, два, три... Чавкает под ногами жидкая грязь. Дождь сечет лица. Шаг, два, три... И вдруг — впереди голоса.

Соколов замер, будто окаменел. Прислушались.

— Тс-с-с... Люди,— майор старался говорить спокойно.— И двигаются они по тропе нам навстречу. Придется свернуть к болоту.

— Фрицы,— зловеще прошептал Николай, приподнимая над головой суковатую дубину.— Может, встретим?

— Ни в коем случае! За мной! — сурово приказал Соколов.

Прижимаясь к мокрой земле, они поползли к болоту. Стало жарко. Даже холодный дождь не освежал разгоряченных тел. Ныли колени и ладони, поцарапанные о корни, сучки и шишки. По-пластунски преодолев старую вырубку, беглецы спустились по глинистому склону к болоту и забрались в камыши.

— Дальше нет хода,— предупредил Николай, осмотревшись.— Дальше — трясина!

До утра просидели в болоте. А на рассвете, иззябшие в непроглядном тумане, который заполнил низину, выбрались из камышей и наткнулись на засаду: гитлеровцы, вероятно, выследили беглецов еще ночью. Два солдата навалились на Соколова и Великанова сзади и моментально скрутили их. Полянский незаметно присел за кустами, выбирая подходящий момент для нападения. Было бы немцев двое, он, не задумываясь, напал бы на них. Но на крик одного подошло еще несколько солдат. Плотным кольцом окружив пленных, они двинулись по тропе. И тогда Полянский, неуклюже подняв руки над взлохмаченной, мокрой головой, вышел на тропу и шагнул навстречу направленным на него автоматам.

Старший из немцев прокричал:

— Хальт!

Николай с усилием растянул в улыбке посиневшие от холода губы:

— К чему строгости,— проговорил он, сдерживая дрожь.— Добровольно в плен иду, а ты стращаешь... Сдаюсь я...

— Карош, рус!

— Рус, есть зер гут!

Немцы загалдели, разглядывая великана с поднятыми руками.

— То-то,— невозмутимо сказал Полянский, присоединяясь к товарищам.

Великанов отвернулся от него: поступок старшего сержанта он расценивал как малодушие. Николай покосился на хмурое лицо Бориса и пояснил:

— Вместе мы как-никак — сила, а в одиночку...— и, поймав предостерегающий жест Соколова, переключился на тон ханжи-нытика, пекущегося о своем здоровье: — Простуду бы не схлопотать. Сырость-то кругом. Как болотная кочка, насквозь влагой пропитался.

— Не печалься,— подчеркнуто сухо буркнул Великанов.— Выжмут из тебя всю влагу, а заодно и хворь вышибут.

Соколов промолчал.

КОГДА ОТСТУПАЕТ СМЕРТЬ

Тесный, сырой каземат. Холодный, ослизлый цементный со щербинами пол. Под потолком — окошко, похожее на амбразуру. Сумеречный вечерний свет с бледными отблесками багрянца едва просачивается оттуда и мутно-розовыми пятнами ложится на истертую в труху солому, на массивные с ровными рядами заклепок железные двери. За стеной справа слышатся глухие стоны. Слева — тоскливо пиликает губная гармошка, и в лад ей тонко подвывает собака.

Николаю не хотелось открывать глаза. Придя в себя, он все еще лежал неподвижно, раскинув широко

руки. Он и не пытался пошевельнуться, заранее зная, что боль непременно отзовется в каждом суставе...

«Как это было? — Даже мысли, казалось, причиняли Николаю боль, то появляясь изумительно четко, то мелькая, будто устремляясь за кем-то в погоню.— Прибыли мы на допрос... Где нас допрашивали?.. Просторная комната... Венские стулья... Сытая рожа с зелеными глазами. Комендант! Борис держался молодцом. Майор тоже. А я?.. Эх, стерпеть бы мне. Подумаешь — оплеуха. Зачем было хвататься за стул? Опять не рассчитал...»

Эсэсовец всеми правдами и неправдами пытался вырвать у них признание в том, что они партизаны. Он то бесновался, то льстил, то угрожал. Потом, будто сорвавшись с цепи, стал бегать и хлестать по лицам сначала Бориса Великанова, затем майора. Ну, а когда подскочил к Николаю и стукнул его кулаком, старший сержант не выдержал. Поднявшись во весь рост, он так взглянул на противника, что тот попятился к столу. А Николай, укрощая в себе гнев, что было силы стиснул спинку стула... и стул рассыпался на части. А потом — отделение конвоиров. Потные волосатые кулаки.

Холодные резиновые дубинки с утолщенными набалдашниками и этот карцер.

Николай сделал попытку приподняться. В голове сразу же зашумело, перед глазами поплыли круги, пронизанные яркими точками.

— Лежи, лежи,— донесся, словно издалека, голос.

— Боря? Борис!

— Лежи, Николай! Чудище ты, Коля,— зашептал Великанов.— Для фашистов жизнь человека — пустяк. Дернуло тебя.

— Уж больно гоношился офицерик! Да шут с ним, с офицериком! Ты, Борис, не заметил, куда Сарычева направили?

— Он, должно быть, в офицерском бараке.

— Тогда хорошо!

— Как знать?

— Точно, Борис! Водички бы, а?

Всю ночь Николай не спал от дикой головной боли. Борис, чтобы хоть немного смягчить его страдания, заставить забыться, рассказывал о родном городке,

что стоит на границе двух частей света — Европы и Азии.

— До смешного у нас доходит,— тихонько говорил он.— Дом, понимаешь, в Азии стоит, а колодец вырыт в Европе... Вот и путешествуем за водой из одной части света в другую...

Под утро, как только начало светать и из окошка повеяло сырой свежестью, дверь каземата со скрежетом и лязгом раскрылась, и в ней возникли темные фигуры.

Две с автоматами на изготовку застыли у порога, а третья, чуть пошатываясь, двинулась в глубь каземата, крича:

— Встать! Всем встать!

Это был помощник коменданта лагеря Ганс Юрген. Он подошел к распростертому на соломенной трухе Николаю и сильно пнул сапогом в бок.

— Встать, свинья!

Николай с трудом поднялся на ноги. Помощник коменданта едва доходил ему до плеча. Покачнувшись, Николай, чтобы не упасть, невольно протянул к немцу руку и тотчас же получил зуботычину.

— Выходи.

Ступая через силу, Николай вслед за Борисом направился к распахнутым дверям. А Юрген потешался:

— У русского плохое самочувствие? Вы есть майстер починять стулья. Я есть майстер делать из всех отбивная котлет! — и самодовольно покосился на молчаливых охранников: при них он не испытывал страха.— Но мы есть гуманны. Вы будете работать на Великую Германию.

— Держи карман шире,— процедил Борис.

— Шагай, шагай,— попросил Николай.— Мутит меня очень.

На улице ему стало полегче. Холодный ветер освежал воспаленное лицо. Привычно окинув взглядом дорогу, Николай отметил про себя, что выбраться из этого лагеря будет гораздо труднее, чем из пересыльного пункта в Городище. «Сколько проволоки понакрутили!»

Юрген, буркнув конвоирам что-то невнятное, повернул к дому с ярко освещенными окнами. А кон-

воиры, попетляв меж строений, нашли барак, вызвали старшего по караулу и сдали пленников.

И вот уже Борис и Николай медленно пробираются по узким проходам. Слева и справа — нары в три яруса. И ноги, ноги, ноги... В разбитых сапогах и рваных солдатских ботинках, обмотанные грязным тряпьем и совсем босые.

— Пахнет, как в...— Борис недоговорил.

— Новички? — донеслось вдруг сверху.— Место есть рядом.

«Майор!» — Николай с Борисом молча взобрались под самый потолок.

— Ну? — встретил их вопросом Соколов и полуобнял за плечи.

— Не скажу, чтобы очень...— Николай виновато улыбнулся.— Выдержка изменила.

— Вперед наука,— ворчливо заметил Борис.

...Дни, часы и минуты лагерной жизни можно было бы, пожалуй, сравнить с затяжным ненастным дождем, с его нудной, мелкой, серой капелью.

Можно было бы сравнить... Нет, это слишком слабое сравнение, когда на человека нацелен пулемет с караульной вышки.

Парные патрули снаружи и внутри ограды. Автоматчики у каждого из бараков, сторожевые псы в «свободном поиске».

В четыре утра на плацу звучал гонг. Нары в бараках оживали. Слышались надсадный кашель, ругань вполголоса, зубовный скрежет.

Потом пленники, толкаясь, бежали на «аппель» — утреннюю проверку. Еще не успевали они выстроиться в шеренгу, как из комендантской показывался Ганс Юрген с двумя неизменно сопровождавшими его автоматчиками. Юрген покрикивал на старост, поторапливал.

Наконец, лагерь замирал. Ганс Юрген, взобравшись на небольшое возвышение, к столбу, на котором висел гонг — кусок рельса, потряхивал рыжей гривой, перечислял номера узников и взглядом гуртовщика окидывал каждого, кто отвечал.

Неизвестно, для чего потребовалась немцам гранит-

ная крошка. Вывозить ее из каменоломен, где работали военнопленные, никто и никогда не вывозил, а установленную на человека норму требовали выполнять. Тех, кто не додавал хотя бы лопаты, лишали пайка, били, бросали в карцер и в конце концов увозили «в неизвестном направлении».

На обед полагалось всего двадцать минут. В каменный барьер въезжали несколько повозок с железными бочками из-под бензина. Старший надсмотрщик командовал: «На обед!» Военнопленные, не бросая лопат и ломов, выстраивались в длинную очередь, каждый к своей «кухне». От брюквенного супа за версту «разило» бензином, а от эрзац-хлеба кровоточили десны. И все же «обед» вливал какие-то силы в истощенных людей, согревал их.

Вечером Ганс Юрген устраивал «генеральную проверку». Военнопленные стояли в две шеренги лицом к лицу, а он, прохаживаясь между рядами, «интересовался» самочувствием наиболее ненавистных ему «упрямцев».

— Я буду делать вам быстрый дорога в рай! — хрипло лаял он, останавливаясь перед кем-нибудь из неукротимых.— Я есть ваш бог!

Помощник коменданта сразу же люто возненавидел Полянского. Он придирался к нему по пустякам, стараясь найти повод для наказания. Но Николай не подавал такого повода.

— Съест он тебя, Коля,— говорил Борис.— В каменоломнях автоматчики тоже стволы на тебя нацеливают.

— Подавится,— неизменно отвечал Николай.— Встану я ему костью поперек горла.

Но Юрген не унимался.

Соколов, Полянский и Великанов между тем изучили не только дорогу от лагеря до каменоломни, но и прилегающие к ней участки с кустарником, ложбинами и оврагами. При случае они бы, конечно, не заблудились и сумели сбить погоню со следа.

Соколов был уверен, что среди военнопленных должна существовать инициативная, ударная подпольная группа. Полковник Силин не раз рассказывал ему о том, что такие группы координировали действия не только отдельных лагерей, но и целых систем. При

этом полковник всегда говорил ему: «Тут, Петр Савельич, дело в характере наших людей. Не могут и не будут они сидеть сложа руки, когда Родине угрожает враг».

И Соколов стал нащупывать, стал искать пути, которые привели бы его к подпольщикам. Он поручил Полянскому и Великанову познакомиться с узниками из других бараков, постараться сблизиться с ними.

После вечерних поверок, рискуя быть схваченными, посланцы майора переходили из барака в барак. Наконец они попали в пятый.

Когда охранник замкнул двери и протопал вдоль глухой стены в сторону солдатской казармы, лежавший рядом с Николаем человек спросил:

— Ты, товарищ, откуда?

— Устал на работе,— отозвался Николай.— Неохота в дальний конец этого загона пробираться.

— И то верно,— согласился сосед.— Скоро будем в карьере спать с лопатами под головами. Сердце у меня обуглилось. Страху не стало, и жить больше нет желания... Мы, как смертники, только и разница, что не знаем, где и когда она, проклятая, навалится. Видно, за колючкой и придется концы отдать...

— Плохо говоришь,— перебил его кто-то.— Себя зачем хоронишь? Других зачем волнуешь?

— Конечно, о жизни приятней думать! — поддержали говорившего из глубины барака.— Жизнь включает в себя и борьбу со смертью.

«Кто-то вроде знакомый! — прислушался Николай.— Похоже, говорил так...»

— Поборись со смертью-то,— подхватил баритон с нижних нар.— Ну, поборешь ты ее, а дальше? Кто мы сейчас такие?

— Как кто? Солдаты. Военнопленные! — ответили сразу несколько голосов.

— Мы предатели. Докажи, как ты в плен попал? Ранило? Контузило? А может, ты — руки в гору и айда к немцам. Теперь вертись не вертись, кругом — «двадцать пять». Тут не убьют, так дома посадят.

— Эй, вития! — вдруг вклинился в эту речь знакомый Полянскому голос.— Откуда вы к нам пожаловали? Покажитесь-ка!

— Не кипятись. Задело, что предателем обозвал?

Так это не я тебя за предателя считаю, а там, в полку, дома... И тебя, и меня, и всех нас. Здесь мучаемся за колючкой, а есть выход,— говоривший помолчал, очевидно размышляя, и продолжил вкрадчиво: — Армия здесь формируется. Сколачивают ее патриоты русские... Тот, кто запишется, получит свободу. Не податься ли в нее, дружки?

— Обращаюсь к товарищам, кто находится рядом с этим витией! — гневно воскликнул тот же знакомый Полянскому голос.— Вытолкните нечестивца поганого в проход.

Внизу, в темноте, возникло движение, послышались глухие удары, раздался и сразу оборвался короткий вопль. По дощатому настилу к дверям кто-то пробежал. И сразу же в барак ворвались автоматчики. За их спинами бледным пятном маячила перепуганная физиономия.

— Всем лежать! Головами ко мне! — скомандовал старший.

По хмурым лицам заскользили лучи карманных фонарей. Солдаты, не задерживаясь, уверенно двинулись в глубь барака.

Возле железной печки остановились. Яркий сноп света вырвал из темноты и заплясал на лице одного из пленных. Крутой лоб, тонкий с горбинкой нос. Николай чуть не вскрикнул.

Это был Сальский!

— Он! Господин старший конвоя! — выкрикнул из-за вражьих спин провокатор.— Он!

Немец грубо стянул капитана с нар и толкнул к выходу.

Узнав о разоблачении провокатора-вербовщика, о неожиданной встрече с капитаном Сальским, о его аресте, Соколов еще и еще раз переспрашивал у Николая подробности. Значит, не капитан Сальский был агентом? Кто же тогда? Кто?

Соколов понял, что допустил непростительную ошибку. Постоянные шахматные встречи Сальского с Киреевым и запись их, довольно-таки убедительный рассказ перебежчика о шпионе, который использовал для передачи сведений шахматные термины и записи партий,— все это и направило поиски по ложному пути.

Многое Соколов пересмотрел, заново взвесил и

«принял к исполнению», как любил выражаться полковник Силин.

Фотография, оброненная нарочным оберста фон Штауберга во время схватки с Коробовым... На ней был и Сальский, и Киреев, и он, Соколов.

Враг — неизвестный фотограф! Он сообщил немецкой разведке, что Соколов охотится за ним, вернее не за ним, а Сальским, на которого удалось бросить тень подозрения: сообщил, что оба после вторичного боя за станцию Ключи не были обнаружены среди погибших и, возможно, находятся в каком-нибудь немецком лагере или лазарете для военнопленных.

Фотография — это раз! А вырванная из записной книжки Руттера страница? Ведь Сальский не держал книжку в руках! «Зря спешишь. Спешишь — смешишь — грешишь...» Мудрый старик Силин. Враг, значит, еще там, в дивизии.

Утром заключенных не погнали, как всегда, на каменоломню, а выстроили перед бараками. В центре лагеря поставили виселицу. На помост взошел Ганс Юрген. Отделение автоматчиков подвело Сальского. Николай вначале даже не узнал его. Бледное лицо капитана — в кровоподтеках и синяках, по левой щеке стекала кровь.

Показался комендант. Юрген скомандовал: «Стоять смирно!» Комендант развернул бумагу и начал громко читать:

— «За пропаганду против Великой Германии, за саботаж записи в «Российскую освободительную армию», за организацию побега с пересыльного пункта в Городище военнопленного номер тысяча сто семнадцать подвергнуть смертной казни через повешение»,— и уже от себя добавил: — Так мы будем поступать с каждым, кто оказывает сопротивление и не выполняет рекомендации нашего командования!

Он кивнул головой. Один из автоматчиков ловко завернул Сальскому руки за спину, заставил его взобраться на табурет и накинул ему на шею петлю. Приподнявшись на носках, капитан крикнул:

— Товарищи! Скажите в России, что капитан Сальский был ее верным сыном! Держитесь! Гоните немцев с земли русской! Лупите их, как громил тевтонских рыцарей в свое время Александр Невский...

Автоматчик пинком выбил из-под ног капитана табурет.

...На другой день Полянский сообщил Соколову, что в каменоломне, во время обеда, к нему подходил азербайджанец из пятого барака.

— Алиевым представился,— говорил Николай.— Начал о житье-бытье расспрашивать. Подбодрял. Советовал не вешать головы. Убеждал, что трудности под силу только коллективу с твердой верой и крепкой душой... Даже свою пословицу привел: «Один конь, дескать, на скачках — не скакун, один джигит в бою — не войско». И вами, товарищ майор, интересовался. Спросил, кто этот бородатый, со шрамами, и какое у него настроение?

— Хорошо,— ответил Соколов.— Я сам попытаюсь встретиться с Алиевым.

Знакомство произошло, когда майор насыпал в тачки гранитную крошку в дальнем углу карьера. К Соколову вместо Полянского и Великанова неожиданно подкатили свои тачки Алиев и худощавый, среднего роста блондин лет сорока. Майор, не показывая изумления, стал, как и раньше, совковой лопатой насыпать щебень в емкие короба.

— Зачем такой хороший человек сторонится других хороших людей? — заговорил Алиев: — Вай, вай...— он замолчал и быстро покатил тачку, так как из-за гранитных валунов появился автоматчик.

В течение дня майор о многом переговорил с Алиевым и блондином, который оказался начальником подпольного штаба, напарником азербайджанца по работе.

От них майор узнал позднее, что в лагере уже сколочена группа для побега, что подпольный штаб разработал детальный план: захватить казарму, заполучить оружие, сбить «кукушек» на караульных вышках, а выйдя из лагеря, соединиться с партизанским отрядом Лузина, действующим в ближайших лесах.

Начальник штаба рассказал и о Сальском.

— Горячий парень. До безрассудства. Как только появился, начал действовать на свой страх и риск. Недели за три до вас доставили его к нам. Поначалу мы пытались предостеречь его. Не принимал. Всем поведением подчеркивал презрение к немцам: видел в этом единственный метод воздействия на окружаю-

щих. Проповедовал воспитание личным примером. Настойчиво склонял к немедленному восстанию. Убеждал, что мы сумеем раздобыть оружие у охраны, если рискнем напасть на нее хотя бы по дороге в каменоломню. Он и роли расписал, и людей расставил... Мы вовремя остановили его. Суворовский завет: «Храбрость города берет!» — был для него первейшей заповедью.

Со слезами, белея от ярости, рассказывал он нам о том, как фотографировали его немцы, как листовку напечатали и к нашим забросили. В этой листовке называли они Сальского агентом, который якобы заслужил высшую воинскую награду Германии за разведывательную работу в штабе одной из русских дивизий. Короче, фрицы окрестили капитана своим шпионом.

А ведь мог парень воевать. Говорят, был кем-то в оперативном отделении стрелковой дивизии. Пошел на передний край проверить готовность пехоты к атаке и увлекся. Опять воспитание личным примером. А по должности не имел права вести людей в атаку.

...Подпольный штаб назначил Соколова командиром группы по охране организации. Через Полянского и Великанова майор подобрал в каждом бараке надежных ребят. И развернулась подготовка к групповому побегу. Правда, точный срок все еще не был установлен, но руководящее ядро приблизительно рассчитывало приурочить побег к сезону затяжных дождей.

— Это, конечно, самый благоприятный вариант,— соглашался Соколов.— Но как бы к этому времени нас не разбросали по разным лагерям. Надо сжать сроки. Готовиться быстро и без просчетов. Малейший промах даст повод немцам учинить над нами расправу.

Неожиданно замыслы Соколова круто изменились. В лагере появился Левченко, циничный, наглый, с ухарскими замашками. Устроившись в бараке, он поздно вечером, после работы, собрал военнопленных, небрежно распахнул темно-синий френч со следами споротых петлиц и, ударяя себя в грудь кулаком, стал бахвалиться тем, что по доброй воле перелетел на боевом самолете к фашистам.

— С начальством разругался,— объяснял он, кривя губы.— Каждый командует, а толку... Я теперь домой не рвусь, мне здесь тепло и сыро...

Выступления Левченко за Великую Германию не находили поддержки.

После того как однажды кто-то крепко тюкнул его по голове чем-то увесистым, Левченко умерил пыл и с коллективной обработки переключился на индивидуальную. Он стал приглядываться к окружавшим его людям, стараясь найти единомышленников. Мрачный майор с изуродованным лицом, всегда почему-то сторонившийся других пленных, привлек его внимание.

В тот день Соколов дежурил по лагерю: выносил мусор из бараков, подметал плац и дорожки, мыл полы в солдатской казарме. Случилось как-то так, что автоматчики оставили его один на один с Левченко. Тот, схватив Соколова за рукав гимнастерки, заговорил:

— И не осточертело тебе, майор, здесь пыль глотать и дерьмо хлебать. Не тошнит? А меня тошнит. Плюнь на все. Ты мне сразу по душе пришелся... Мы с тобой во взглядах сойдемся. Так, что ли? Хочу предложить дельце...— Левченко замялся.— Видишь ли, послали меня в лагерь не камни на песок переделывать, не брюквенную бурду есть и вшей кормить, а с заданием. Могу довериться, если трепаться не станешь.

— Говори.

— Дай слово, что смолчишь?

Учитывая очевидную важность сообщения, Соколов пробормотал неопределенно:

— Без честного слова промолчу.

— Верю, верю! — Левченко несколько раз оглянулся и вполголоса начал скороговоркой: — Я людей вербую в секретную школу. Пойдешь? Кормежка — что надо, в город выпускают... Пока учат, глядишь, и война кончится. Двоих уже сосватал. Соглашайся! Мне пятьсот марок выплатят. Пятьсот! Пропьем в каком-нибудь рижском ресторане, ну хотя бы в кафе «Рим». Музыка, девочки! Да и в самой школе — что на курорте. И место-то какое! Взморье! У нас иногда на отдых останавливаются, ой-ой-ой, какие... Армии, корпуса, дивизии в руках держат. Как? Согласен?

Вечером Соколов рассказал Николаю о предложении Левченко.

— Я должен туда попасть,— непреклонно заявил он.— Не отговаривай. Такой случай не повторится. Секретная школа — это не что иное, как колыбель

малого шпионажа. По долгу мы обязаны извлечь пользу из пребывания в плену.

— Но, товарищ командир, я тогда тоже вместе с вами завербуюсь. Едвоем...

— Нет, Николай.— Соколов помолчал, разглядывая добрыми глазами взволнованное лицо Полянского.— У тебя задача гораздо сложней и опасней. Ты, конечно, понимаешь, что такое связь для разведчика. Без связи я в этой школе — пустое место. Так вот, организация связи лежит на тебе. Вольнонаемный пекарь из Лужичей сообщил фельдшеру Вагнеру, а тот передал Алиеву, что в этом районе действует партизанский отряд Лузина. Побег подготовлен отлично. За успешный исход его я не опасаюсь. Вы с Борисом должны во что бы то ни стало вырваться из лагеря, разыскать партизан, сообщить о моих действиях Силину и наладить затем связь со мной.

— Трудновато, товарищ командир! — проговорил Николай.— И вам в этой школе кисло придется.

— Понимаю. Но, думаю, что будь на моем месте Силин, он принял бы точно такое же решение. Надо, Николай, а про себя подумал: «Армии, корпуса, дивизии в руках держат... Значит, отдыхают шпионы безбоязненно в этой секретной школе. Не там ли ниточка, которая приведет и к агенту, замаскировавшемуся в дивизии Бурова?» — По словам Левченко, мы уедем из лагеря утром. Если он не врет, секретная школа размещается в Вецаки. Силину сообщи о том, что я принял версию Сарычева-двойника. Будет возможность посещать рижские рестораны. Я наметил кафе «Рим». «Рим». Запомнил? Пароль: «Как здоровье?» Отзыв: «Начинаю поправляться!» Скажи Алиеву, чтобы не беспокоился, он поймет... Сдублируй это мое решение с Борисом. На... на всякий пожарный... Ну, а сейчас, Николай, поцелуемся на прощание и спать, спать!

МАСКА, С КОТОРОЙ НЕЛЬЗЯ РАССТАТЬСЯ

Соколов, Остапенко и Ухов, завербованные Левченко в лагере, прибыли в Ригу поздним вечером. «Добровольцев» встретил какой-то штатский с заспанным

серым лицом. Он приказал конвою разместить новеньких поодиночке.

Майору отвели в каменном полуподвале сырую без окон комнату с голыми обшарпанными стенами. В комнате пахло плесенью и мышами. По углам висела паутина. Под потолком тускло светилась, покрытая слоем пыли электрическая лампочка «Первый шаг сделан,— думал Соколов, присев на краешек койки.— Чтобы уверенно чувствовать себя среди врагов, я должен год за годом восстановить в памяти мельчайшие подробности и даже интимные детали из жизни Сарычевых. Будет проверка и здесь, и по линии агентуры. Эх, Колька, Колька! При жизни не раз ты давал мне дельные советы. А теперь что сказал бы ты? Ты бы не обиделся, что спарил я тебя с однофамильцем, которого ты всегда презирал. И еще ты бы, Колька, сказал: «Утро вечера мудренее!»

Он разделся, повесил выцветшую гимнастерку и потрепанные галифе на спинку койки, подоткнул твердую, как мешок с песком, подушку и забрался под одеяло.

Рано утром пришли немцы. Они удивились спокойствию русского, который безмятежно спал. Даже от бесцеремонного толчка он не вскочил, а спокойно встал, заправил койку и жестами объяснил, что хочет умыться.

— Шнель! Надо быстро!

— Хорошо.

Работник разведывательного управления расспрашивал майора Соколова о службе в Красной Армии, о причинах, побудивших его согласиться на сотрудничание с германскими властями.

— Я — поклонник силы,— ответил Соколов.— Сильный всегда вызывает во мне чувство глубочайшего уважения и, если хотите, преклонения.

Неслышно в кабинет вошел человек в гражданской одежде и сел у камина, позади майора.

В конце беседы штатский, скрипя лакированными туфлями, приблизился к столу и пристально посмотрел Соколову в лицо.

— Гут! — сказал он после затяжной паузы.— Мы отправим вас по назначению,— и добавил: — С таким лицом можно ходить без оружия. Маска — экстра!

Пустынный двор особняка, где размещалось управление, был обнесен каменной стеной и вымощен брусчаткой, отполированной временем. Узорчатые чугунные ворота, пропуская редкие машины, щелкали железными зубьями фигурных запоров. У проходной с островерхой, как у часовни, крышей стоял грузовик. Короб его был окрашен в черный цвет. Неширокие двери короба, маленькие квадратные окна — по одному с каждой стороны — подчеркивали прямое назначение машины. Это была тюремная «черная Берта». К ней и направился Соколов.

Из проходной навстречу майору вышел автоматчик в коричневой форме. Пилотка была небрежно сдвинута на ухо, на груди висел автомат. Немец, не отрывая настороженного взгляда от просторной лестницы парадного крыльца, приблизился к Соколову, потом скривился вдруг и закричал по-русски:

— В кузов! Живо!

У центрального входа в управление появился дородный офицер в небрежно расстегнутом френче. Раскачиваясь на толстых ногах, он с неприязнью смотрел и на солдата, и на Соколова.

— Стойте! — потребовал он по-русски.— Я говорю это вам, идущий к машине!

Майор остановился. Офицер (по знакам различия оберст), грузно ступая, приблизился к Соколову и, раскручивая на украшенном перстнями пальце ключ от автомобиля, спросил хрипло:

— Славянин?

— Да, русский.

— Висельник!

Оберст с нескрываемым любопытством ожидал, как будет воспринято его заявление. Но изборожденное шрамами, бородатое лицо военнопленного не изменилось. Коричневые со светлым оттенком глаза смотрели спокойно и твердо.

— Для этого вам не стоило привозить меня из лагеря.

— Где вас так разукрасили? — проговорил оберст уже более миролюбиво: он уважал смелых людей.

— На войне.

— Вы не многословны. А точнее?

— Я только что дал подробные объяснения.

Оберст, изумленный бесстрашием и достоинством русского, отошел на шаг, осмотрел его с ног до головы и проговорил:

— Мне вы нравитесь. Едете в школу?

— Не знаю...

— Зато знаю я! Передайте привет от фон Штауберга гауптману, начальнику этой школы. Вы познакомитесь с ним,— оберст круто повернулся и стал подниматься по ступеням.

«Фон Штауберг! Так вот, оказывается, с кем довелось встретиться. Это не кайзеровец, но что-то общее роднит его с тем, который впервые показал мне и Кольке Сарычеву прелесть «высокой германской цивилизации». А гауптман? Не тот ли, что навестил нас на пересыльном пункте в Городище? Неужели через несколько минут состоится еще одна встреча?»

Зарешеченная дверка «черной Берты» приоткрылась. Показалось вытянутое бледное лицо Левченко.

— Сюда, Сарычев,— зашипел он,— давай от греха подальше!

— Мне нечего бояться.

— Ш-ш-ш...— Левченко приложил палец к губам и моментально скрылся в коробе. Майор забрался в кузов, сел на деревянную скамью, укрепленную вдоль борта.

Левченко сбивчиво объяснил:

— Перепутать, Сарычев, могут. Схватят, посадят, припишут что-нибудь, а потом доказывай, что ты не верблюд. Признаться, Сарычев, собачья жизнь. Я, приезжая сюда, стараюсь по возможности на глаза никому не попадаться, в машине отсиживаюсь.

— Что так?

— Спокойней. И основания есть... Видишь ли... Мухтаркина у нас как-то по ошибке расстреляли. Вылез он размяться, а по двору партизан проводили... Ну и его заодно...— он достал из кармана плоскую флягу. Послышалось бульканье. Запахло спиртом.— Выпить хочешь? Зря, помогает... И верно, тебе нельзя: начальству представляться надо. Начальник у нас новый — гауптман. Фигура! Говорят, в Англии шпионил. Деликатные поручения на русском фронте выполнял. Кресты имеет. Да вот за что-то... Но молчок...

В кабину забрался сопровождающий. Чугунные

ворота словно нехотя, со скрежетом растворились. Взревел мотор. «Черная Берта», включив сирену, помчалась по улицам. Мелькали светлые двух-, трех- и четырехэтажные дома под красными черепичными крышами. За Даугавой виднелись серые угрюмые здания с башенками и остроконечными шпилями: старый город сохранял средневековый облик.

Соколов любил этот город у Балтийского моря, полноводную Даугаву, парки, сады, скверы по ее берегам. «Черная Берта» миновала центр. Остались позади пригород, Киш-озеро. Шоссе вело на север. Слева, за дюнами, плескались волны залива. Но и они вскоре скрылись за стройными соснами с необычной расцветкой стволов, красноватой. Показались дома.

— Ну вот и Вецаки! — сообщил Левченко.— Те самые, о которых я говорил. Школа в двух местах располагается. Здесь, на побережье, и в Балдоне, в сорока километрах южнее города. Здесь, в Вецаки, имеется три группы. Первая — саботажная. В ней готовят диверсантов, которых затем забрасывают в тылы Красной Армии с заданием подрывать мосты и железнодорожное полотно, пускать под откос поезда. Во второй группе готовят людей для борьбы с партизанами. Прошедших специальный курс направляют в облавы и на охрану сел и деревень на оккупированной немцами территории. В третьей группе обучают радистов, которые умели бы не только держать связь, но вместе с этим зашифровывать, расшифровывать и передавать секретные донесения. Этих людей придают группам диверсантов и отрядов по борьбе с партизанами. В Балдоне собраны настоящие подонки, поэтому там и более свободный режим. Обучают в Балдоне саботажников-диверсантов...

Машина остановилась. Из будки вышел солдат, переговорил с сопровождающим, заглянул в короб и не спеша скрылся в дежурке.

Во дворе, спрыгнув на песчаную площадку, Соколов, разминая затекшие ноги, несколько раз присел на месте, готовясь к тому, что вот-вот появится «знакомый по лазарету» нарочный фон Штауберга, поднимет руку и выкрикнет: «Взять! Это русский разведчик!»

На случай провала мысль уже подсказывала выход: «Рядом конвойный. У него выхвачу автомат и, отстре-

ливаясь, отойду к оврагу, в сторону кустарников. Там переберусь через забор... А пока ничем не выдавать волнения...» Майор бегло оглядел широкий двор, здания, пристройки. К машине подошел офицер со стеком в руке. Остановился прямо перед прибывшими и, беззастенчиво разглядывая Соколова, сказал:

— Вы напоминаете мне героя одного из произведений Виктора Гюго.

— Он очень похож на него, господин гауптман,— с готовностью вставил Левченко.— Только тот без бороды. А улыбка — та самая...

— Где вы были ранены? — спросил гауптман, игнорируя реплику Левченко.

— Под Курском, в мае.

— Под Курском?

— Командовал артиллерийским дивизионом восемьдесят четвертого артполка, приданного стрелковой дивизии.

— Командир дивизии?

— Генерал Буров, кажется. Я не интересовался командиром стрелковой дивизии: для этого существуют командиры полков, а я командовал всего лишь дивизионом.

— Вашим полком командовал, не помните кто? — в тоне гауптмана сквозило не только любопытство.

— Полковник Любимов. На все вопросы я уже дал исчерпывающие ответы. Ваше командование направило меня в распоряжение гауптмана.

— Очень приятно! Гауптман Крафт — это я!

— Оберст фон Штауберг просил передать вам привет. Пользуюсь случаем и передаю.

— Благо-да-р-ю... Вы были когда-нибудь в Германии?

— Не был.

— А я побывал кое-где... Где вы жили до войны?

— В Пелуге, на одном из притоков Волги,— сказав это, Соколов сразу же представил себе затерявшийся в зелени яблоневых садов городок, где он гостил у Николая Сарычева.— Приток тоже называется Пелуга. Небольшой городок районного масштаба. Заводов нет, а вот фруктов много...

И майор как бы ощутил прохладный ветерок с реки, разлившейся по лесам левого берега.

— Знаю и такой город,— Крафт повернулся на каблуках,— Левченко, проводите его в шестую комнату. Передайте Пактусу, чтобы оформил прибытие.

Размахивая стеком, Крафт зашагал прочь. Мимо Соколова прошмыгнул невысокий пожилой мужчина. Маленькие глазки, словно два буравчика, посверкивали под редкими бровями. Улыбнувшись слащаво, он спросил:

— В шестую? Веди, веди.

— Кто это? — поинтересовался Соколов.

— Премерзкий тип! — Левченко сплюнул.— Денщик начальника школы Горбачев. В июне сорок первого был призван, сразу перешел к немцам...

...В бархатной темноте неба звезды будто огоньки сигнальных фонарей самолета. Шелестит ветер в листве раскидистого клена. Ветви постукивают робко.

В помещении темно и тихо. Соколов было задремал, но внятный шепоток за тонкой переборкой насторожил его.

— Сосед наш уснул? — проговорил первый голос.— Ты хотел мне что-то сказать?

— А коли не спит,— отозвался второй.— Подождем еще.

— Дрыхнет без задних ног. И стена как-никак. Давай!

— Я, Темкин, о возвращении домой подумываю. Ведь придется нам когда-нибудь до дому подаваться. Пожалуем в родные места, а нам: «Что вы, други, сделали для победы?»

— Победят-то немцы.

— Дьявол их разберет кто. Только надо нам с тобой подумать о том, что сможем сделать мы здесь для Красной Армии...

В шестую к Соколову кто-то вошел. Голоса за стенкой смолкли. Налетев впотьмах на стул, поздний посетитель принялся шарить выключатель. Скребся он долго, безрезультатно, в конце концов грязно выругался и крикнул:

— Сарычев! В комендатуру! Слышь, Сарычев! Проснись, вызывают!

В заставленной столами и шкафами комнате центрального здания сидел напыщенный немец и с деловым видом перекладывал с места на место бумаги. Не приглашая сесть, он начал задавать майору вопросы.

Его интересовало все — отношение «господина Сарычева» к гитлеровскому режиму, к частной собственности, к религии...

Соколов отвечал осторожно.

— Вот бланки, бумага. Вот перо! — проговорил немец.— Все, что рассказали,— напишите!

Майор долго заполнял анкеты, сочинял пространное объяснение-обязательство «служить Великой Германии, фюреру».

Немец прочитал заполненные вопросники. Одобрительно гмыкнул и, пощелкивая дыроколом, старательно подшил документы.

В окне замаячила физиономия подвыпившего Левченко. Он посигналил майору измятой кепкой, а когда тот вышел, спросил покровительственно:

— Готово? Значит, пьем?

Соколов отрицательно покачал головой:

— Не освободился еще. Помощник начальника школы приказал подождать.

Левченко, привстав на завалину, вновь заглянул в окно канцелярии и сообщил небрежно:

— Формальность! В картотеку тебя Пактус заносит. Сейчас...

И, действительно, Пактус окликнул:

— Господин Сарычев,— и, поднявшись навстречу, произнес: — Господин Сарычев! Теперь фамилии вам не потребуется. Ее заменит номер двести пятьдесят шесть. Фюрер щедр на награды, но за измену карает жестоко. От него не укрыться никому, нигде и никогда! Мы будем знать каждый ваш шаг, будем наблюдать за вами даже в России, куда вы попадете вскоре. Запомните это... Итак, вы есть солдат фюрера!

Во дворе Левченко подхватил Соколова под руку и, дыша ему в лицо винным перегаром, проговорил:

— Ничего, Сарычев, жить будем! Водка, девочки... В Ригу смотаемся! Ха-а-роший город! Верь мне, господин двести пятьдесят шестой. Ха-ха!

ПАРТИЗАНСКИЕ ТРОПЫ

Автоматная очередь настигла Бориса Великанова в кустах, на краю глубокой болотистой балки. Погоня, неотступно следовавшая за беглецами от самого лагеря, значительно поотстала и открыла пальбу по темным кустарникам. Постреляли гитлеровцы так просто, чтобы перед комендантом отчитаться, постреляли и повернули обратно восвояси. Но одной из беспорядочных, неприцельных очередей был смертельно ранен Борис. Не застонав, упал он на землю. Николай склонился над товарищем.

— Что с тобой?

— Грудь обожгло,— задыхаясь, проговорил Борис.— Горит огнем. Коля, у меня... Листки со стихами... Стихи... Возьмешь?

— Что ты, Борис! Что ты! — торопливо заговорил Николай, чувствуя, что случилось что-то страшное.— Ведь мы с тобой на свободе. Слышишь? На свободе, Боря!

Великанов молчал.

— Борис, Боря! — Николай еще ниже склонился над распростертым товарищем и ощупью исследовал раны. Их было три — три раны от автоматных пуль, пробивших грудь навылет.— Боря, может, воды хочешь? Хочешь? В овраге ручей. Я схожу, принесу...

Николай оторвал от своей нижней рубашки широкую полосу, перевязал раненого и бережно поднял на руки. До рассвета нес он его, уходя все дальше и дальше от лагеря. Возле мутного ручья остановился и осторожно положил друга на влажную траву. Смочил в ручье тряпку, сделал Борису компресс на горячий потный лоб. Великанов пришел в сознание, взглянул печальными глазами и, опять впав в забытье, слабым голосом начал читать стихи.

Да, да, стихи! В эти считанные минуты он, прижимая руками к простреленной груди грязную, перепачканную глиной гимнастерку, изорванную при побеге о колючую проволоку, декламировал:

Сквозь колючие заграждения
Ветер снова весну пронес,
И запахли над полем сражения
Голубые побеги берез...

Это жутко, когда обреченный на смерть человек читает стихи. Тогда с особой полнотой чувствуешь страсть и пламень стихотворного живого слова. Если бы на Николая, на одного, полз сейчас немецкий танк, пусть два, да хоть десять! — он не дрожал бы от душевного озноба. А вот слова, напевные слова лирического стихотворения, свистящим шепотком срывающиеся с уже холодеющих губ друга, обжигали будто морозом:

...В этой смолке порою чудится,
Словно я сейчас не в бою,
А широкой свердловской улицей
Провожаю подругу свою...

— Боря!

Великанов не ответил...

Пренебрегая опасностью, Николай долго бродил по балке, отыскивая товарищу место для могилы. Заметив в орешнике неглубокий ровик, вымытый вешними водами, перенес в него тело друга, прикрыл гимнастеркой лицо, закопал и понурил голову над едва приметным холмом.

«Боря, Боря! Сколько лагерных ночей провели мы вместе. Ты знал обо мне все, что мог знать самый дорогой друг. Я делился с тобой самым тайным. А когда майор ушел выполнять особое задание, мы с тобой не отчаивались, а готовились к побегу упорно и зло. Ты, Боря, сдерживал меня не раз от необдуманных поступков. Разве забуду я когда-нибудь, как согревали мы друг друга, обнявшись на дощатых нарах, как выходили рыть подкоп, как выносили в котелках и рассыпали под нарами вырытую за ночь землю... И вот многие ушли из лагеря живыми и невредимыми, а тебя нет!»

Белесый туман лохмотьями полз из ложбины, редел, рассеивался. Закраины облаков посветлели. Вот-вот должно было показаться солнце. Ездовой, направлявшийся из лагеря в село, увидел на лысом холме, в густосизой пелене тумана призрачный силуэт человека. Гигант стоял, опустив голову. Потом он повернулся в сторону концлагеря и потряс огромным кулачищем. По одежде, лохмотьями висевшей на нем,— по всему

угадывался беглец. Ездовой, забыв о винтовке, подстегнул пегого конька. Телега с высокими колесами лихо затарахтела под уклон. На повороте немец еще раз оглянулся, но великана на холме уже не было.

Напролом шагал Николай по лесу. Шагал словно одержимый, спотыкался об узловатые корни деревьев, обгорелые пни, бурелом, падал, поднимался и снова шагал. Он все еще видел перед собой восковое, почти прозрачное лицо Бориса, крепко сомкнутые веки.

А лес густел, дремучел. Сухие взгорки чередовались с болотинами. Заросшие тонким березняком, они были зыбки. Под ласковой бархатистой зеленью сочной травы — трясина. Камыши в рост человека. Сваленный бурей мелкий ельник.

На одном из увалов вконец обессиленный Николай рухнул на землю.

И вдруг будто электрический ток пробежал по телу: за спиной у него хрустнула ветка. Он вскочил, обернулся. Из-за толстой ели, до земли опустившей густые с космами мха-бородача корявые ветви, выглядывал парень в комбинезоне. В руках его поблескивал пистолет. Николай хотел было броситься в чащу. Но парень в комбинезоне разгадал его намерение и прицелился:

— Эй! Шевелиться не советую! Кто такой?

— Человек. Видишь сам,— Полянский выигрывал время. Если бы поближе валялся вот тот покрытый оранжевым лишайником валун или оказалась под рукой та вон изогнутая с ободранной берестой сушина, похожая на боевую палицу, тогда...

И он прыгнул к валежине, схватил ее обеими руками за шелковистый ствол, рванул кверху. Предательски треснув, гнилое дерево разломилось на части, обсыпав его трухой. Не глядя на противника, Николай опустился на землю, ожидая выстрела.

— Не вышло. А подходящая была оглобля,— парень за елью усмехнулся недобро и отвел в сторону густые колючие ветви, чтобы лучше разглядеть Николая.— В любом деле должен быть порядок. Никогда не спеши. Спрашиваю, кто такой? Впрочем, по обмундированию вижу, что не гитлеровский генерал. Куда путь держишь?

— В деревню,— безнадежно соврал Николай.— Она

тут недалеко, за лесом. Корова у меня второй день плутает.

— Ишь ты! — с издевкой произнес парень, опуская пистолет.— В таких местах бегемота только случаем разыскать можно. Они, говорят, жители болотные, грязцу любят. Не хочешь рассказывать — дело твое. Я вот, представь себе, тоже по грибы отправился, да заплутался...

— Бывает,— охотно согласился Николай.

— Ну, хватит! — строго проговорил парень.— Сила — вот она! — и ловко подкинул пистолет на ладони.— «ТТ». Пристрелян добротно. С пятидесяти шагов — десятка! Так что лучше веди себя смирно. Спрашиваю я, отвечаешь ты.

Николай теперь уже безо всякой боязни разглядывал противника. Это был парень лет девятнадцати-двадцати, коренастый, мускулистый, подвижный. Из-под желтого кожаного шлемофона выбилась прядь вьющихся каштановых волос. Эта прядь придавала курносому лицу какое-то уж слишком несерьезное, мальчишески озорное выражение — вот-вот, казалось, парень спрячет пистолет в карман и рассмеется звонко.

— Летчик? — определил Николай.

— Ангел! Врачеватель фашистских душ...

— Свой!..— Николай вскочил, но пистолет тотчас же взметнулся и уставился на него.— Стреляй! В лагере смерть обманул, так на тебя вот напоролся! Ну, да от руки своего и помирать, должно быть, легче. Стреляй!

— В концлагере, говоришь, был?

— А то где? — Николай встряхнул грязными лохмотьями.

— Конечно,— с некоторым сомнением проговорил парень, поглядывая на израненные опухшие ноги Полянского,— во дворце Геринга или там Риббентропа в таких штиблетах не ходят. И фрак у тебя того. Ты, приятель, не ершись, а расскажи о своих похождениях.

Летчик поверил Николаю. К тому же выяснились еще кое-какие подробности. Оказывается, он несколько раз бывал в дивизии генерала Бурова и знал некоторых командиров, упомянутых Полянским.

— А у меня,— с досадой объяснил пилот,— бензопровод у самолета перебило. Летел со специальным

заданием. Выполнил, повернул обратно — и, понимаешь, в зону попал. Зенитки, собаки, тявкали минут пять. Машину болтало из стороны в сторону, как пустую непривязанную бочку в кузове полуторки. Пришлось на брюхо садиться. Искалечил аппарат. Забрал бортпаек, поджег самолет, дал прощальный салют и в дорогу. Вторые сутки топаю по заданному маршруту. Давай знакомиться. Младший лейтенант Токарев.

— Старший сержант Полянский!

— Теперь устроим банкет в честь столь знаменательной встречи родственных войск,— Токарев спрятал пистолет в карман, а из другого достал сверток.— Здесь банка сгущенного молока, плитка шоколада и пачка галет.

Манерой держаться и шутить он был похож на Федотова. Николай сразу подметил это и, когда они уселись рядом на траве, рассказал о Демьяне.

— Погиб? Жаль. Нашей закалки был парень, летной,— Токарев помолчал, а потом сказал: — Дальше-то как шествовать? Хорошо бы раздобыть мне штатскую одежду, запастись провиантом. В гражданском-то мы как-нибудь проведем фрицев. На худой конец представимся злодеями, выпущенными из тюрьмы...

— А выйдет?

— Это уже от нас зависит. Могу тебя успокоить. В сорок первом я со своим штурманом по тылам немецким путешествовал. Над Брестом нас тогда подбили.

Тишину леса разбудили гулкие удары топора.

— Лесоруб? — Токарев прислушался, прикидывая на слух расстояние.— С километр, не больше. Пойдем? Пистолет у нас в исправности. Плюс твоя комплекция. Правда, немного тощеват, но кулаки...

Они углубились в чащу. Шли, стараясь не ступать на сучья, не шелестеть кустами. Топор звучал все громче.

На лесной вырубке стояла запряженная в телегу буланая лошаденка. Чуть поодаль, в тени разлапистой сосны, высокий старик в темной от пота рубахе колол дрова. Окладистая рыжая с седыми подпалинами борода веером лежала на его груди. Ровные поленья дед по-хозяйски складывал на телегу, а сучья бросал в кучу. Незнакомцам он не обрадовался: нахмурился,

помрачнел, отер с загорелого морщинистого лица пот и коротким взмахом воткнул в чурку топор.

Токарев смело подошел к старику. В сорок первом году, когда самолет Токарева был сбит над Брестом, летчик, плутая по вражеским тылам, убедился, что советские люди, попавшие в оккупацию, люто ненавидят захватчиков.

— Я летчик, папаша. А это товарищ мой, из концлагеря сбежал. Нам бы, папаша, до партизан добраться. Есть они поблизости?

Дед колебался. Из-под насупленных бровей настороженно и придирчиво, словно проникая в душу, на «пришлых» смотрели жесткие глаза.

— Вот что,— сказал Токарев.— Мне и ему,— он показал на присевшего возле телеги Николая,— ты можешь верить,— и расстегнул комбинезон (на гимнастерке виднелись боевые ордена), доставая из нагрудного кармана удостоверение.— Грамотный?

Старик долго, дотошно изучал документ и, подобрев, заговорил:

— Немцев и полицаев кругом полно. Гарнизоны ихние, почитай, в каждом селе стоят. Патрули по дорогам бродят. Вы без крайней нужды в деревни не наведывайтесь, в лесу хоронитесь. Путь наилучший здесь один. Минуете горелый ельник и возле кривой сосенки, что на отшибе у просеки стоит, на стежку натолкнетесь. По той стежке шагайте до развилки, сворачивайте влево, места пойдут дале тихие. А партизаны?.. Не оставляют они своих адресов.

Глухая тропинка, которую Токарев и Полянский разыскали без особого труда, вела на север. Ночью, когда небо заволокло тучами, они сбились с пути, попетляли и к утру вышли на железную дорогу. С обеих сторон к полотну подступал густой лес. Перебираясь через насыпь, неожиданно напоролись на немцев.

— Хенде хох!

Они повернули обратно. Сзади застрекотали автоматы. В предрассветном августовском небе вспыхнула ракета. Преследовать гитлеровцы не стали: опасались засады.

Только на следующую ночь беглецам удалось перейти железную дорогу на глухом участке.

— Отдохнем,— предложил Токарев.— Мы с тобой, Николай, нынче такой рывок сделали — марафонские чемпионы от зависти лопнут. Километров шестьдесят махнули.

— Пожалуй, около.

— «Около»! Эх ты, простота! Скромник! Да я по гудению собственных шасси всегда с точностью до метра определяю, сколько у меня на спидометре. Рекорд! Отдыхай! Скоро заря займется.

Полянский прилег на охапку травы и уснул. Он не слыхал даже, как Токарев встал и, оберегая его глубокий сон, присел чуть в сторонке, вслушиваясь в лесные шорохи.

Пробившись сквозь ветви, яркий луч солнца осветил скуластое, осунувшееся лицо Николая. Он вскочил, словно и не спал вовсе. Глянул на небо, на Токарева и ужаснулся:

— День?

— Утро, утро...

— Будить не захотел? Думаешь, измотался парень в лагерях, отощал, пусть поспит всласть, сил наберется. Я для себя из всей этой истории другой вывод сделал. Побывав у них в застенках, еще крепче стал. Теперь-то, верь не верь, все вынесу и мстить буду. Нет во мне больше ни жалости, ни слабости! А с тобой договоримся: раз вместе, то и трудности на двоих!

Сориентировавшись, они вновь двинулись на север. Густой ельник перемежался с частым ольховником. Иногда среди болотных топей попадались небольшие возвышенности, покрытые редким и чистым сосняком. В таких местах устраивали привалы. Николай по старой привычке охотника и пехотинца ложился на спину, закидывал руки за голову и, взгромоздив ноги повыше — на пень или ствол дерева,— отдыхал.

Токареву страшно хотелось курить. Он бродил поблизости, собирая сухие листья, траву, мох — все, что могло тлеть и дымить. Заготовив сырье, делал в земле углубление, укладывал в него «урожай», пристраивал в виде мундштука камышинку и брался за спички.

— Закурим? — каждый раз подначивал он Николая. Лицо его при этом было счастливым.— Букет по моему особому рецепту составлен. Вернемся домой, непременно возьму патент на изобретение. Заметь, на изобре-

тение неведомого миру душистого табака и подарю его ленинградской фабрике имени Урицкого!

Индейцы с меньшим благоговением разжигали огонь священного костра, чем Токарев трубку. С почтительностью подносил он бесцветный на солнце язычок пламени к трубке. Следовала затяжка и... сыпались невероятные проклятия, раздавался коклюшный кашель. Трубка и табак, окрещенные общим именем «Слезы Везувия», не оправдывали светлых надежд изобретателя.

Километр за километром Токарев и Полянский двигались по зыбким трясинам, щетинистым перелескам горбатых островков, что, словно спины китов, возвышались среди болот. Упорно разыскивали какой-нибудь партизанский отряд. Майор Соколов перед отъездом в диверсионную школу говорил, что в этом районе действует партизанский отряд Лузина. Дни проходили, а желанной встречи не было. Николай молчал, а Михаил высказывал вслух самые мрачные предположения:

— Не перепутал ты районы? Может быть, партизан и нет здесь вовсе?

— Здесь они действуют.

— Кто тебе говорил, что здесь?

— Тот, кто знает. Человек один.

— Пленный.

— Для таких людей, как тот человек, плена не бывает.

— Ну, коли так...

И опять лесное безмолвие и болотная жижа под ногами.

Двое суток пробирались глухоманью, обходили стороной деревни и хутора. Питались ягодами, грибами, древесной корой. От голода поташнивало. Николай решительно заявил, что надо зайти в первую попавшуюся на пути деревушку: «не помирать же с голодухи». Вскоре наткнулись на небольшой, наполовину выжженный немцами хутор и, дождавшись темноты, подкрались к ветхой скособоченной избе. Михаил постучал в раму, долго убеждал напуганную женщину, чтобы она открыла дверь, и в конце концов добился своего.

Избяное тепло подействовало на них, как хмель. Сытость тоже пьянила. Им захотелось спать. Так прямо растянуться на чисто выскобленном полу и заснуть,

ни о чем не заботясь, но кто знает, как и чем встретит их утро. Наскоро перекусив, они обменяли одежду. Токарев надежно припрятал документы, ордена. И снова вперед, в обход шоссе. Неширокую быструю речку преодолели вброд, подползли к мосту и у самого леса нарвались на патруль: пять автоматных стволов в упор.

В избе, куда доставили задержанных, было душно. Клубы табачного дыма вздымались под потолок. На широкой скамейке у окна понуро сидели люди.

Из-за дощатой перегородки выскочил полицейский офицер и замахал руками.

— А-а-а... Комиссар! Партизан! Коммунист! — кричал он зло.— Запоешь у меня Лазаря, запоешь!

Он бранился исступленно. Дело принимало серьезный оборот. Михаил украдкой провел ребром ладони себе по шее. «Капут!»

Офицер плюхнулся на стул под большим в рост портретом Гитлера.

Допрос начал с Николая (Михаила вывели в сени).

— Откуда?

— Заключенные мы. Немецкая армия освободила из тюрьмы. Потянуло к родным в Полоцк. Да и работу там найти легче.

— Перестаньте врать! С такими штучками,— он кивнул на пистолет,— заключенные не ходят. Говори правду. Где партизанский отряд?

У Николая вдруг появилось желание развернуться пошире и влепить в физиономию гитлеровца увесистую оплеуху. Терпение офицера истощилось, он вскочил, ударом сапога отшвырнул стул и начал волосатым кулаком выписывать перед носом Полянского всевозможные выкрутасы. «Ох, и угостил бы я тебя,— думал в это время Николай,— такую бы блямбу отпустил в рассрочку, как тому обер-лейтенанту».

Не добившись ни слова, офицер взялся за обработку Токарева. Допрос длился всего несколько минут. Даже из сеней Николаю были слышны крик, шум, удары. Дверь раскрылась. Появились раскрасневшийся Михаил и автоматчики.

Пленников вывели в огород, сунули в руки по лопате и показали на ряд свеженасыпанных холмиков.

— Ройте! Глубже. Как вы поете? — заметил один из конвоиров: — «Отряд коммунаров сражался...» Зем-

лю вы просили, я вам землю дал, а волю на небе ищите...

У Михаила затрепетало, забилось сердце. Немец и не подозревал, что именно о небе думал он сейчас. Небо, широкое, лазурное, ласкало яркими лучами летчика, копающего могилу, и звало, звало его в необъятные свои просторы.

Николай покосился в сторону автоматчиков.

— До трех, что ли? — спросил он громко.

— Давай! Все равно,— понял Михаил.

— Оставить разговоры!

Они поддели по лопате. Первая... вторая... третья... И вот лопаты, словно мечи, со свистом рассекли воздух и обрушились на головы конвоиров. Схватив автомат у повалившегося к его ногам немца, Николай щелкнул предохранителем.

— Забирай оружие! — крикнул от Токареву.

Справа у околицы вдруг застучал пулемет. Это был наш, русский «максим». Его басовитая скороговорка взбудоражила немцев. В селе поднялась суматоха. Воспользовавшись ею, друзья перемахнули прясло и устремились к лесу.

ПРИЕМЫ ОБЕРСТА ФОН ШТАУБЕРГА

— Матильда, вы должны узнать Сарычева поближе. Постарайтесь проникнуть в его замыслы, раскрыть его перед нами как на ладони,— говорил оберст фон Штауберг белокурой немке с миловидным лицом. Она сидела в удобном полужестком кресле, закинув нога на ногу, вздернув выше колен узкую с разрезом на боку юбку.

Фон Штауберг ловил себя на том, что любуется ее обворожительными ножками. Матильда была красива. Слегка удлиненное лицо с бархатистой кожей, миндалевидные глаза с темными ресницами, рот с трепетными, чуть подкрашенными губами, нравились даже ему, в подробностях знавшему биографию Матильды Фогель — хитрой и нахальной авантюристки. Душистая сигарета дымилась в тонких пальцах Матильды. Слу-

шая оберста, женщина иногда кивала головой, и белокурые локоны, искусно уложенные парикмахером, каждый раз ниспадали на высокий лоб.

— Майор Сарычев прибыл в школу Крафта две недели назад,— говорил фон Штауберг.— Агентура за линией фронта уже проверила его. Здесь он ведет себя безупречно во всех отношениях. Эта информация только для вас, фрейлен Фогель. И тоже только для вас, по всей вероятности, мы используем его не как обычного диверсанта. Люди в таких чинах очень дороги абверу. О Сарычеве знает адмирал. Мы с вами должны сделать все, чтобы заполучить этого майора, как говорят в России, с потрохами. Вы будете находиться в Риге. Постарайтесь без промедлений познакомиться с ним ну, скажем... скажем, в каком-нибудь ресторане, либо кафе. Я попрошу Крафта отпустить его в город, а Левченко приведет его в кафе... «Рим». Это его излюбленное место... Вы, я надеюсь, успешно справитесь с новой ролью,— оберст поднялся за столом.

Матильда продолжала дымить сигаретой.

— Есть какие-нибудь вопросы?

— Охота на этого русского потребует большего искусства, чем обольщение французского военного атташе. Оно, кстати, принесло славу не только мне, но и вам.— Матильда верила в свою счастливую звезду. Она была убеждена в силе женских чар, которым подвластны все мужчины. Разница, по ее мнению, заключалась лишь во времени: одни дольше противостоят женским чарам, другие поддаются им сразу. Обдумывая вопрос оберста, Матильда заботилась о том, чтобы в любом случае это обернулось для нее выгодой, принесло доход.— Не предстану же я перед этим русским нищей.

— Итак, Матильда... — резюмировал фон Штауберг.— Мы с вами обо всем договорились? А деньги? Я дал указание перечислить их на ваш счет в банке. Сарычева видели?

Фогель опять едва заметным кивком головы живописно разбросала локоны.

— У меня создалось впечатление, что русский майор — мужественный человек. Ужасные шрамы вовсе не безобразят его. До ранения он был видным мужчиной. Впрочем, он и сейчас превосходен. При взгляде на него

я вспомнила бесстрашных тевтонских рыцарей. Те тоже носили свои шрамы молча и с достоинством...

— Прошу прощения, Матильда...

Фон Штауберг вежливо проводил гостью до дверей, вернулся к столу и нажал кнопку звонка.

— Крафт информировал вас о своих делах? — спросил он у появившегося адъютанта.

Вопрос не был праздным. Оберст последнее время не выпускал из-под своей опеки диверсионную школу и ее начальника.

Гауптман Крафт стал слишком подозрителен. После провала в Англии, где он весьма неудачно пытался проникнуть на один из военных объектов, и конфуза во Франции, откуда его вынуждены были отозвать, Крафт оказался не у дел. Только заступничество фон Штауберга помогло ему отделаться переводом на Восточный фронт. С тех пор, как гауптман попал сюда, чувство страха преследовало его всюду. Крафту казалось, что за каждым шагом его кто-то пристально наблюдает, следит неотступно, настойчиво. Тайный страх будил гауптмана среди ночи, заставлял вздрагивать от малейшего шороха, озираться и даже в безобидной темной складке портьер видеть притаившегося врага. Страх толкал на самообслуживание — наливать в графин воду, присутствовать на кухне, когда готовили пищу.

Все это было известно фон Штаубергу, но он не собирался успокаивать гауптмана.

— Передайте Крафту,— сказал оберст адъютанту,— чтобы он осуществил по делу «Свой» очередной пункт.

Вечером Левченко пришел к Соколову и сообщил новость: начальник школы дал им увольнительные в Ригу.

— Я тебе говорил,— хохотнул он.— Со мной не пропадешь! Сегодня прокутим те пятьсот марок, которые я получил за особые заслуги. Тебя завербовал. Эх, закатимся в «Рим». Там и водка, и...— он прищелкнул пальцами.— Выберешь по вкусу. Мне удалось узнать, что ты прошел проверку...

— Вызвал начальник школы и сказал: «Господин Левченко, ваш подопечный — стоящий человек, ему

можно доверять. Вчера получена шифровка от агента...» — иронически начал было Соколов.

— Чудак! — оборвал его Левченко.— Разве о таких делах с Крафтом порассуждаешь. Да узнай он, что мне кое-кто шепнул о тебе...

— В карцер посадит?

— В карцер! Сказал тоже. Прислонит к стенке — и вся недолга.

— Ну?

— Был здесь преподаватель-радист. Любил, покойник, выпить. А как напивался, рассказывал о таком, отчего дух захватывало. Однажды сболтнул о шифровке, полученной от какого-то агента из-под Калуги. На другой день к стенке прислонили.

— Немец?

— Кто?

— Которого расстреляли?

— Чистопородный ариец.

— Крафт расстреливал?

— Нет, тогда его у нас еще не было. Но, по правде сказать, этот будет похлеще. За четыре недели пятерых, не моргнув глазом, на тот свет отправил.

— Что ты говоришь!

— Тс-с-с... Хочешь верь, хочешь нет, а так...— польщенный вниманием, Левченко развязал язык и начал сыпать историю за историей. И за каждой из них в определенном свете вставала зловещая фигура гауптмана.

— Как-то у нас на кухне пропало полдюжины картофелин,— рассказывал Левченко.— Горбачев разнюхал и доложил шефу. Для весомости от себя, мерзавец, добавил, что продукты кто-то для побега готовит. Вызвал меня Крафт и приказал разузнать, что к чему...— он пожевал губами: — Горло бы смочить. Подожди, я мигом! — Левченко вышел и вскоре появился с фляжкой и солеными помидорами в растопыренных пальцах.— Давай стакан!

Они выпили. Левченко сразу же налил себе еще. У него заблестели глаза, язык начал заплетаться, росло возбуждение.

— Ну, слушай, Сарычев, дальше... Подожди, на чем я остановился? Да, вспомнил. Крафт приказал разузнать, кто и зачем украл на кухне картошку. Принюх-

хался я к одной компании, втерся в доверие. Картошка была мифом Горбачева. Он сам, мерзавец, ее слопал. Но группа, в которую я вошел как свой, занималась делами похлеще. Оказывается, готовились они отсюда лыжи навострить. Ивушкин, старший, за день до вылета на задание устроил в комнате сходку. Понятно, и я был в числе приглашенных. Разработали план! И мне дали поручение: как только приблизимся к линии фронта, захватить управление самолетом, сесть на место пилота и приземлить машину на советской территории.

На том и порешили. Сам понимаешь, что вылет в намеченный срок не состоялся. По распоряжению гауптмана его откладывали со дня на день: шеф готовился «принимать парад». Как-то вечером вызвал он меня и сказал: «Завтра арестуем». Ловко он это обтяпал! — Левченко снова налил стакан: — Пей! На свете один раз живем. В рай попадешь, стопки не выпьешь! А дальше идет комедия с переодеваниями... Мне, знаешь, нравится людей держать в руках. Они раздумывают, надеются, стремятся к чему-то, а я их — хлоп! И ваши не пляшут. Да, я не досказал... Назавтра вывезли нас под предлогом опробования новых парашютов. Машина мчалась полным ходом. Ивушкин вдруг поворачивается и говорит:

«Ребята, нас не туда повезли...»

«Не может быть!»

А мы уже во дворе гестапо. Там такое началось. Даже я перепугался. Гестаповцы с пистолетами и дубинками окружили нас и погнали. «Шнель! Шнель!» И ты, знаешь, какая история получилась? Думал, мне капут будет: не разберутся фрицы, укокошат, как того Мухтаркина. Ну, про которого я тебе рассказывал. Посадили меня в одиночку. Самочувствие, скажу, хоть вешайся. Разные мысли в башку лезут. Над головой в оконце небо, перехваченное решеткой. А тоска, тоска такая... Видишь свободу, но ее не имеешь... Ты когда-нибудь сидел в тюрьме?

— Не приходилось. Вот в концлагере...

— Э, да что концлагерь по сравнению с тюрьмой. Юбилейный банкет! Из гестаповской тюрьмы путь в могилу. Ну, а раз не бывал там, не поймешь моего тогдашнего состояния.

— Трусил? — Соколов нашел слово побезобидней.

— Какое трусил! Потом исходил от ужаса. Ведь к делу-то я не причастен, выполнял задание. Сижу. Часовой по коридору вышагивает. Шаги гулкие, как в пустой церкви. Я хоть считался во всей этой истории лишней спицей, но боялся. Представь, видел я, как их били. Было поручено мне подслушивать ход каждого допроса и делать дополнения. Сидел в комнате следователя за ширмой. Их по одному вызывали. С зубовным скрежетом все пытки выносили.

Соколов не мог больше сдержать негодования. Не зная, как излить накопившуюся к провокатору и подлецу ненависть, он так стиснул граненый стакан, что толстое стекло хрупнуло и рассыпалось по столу.

— Что? — вздрогнул испуганно Левченко.

— Раскололся! Трещина, должно быть, была. Эх, жалко... разлилась водка.

— Да, ну ее! Бери другой стакан.

— Хватит здесь. Поедем в Ригу.

— Да, да! Только доскажу. Так вот, привели на допрос Ивушкина. Стоял он, как бог. Будто не его допрашивали, а он суд вершил. Все отрицал. Разговор у них протекал примерно так:

«Что ты хотел сделать с самолетом?»

«С каким?» — вроде бы удивился Ивушкин.

«С тем, который должен был отвезти вас на выполнение задания».

«Прилететь на место назначения и выброситься на парашютах».

«Что говорил группе перед вылетом?»

«Ничего особенного».

— Начали его тогда бить. Никогда я не думал, Сарычев, что человек способен без звука вынести такое. Два фельдфебеля, здоровяки, как борцы из цирка, обрабатывали его с полчаса — не меньше, а он хоть бы застонал. Я, могу побожиться, перенес тогда больше страха, чем Ивушкин. Чудилось, будто меня бьют. Три дня после этого я в лихорадке трясся.

— Расстреляли?

— Всех...— Левченко залпом выпил стакан водки и поднялся.— А я, — с жалкой улыбкой добавил он,— доверие у начальства заслужил.— Он не заметил, каким яростным огнем сверкнули глаза Соколова.

— А что с теми тремя, задумавшими побег,— спросил как бы между прочим Соколов,— с теми, о которых я доложил Крафту?

— Что ты! Ведь то здешние были. Тебя специально как новичка для предварительного прощупывания в шестую комнату поместили. Только об этом ни-ни... Ни слова. А то мне голову снимут, да и тебе не сдобровать. Ну, едем? Когда развлекаешься, обо всем забываешь...

До города их подбросила «черная Берта». Притормозила возле бульвара. Левченко взял Соколова под руку и повел по безлюдной улице.

В кафе «Рим» было шумно. За столиками гудели пьяные. На эстрадной площадке полураздетая девица исполняла какой-то дикий танец, сопровождая его визгливыми выкриками. Компания гитлеровских чиновников в такт пляске притоптывала громко каблуками, а один из них все порывался стащить девицу с эстрады.

Соколова и Левченко встретил у дверей официант, проводил к свободному столику.

— Чего изволите?

— Есть выпить?..— спросил Левченко.— Тогда бутылку чего-нибудь покрепче и по куску мяса... По отбивной...

Между столиков осторожно и боязливо пробиралась скромно одетая белокурая женщина. Один из офицеров предупредительно привстал, приглашая ее в свою компанию. Женщина робко опустила глаза и, как бы не заметив проявленной галантности, молча прошла мимо.

— Во — баба! — Левченко показал большой палец и уставился на незнакомку.— По всему видать, что нужда привела ее сюда.

А незнакомка приближалась к их столику.

— Разрешите? — это было сказано по-русски.

— Где вам будет угодно! — засуетился Левченко, поспешно придвигая стул.— Где понравится.

И сразу же сзади надвинулся офицер, оскорбленный невниманием блондинки. Раскачиваясь из стороны в

сторону, он посмотрел на Левченко посоловевшими глазами, грохнул по столу кулаком и крикнул:

— Вон отсюда, свинья!

Он размахнулся, Левченко хотел уклониться от удара, но с виду неповоротливый офицер учел его маневр. Звонкая оплеуха перекрыла шум голосов. Вокруг тотчас же собрались любители потасовок, заключая между собой пари, долго ли продержится русский.

В тот момент, когда Левченко поднялся с пола, несколько крепких молодчиков в форме гестапо подошли к разбушевавшемуся офицеру и, ни слова не говоря, вывели его из кафе.

— Редко так бывает, чтобы гестаповцы в драку вмешивались,— проговорил удивленно Левченко, поглаживая ладонью опухшую щеку.— Под счастливой звездой вы родились, мадам. Этот немец мог измолотить нас так, как вздумается, и без особых для него последствий. Простите, как ваше имя?

— Мария,— женщина слегка разрумянилась.

На эстраду поднялся изможденный, бледный артист и, гнусавя, запел:

Здесь под небом чужим я как
гость нежеланный.
Слышу крик журавлей, улетающих вдаль.
Сердце бьется сильней, мчатся птиц караваны,
И в родные края провожаю их я...

— Эта песня напоминает мне о родине...— слегка наклоняясь к Соколову, проговорила Мария.— В ней много тоски, хорошей грусти, сердцещипательная песня, не правда ли?

— Не в таком исполнении,— ответил сдержанно Соколов.

Официант принес вино, расставил закуски. Левченко наполнил бокалы и предложил тост за знакомство. Завязалась беседа. Мария отдавала Соколову явное предпочтение. Взглянув на него, она спросила:

— Где вы получили эти шрамы?

— Идет война,— ответил Соколов.

— Я понимаю. Мой вопрос вам не по душе. Но и меня война не помиловала.

— Вы были на фронте?

— Нет. Но война уже успела исковеркать мне жизнь. Я только закончила юридический институт и

по назначению приехала в Чернигов. Славный городок этот Чернигов — небольшой, но славный... Прогулки на лодке по Десне, зеленые бульвары, разбитые на месте крепостных валов... Я уважаю мужественных людей. Капитан Воронин, с которым я там познакомилась, тоже был смелым человеком.

— Почему «был»?

— Служил он в пограничных войсках и погиб в первые дни войны. Я получила похоронную...

Соколов сердито смотрел на пьяного Левченко, тянувшегося слюнявыми губами к руке женщины, а когда притязания того стали слишком назойливыми, не выдержал и сказал:

— Оставь!

Левченко хихикнул, заметив за дальним столиком разодетую накрашенную девицу, буркнул что-то и, пошатываясь, направился к ней.

В этот вечер Мария пробудила в Соколове сочувствие к своей судьбе. Она говорила о людях, об их невзгодах и несчастьях, вызванных войной. Ее жизненная драма была понятна майору, потерявшему во время бомбежки жену и сына. Далеко за полночь посетители стали расходиться. Мария, смущаясь, попросила проводить ее до старого города.

— Там улочки темные и ужасно узкие,— оправдывалась она,— много тупиков.

— Я готов,— согласился Соколов.— Левченко, проводим?

Втроем они шли по темным улицам. Левченко окончательно развезло. Он висел на руке Соколова и все время пытался запеть:

Па-аза-абыт па-аза-абро-ошен
С ма-а-аладых юных л-е-ет...

— Сарычев! Друг! Споем, а? Споем? Грянем какую-нибудь нашу, чтобы со слезой.

Я-а-а остался си-и-ирото-юу,
Счастья-доли-и мне-е не-е-ет...

У подъезда мрачного старинного здания Мария остановилась.

— Вот и мой дом. Спасибо. Всегда буду рада встретиться с вами.

— Не знаю, удастся ли, — усомнился Соколов.— Служба у меня. С утра и до вечера...

— Если вырветесь со службы,— сказала Мария,— то мы можем вновь встретиться. Я живу здесь, в семнадцатой квартире. Заходите.

Она махнула на прощание рукой и скрылась в подъезде.

— До встречи! Ну, Левченко! — встряхнул Соколов похрапывающего спутника.— Где машина?

— На-а у-улице Геринга,— еле ворочая языком, промычал тот.— Рейхсмар-р-ршала Гер-р-ринга.

«ВЕДЬ ТЫ НЕВИДИМКАМ СРОДНИ...»

Сосна, повергнутая наземь свирепым ветром, который недавно пронесся над бескрайними, заболоченными лесами вдоль границы между Латвией и Белоруссией, взметнула к небу гибкие узловатые корни. Казалось, в густом застоявшемся мраке извиваются щупальца гигантского спрута. Крепко держалось дерево в земле, крепко билось оно за жизнь. Но налетела буря, застонала под ударами ветра косматая островерхая крона и... Глубокую яму, оставленную в земле корнями, размоют дожди, затянет бурый суглинок. Сгниют и рассыплются ветви, ствол и корни. Пройдут годы, и на этом месте вырастет молодая, стройная сосна.

Это потом. А сейчас в яме укрылись на ночь двое. На мягкой подстилке из пахучих еловых лап они чувствовали себя как дома на перине. Михаил крепко спал, а Николай лежа следил за единственной звездой, что заглядывала в их укрытие сквозь переплетение корней.

Бессонница — союзник раздумий. И они прямотаки обуревали Полянского. «Николай, Николай,— говорил он сам себе,— взгляни на эту звезду. Знаешь ли, что сейчас, быть может, на нее смотрят дорогие тебе глаза? Конечно! Любуются они ею, вспоминают, тоскуют и ждут. Возможно, и майор где-то так же смот-

рит на нее, думает о том, удался ли побег, а если удался, то надеется, что выполнишь задание — разыщешь партизан и наладишь связь.

Красива ночная звезда. А вот Борис Великанов и Демьян Федотов никогда уж не увидят твоего блеска. Никогда!»

Рассвело. Николай разбудил Михаила: надо было двигаться в путь. Поблизости, в густых зарослях, просвистел дрозд, просвистел фальшиво.

— Чудно,— проговорил вполголоса Николай, беря автомат на изготовку.— Слышишь, дрозд фальшивит?

— Что дрозд — слышу, а что фальшивит — не улавливаю,— ответил шепотом Токарев.— Для меня все птицы на один голос поют.

— Медведь на ухо, значит, наступил? — сочувственно спросил Николай.— Бывает.

Справа от ямы раскинулось болото. Густые камыши склоняли на ветру продолговатые бархатистые бомбошки. Слева тянулась частая грива низкорослого можжевельника и елок. Николай высунулся из ямы по пояс и, придерживаясь рукой за один из гибких корней, внимательно осмотрел окрестности вблизи убежища. То, что увидел он в зарослях, заставило его поспешно нырнуть обратно: поверх нарядных елочек, то скрываясь, то вновь появляясь, плыла серо-голубоватая пилотка. Вот она замерла на месте, как бы прислушиваясь.

— Немец! — шепнул Николай.— Чудной какой-то. Если из облавы, то облава так не ходит. Облава всегда цепью частой двигается. А этот вроде один. Захватим? Выясним у него все. А?

— Давай,— кивнул Токарев.

— Держи автомат! — Николай протянул ему оружие.— Следи в оба. Если что — выручай.

Он выполз из ямы и спрятался в кустах близ тропы. Пропустив немца чуть вперед, поднялся во весь рост, бросился на него сзади и, зажав ему рот ладонью, ловко подмял под себя.

С ближнего дерева вспорхнула стая пичужек и, отчаянно работая крыльями, устремилась через волнистое море осоки к синеющей вдали полосе леса. Немец винтом вывернулся из-под Николая. Но старший сержант вновь словно клещами сжал его плечи и...

— Ты что, не узнаешь? — вдруг по-русски произнес немец.— Протри глаза.

Этот голос заставил Полянского разжать руки: он был ошеломлен. Перед ним возникло живое, подвижное лицо, с глубокими складками вокруг рта, упрямый подбородок, седой завиток над крутой бровью и золотые озорные глаза... «Кто? Кто это?.. Неужели?» А немец сидел на земле, выплевывая траву, набившуюся в рот во время борьбы. «Немец, нет — какой к черту немец! — свой до последней морщинки на лице человек».

Николай сначала рассмеялся, а потом заплакал.

— Демьян! Демка! Ты, Демка? Демка, ты? — повторял он на все лады. Потом вновь бросился на «немца», стиснул его в могучих объятиях, как маленького, поднял на руки.— А я-то думал... Живой! Настоящий!

Демьян Федотов,— а это был он,— тоже расчувствовался. Сердце у него колотилось неистово. К горлу подкатился горячий ком. И не проглотишь его. Как выброшенная на берег рыба, Демьян хватал ртом воздух. Так и не сказав ни слова, он несколько раз подряд крепко расцеловал бледное, небритое лицо друга, с запавшими, но непоблекшими, цвета байкальской волны, глазами.

Подошел Токарев. Демьян, высвободившись из рук Николая, обнял и его. Познакомились. Михаил, не мешкая, разжился табачком и закурил.

Чуть в стороне от полянки, в густолесье, дрозд вдруг опять подал фальшивый голос. Демьян просвистел в ответ.

— Узнаешь? — спросил он.

— Наш позывной,— ответил Николай.

Из густолесья, придерживая нацеленный автомат, показался второй «немец».

— Гришанов,— отрекомендовал Демьян.— Мой помощник во всем героическом облике. Прошу любить и жаловать!

— Крепкий парень. Только научить его надо по-настоящему сигналы подавать. Если дрозд, то без фальши.

— Научится,— вступился за помощника Демьян.— Что ж, присядем перед трудной дорогой. Гришанов, из мошны печи — все на стол мечи.

— Чего же ты, Дема? — лукаво спросил Николай.— Помощник в кустах отсиживается, а ты разгуливаешь? А вдруг не я, а настоящий немец на тебя бы навалился. Как?

— Предусмотрено, Коля,— в тон ему ответил Демьян.— Мы ведь все высмотрели сначала.

— Ну, тогда...— Николай развел руками.

Полянский и Токарев были голодны, а сало и хлеб оказались на редкость вкусными. Но за едой Николай успел рассказать другу о всех мытарствах, перенесенных им после разлуки. От него Демьян узнал о второй схватке под Ключами, о пересыльном пункте в Городище, где погиб старый солдат Коробов, ободривший Николая, вовремя припомнив мудрую Демьянову байку про Емелю-мужика, о том, что Полянский долгое время числился Демьяном Федотовым в лагере смерти под Пинском, из которого едва вырвался, о гибели Сальского, о случайной встрече с летчиком Токаревым.

— Мое имя и фамилию носи на здоровье, если хочешь,— великодушно разрешил Демьян.— Знаю, Коля, что чести своей и моей ты никогда не замараешь. А как бежали из-под расстрела, не рассказывай, собственными глазами видел. Ловкачи! Я даже позавидовал. Думаю, смелые люди, настоящие. Даже смертный приговор ваш захватил. Вот он.

Токарев взял в руки листок.

— Тут по-немецки написано,— сказал Демьян.

— Вижу. Между прочим, это не наш смертный приговор,— заговорил Токарев, ознакомившись с содержанием бумаги,— а приказ о поддержке специального карательного отряда, который прибудет сюда на следующей неделе.

— Но-о-о!

— Вот тебе и «но».

— Время есть,— успокоился Демьян.— Подготовимся честь честью.— И к Николаю: — А ребята, наши разведчики, как поживают? Как лейтенант живет-может?

— Киреев? Нет Киреева.

— В другую дивизию перевели?

— Убили!

— Ну-у-у? В разведке, что ли?

— В овраге у медсанбата кинжалом в спину. В тот день, когда он группу из Ключей привел. И не жалей ты его, Демьян! Сволочью оказался, шпионом.

— Что-о-о? Полегче выражайся. Лейтенант — не такой человек,— голос Демьяна был тверд.— Я это знаю.

— А как он в одиночку по фашистским тылам разгуливал? Забыл? Так вот. Во время тех прогулок он фашистам сведения передавал с глазу на глаз. В последнем поиске, из которого ты не вернулся, Киреев ребят в развалинах оставил и ушел к гитлеровцам на свидание. Известил о наступлении на Ключи.

— Эх, Коля, Коля,— перебил Федотов.— Ты мне веришь? Обманывал ли я тебя когда-нибудь?

— Ну, не обманывал,— ничего еще не понимая, подтвердил Николай.— Ну, верю.

— Так вот. Лейтенант Киреев хоть и сухарем был, но о нас он заботился, от излишнего риска оберегал разведчиков.— И неожиданно спросил, хмурясь: — А о том, что немцы узнали о подготовке нашей дивизии к бою за станцию Ключи, кто тебе подробности преподнес?

— Перебежчик.

— Перебежчик? А он назвал Киреева?

— Нет. Но и так ясно.

— Вряд ли. Я, Коля, сам присутствовал при встрече кого-то из нашей дивизии с гитлеровским офицером. Я сидел под окном в саду. Весь ихний разговор прослушал от начала до конца. Не сомневайся. Видел и слышал. Голос изменника запомнил. Что голос не Киреева, ручаюсь! Во веки веков не забуду! — Лицо Демьяна изменилось: глаза зажглись недобрым светом, брови сдвинулись, четче обозначились морщины по углам рта. Резко сорвал он с головы пилотку:

— Смотри!

Ни единого темного волоса не было в его некогда черных кудрях.

— Дема!

— Убить хотел,— с болью сказал он и, повинуясь привычке не омрачать своими горестями других, пошутил: — Да не знал, что у ленинградского токаря череп — что броневой колпак. История со мной произошла тогда лучше любого романа. Бывает же.

Тяжелораненый Демьян долго лежал в пыльном бурьяне. Под утро выпавшая роса заботливо освежила, омыла его воспаленное лицо, привела в чувство. Придерживая одной рукой разбитую голову, а другой опираясь на автомат, он добрался до развалин заводика. Товарищей уже не было. Да, признаться, он теперь и не надеялся их встретить.

Захватив «языка», разведчики, как требовал приказ, еще до рассвета перешли линию фронта. А в том, что приказ генерала Бурова выполнен, Демьян убедился, когда увидел на обломке стены надпись Киреева.

Надо было отсидеться до ночи. Демьян, пересиливая головокружение, с трудом сполз в канализационный колодец, опустил над собой тяжелый люк и принялся заматывать бинтом рану на голове.

Сколько просидел в темном, сыром убежище, не помнит. Из полубредового забытья вывели его легкие, крадущиеся шаги. Кто-то ходил там, наверху. Демьян придвинул поближе автомат. «Неужели накроют?» Чугунная чаша люка дрогнула и медленно приподнялась. Человек действовал осторожно, по всей видимости, сам чего-то боялся.

Повернувшись неловко, Демьян коснулся головой влажного бетонного выступа, скрипнул зубами от боли и глухо чертыхнулся.

— Ой! — донеслось сверху.— Кто?

— Русский,— еще нашел в себе силы прошептать Демьян и потерял сознание.

Так повстречалась ему связная партизанского отряда Галя Сазонова. В развалины ремонтного завода, где был почтовый ящик подпольщиков, она пришла за очередным донесением.

Много труда приложила девушка, чтобы дотащить ослабевшего разведчика до лесной сторожки, а оттуда на подводе, под копной соломы, переправить в отряд! На партизанской базе Галя две недели ухаживала за раненым.

Командир отряда секретарь райкома партии Лузин, узнав от Демьяна о происшествии в Ключах, тотчас же послал в Центр шифрованную радиограмму. В ней сообщил, что в дивизии Бурова находится вражеский агент. Сообщил также о заброске в советский тыл под видом «языка» немецкого осведомителя номер четыре.

А Демьян остался в отряде и был зачислен в разведку.

Весь июль партизаны не давали немцам покоя: громили их гарнизоны, взрывали склады с боеприпасами, устраивали крушения эшелонов с техникой. В первой половине августа, пройдя рейдом по фашистским тылам, отряд стал действовать в белорусских лесах.

— Видишь, как получилось? — закончил Демьян.— И еще, Коля, скажу тебе, тот гад, что сведения фашистам передавал, должен был убить тебя твоим же кинжалом. Идешь ты лесом, природой наслаждаешься, а в это время сзади, будто какая-нибудь пантера заморская, или вот как ты на меня сегодня, прыгает тот тип и тебе в спину по самую рукоятку твой собственный кинжал. Ясно? За обер-лейтенанта Руттера отомстить хотели. Рыцарская месть.

— Хотели так, а вышло иначе. Ведь моим кинжалом убили Киреева. Я из-за этого многое пережил. Вот так...

Помолчали минуту-другую. Демьян, тяжело вздохнув, поднялся, стряхнув с плащ-палатки крошки.

— Накормить их мы с тобой сумели,— обратился он к Гришанову.— А куда денем? Возьмем с собой или здесь оставим?

— Надо захватить. Попадут опять к фашистам в лапы.

— Тогда пошли.

И они двинулись через лес.

— Так, значит, семь смертей миновал, — говорил Демьян, старательно ступая с кочки на кочку.— В общем, положеньице у тебя и у Михаила было хуже наполеоновского. А на Новоселье мы давненько налет замышляли. Взяли кой-кого.

Низина кончилась. Угором прошли сосняк, и опять зачавкало болото.

По бездорожью, среди корчей и камышей, часто проваливаясь в подернутые зеленой болотной ряской окна по пояс, а то и по грудь, пробирались они зыбкой целиной.

После полудня, усталые, вышли на опушку леса. Шелковистая трава узкой ленточкой оторачивала болото. Стволы сосен, бронзовые в лучах заката, стояли

гордо, как корабельные мачты в порту. Могучие темно-зеленые кроны их купались в облаках.

— Шишкина бы сюда,— заметил, переобуваясь, Демьян.

— Партизанить?

— Дорогой товарищ Гришанов, Шишкин — великий русский художник. Но в данной ситуации партизанить он стал бы наверняка. Талантище был этот Шишкин,— выжимая портянки, Демьян пустился в пространные объяснения.— Лес он рисовал во всех видах: и стоя, и лежа, и полулежа, со зверьем и без оного. И как рисовал: посмотришь на картину, словно в лесу побываешь и так далее...

Гришанов сконфуженно замолчал.

— Чего смущаешься? Не робей,— успокоил Николай.— Твой командир — известный остряк и поднатчик.

Невесть откуда появился дед с окладистой бородой во всю грудь. Удивился:

— А, знакомцы? Вот они, дороги-то лесные...

— Здравствуй, папаша! — Токарев сразу признал в старике дровосека.— Почему ж ты не сказал тогда, где партизаны?

— При деле состоял.

Уму непостижимо, как разместился целый городок в лесной глуши, не изменив ее облика. Ни тропинок, которые — так утверждал Демьян — по закону земного притяжения должны оставаться на траве от множества ног, ни угольных пятен от костров, ни повозок, ни лошадей и, наконец, ни партизанских землянок.

Только сушняк, островками набросанный среди травы, позволял знающему человеку догадаться, что поляна обитаема: сучья кое-где были отполированы подошвами обуви.

— Менять почаще надо маскировку,— по-хозяйски заметил Николай.— Видно кое-что.

— Разве от тебя спрячешь? — покорно согласился Демьян.

— Шагай левее,— предупредил Николай,— на пень налетишь!

— Вот, видишь, и согрешил,— рассмеялся Демьян.— Не пень это, а двери блиндажа.

В землянке располагался штаб отряда. У противоположной от входа стены, за тесовым столом, перед развернутой картой-километровкой сидели Лузин — рослый человек в безукоризненно пригнанной гимнастерке и комиссар отряда — молодой партизан с копной черных взъерошенных волос и курчавой бородкой.

— Добре! — поглаживая крупную бритую голову, сказал Лузин, выслушав Николая.— Отдохните пока, а потом поговорим.

Вечером через Партизанский центр полковнику Силину была передана шифровка о том, что Соловей находится в чужом гнезде и просит обеспечить подтверждение по линии вражеской агентуры версии два. Сообщалось также, что капитан Сальский не тот, за кого его принимали, что он геройски погиб в концлагере, что самолет особой авиагруппы, выполнив задание, разбился в районе Н., летчик — в отряде.

Вскоре был получен приказ: «Установить надежную связь с Соловьем. Центр одобряет версию два и позаботится о подтверждении ее. По имеющимся данным, Соловей попал куда нужно. Отряду обеспечить помощь. Привет Богатырю. Силин».

Лузин, прочитав шифровку, сказал Николаю:

— Мы с комиссаром подумаем, обсудим детали.

Полянский вышел из командирской землянки, разыскал Федотова, и они направились к лужайке, которую приметили еще днем. Ночная темнота накрыла лес звездным пологом. Где-то далеко кричала выпь. Друзья улеглись на душистом ковре опавшей хвои. Демьян вполголоса запел:

Где лесные звери не пробьются,
Где снаряд и тот не пролетит,
В непролазных чащах и болотах вьются
Наши трудные, опасные пути...

Николай, слушая, думал о том счастливом времени, когда останутся позади эти «трудные, опасные пути». А пока...

Проверь автомат,
Кинжал пристегни,
Запал у гранаты вверни.
Разведчик — мой брат,
Бесшумно иди,
Ведь ты невидимкам сродни.

Пулемет в короткой захлебнулся.
Полог ночи свет ракет прорвал.
Эй! Смотри, чтоб друг твой не споткнулся
И, сраженный пулей, не упал...

Демьян резко оборвал песню:

— Где-то сейчас Рыбаков, Семухин, Луценко, капитан Мигунов? И жаль мне, Коля, бородача-пехотинца. Какой забористой махрой он нас угощал!

— Стойкая была у Коробова душа! А Луценко, когда я на задание уходил, взвод принимал. Рыбаков, Семухин и остальные ребята по этому случаю праздник с песнями и танцами в риге устроили: радовались назначению.

— Старшина — разведчик знающий...

Хорошо подстерегать лесной рассвет, лежа на спине под густым ветвяным шатром, сквозь который и днем едва различимо небо. Лежишь... И вот чуть прорезались, даже не прорезались, а лишь определились неясными контурами в кромешной тьме гиганты-деревья. Их не видишь. Их скорее ощущаешь. Незримые ранее ветви над головой постепенно приобретают фантастические очертания. Темные полосы лап покрылись иглами: значит, на равнине светло. И вот оно, солнце! Утро пришло!

— Солнце-то нас подкараулило! — встрепенулся Демьян.— Николай, пора! Меня на операцию возьмешь? Я за тобой, Колька, хоть на тот свет, только плацкартный-купированный...— он вскочил, отряхнул с гимнастерки хвою, подобрал ветку и, шутя, вытянул ею друга вдоль спины. — Вставай! Лузин — строгий. У него утро с четырех до пяти, а остальное — день.

В штабе их ждали.

— Собирайтесь, Полянский,— вместо приветствия сказал командир.— Пойдут с вами Федотов и Токарев. На связь — Сазонова. Будьте осторожны. Не наскочите по дороге на карателей,— добавил он.— В Риге действуйте осмотрительно, не бродите попусту. Рига объявлена столицей Остланда. Там размещены резиденции и штабы рейхсминистра, рейхскомиссара Прибалтики и генерального комиссара Латвии. Так что в ищейках недостатка не будет.

Еще раз предупреждаю: держитесь начеку. Но в Риге есть и друзья... О деятельности Соловья знать ни-

кто не должен. Основную явку запомнили? Запасные? Не забывайте, что Янис ждет вас... Через некоторое время перебазируемся на условленное место. Ну, скатертью дорога, хорошей скатертью.

О ЧЕМ УМОЛЧАЛ ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ

С утра Горбачев носился из кухни на склад, со склада, нагруженный свертками, пакетами, бутылками,— во флигель. Денщик сбился с ног. Гауптман ждал высокого гостя и хотел встретить его по-царски. Солдаты из охраны старательно натирали и без того чистые полы, влажными тряпками снимали невидимую пыль с тяжелой резной мебели в гостиной и в кабинете. Из Риги нарочный доставил фрукты и деликатесы.

Крафт остался доволен стараниями денщика. Он окинул взглядом просторное, в ярких коврах помещение, коротким рывком за витой шелковый шнур раздвинул бархатные портьеры и, когда комната наполнилась солнцем, поспешил на улицу, откуда уже доносились певучие сигналы лимузина.

Фон Штауберг твердой походкой хозяина прошел впереди Крафта в гостиную и опустился в кресло.

— Здравствуй, Курт! — сказал он, расстегивая верхние пуговицы мундира и с видимым удовольствием отмечая обилие кушаний на богато сервированном столе.— Угощай.

Гауптман откупорил припасенный специально для особо торжественных приемов коньяк и наполнил им тонконогие рюмки.

— Прошу вас,— обратился он к шефу, придвигая вазу с фруктами и фарфоровую с золотым ободком тарелочку с прозрачными ломтиками лимона, пересыпанными сахарной пудрой.

Оберст фон Штауберг чуть скривил толстые губы, что, видимо, означало улыбку.

— Садись, Курт! Садись,— и, забыв о хозяине, забарабанил по подлокотнику кресла короткими волосатыми пальцами в перстнях. Взгляд его был устремлен

в окно, на залитый солнцем сад. Во всем этом угадывалось волнение, которое пытался скрыть оберст.

— Кто бы мог предположить,— наконец задумчиво, как бы рассуждая сам с собой, проговорил он,— что все так печально завершится. Мы хотели поправить дела летним наступлением. А в результате! Операция «Цитадель» должна была послужить поворотным пунктом в ходе войны. Так ведь, Курт?

В глазах гауптмана мелькнула тревога.

— А на днях,— продолжал ровным и от этого страшным голосом фон Штауберг,— русские взяли Орел и Белгород. Несколько генералов покончили с собой. Генерал-полковник пустил себе пулю в лоб! Как тебе это нравится, Курт? Вместо того, чтобы окружить и уничтожить большевиков в Курском выступе, выйти в глубокие тылы, захватить Москву и выиграть кампанию,— катастрофа! Ка-та-стро-фа! — фон Штауберг приподнялся, залпом осушил рюмку и тяжело опустился на место.— Налей, Курт! Тебе понятно слово «катастрофа»! А «поворотный пункт»? — он саркастически рассмеялся.— Поворотный надо понимать так: мы повернули на запад и отступаем, отступаем по всему фронту, оставляя территории, завоеванные у Советов ценой больших жертв.

Поражение под Курском вынудило фюрера снять со Средиземноморского театра военных действий крупные соединения. Это облегчило действия англо-американских войск на острове Сицилия. Надо полагать, что вскоре они предпримут наступление на континентальную Италию. Правительство Муссолини пало. Лейбгвардия даже пальцем не шевельнула ради спасения своего дуче — она сложила оружие, причем наше оружие. И это, Курт, не все. Поражение наших войск похоронило под Курском, Орлом и Белгородом проведение в жизнь плана «Песец» — плана по захвату Швеции.

— Но, герр оберст, успехи русских...— Крафт был ошеломлен, растерян, подавлен.— Мы еще покажем себя. Фюрер...

— Замолчи!.. «Фюрер»,— в тоне Штауберга слышалась досада и злость.— Ты не привык думать, Курт. Тебе забили голову Геббельс и Фриче. «План Барбаросса» — весь мир был оповещен, что Красная Армия

разгромлена в первые недели войны. А мы? Вот мы и увязли в русских просторах, и, кто знает, поможет ли нам бог выбраться из этой западни. «Разбитые» языками чиновников из ведомства Геббельса большевики наносят удар за ударом... Поражение под Москвой! Волга! Ленинград! Кавказ! А теперь — этот Курско-Орловский выступ...

— Герр оберст...

— До наступления на Курск,— жестом призывая Крафта к молчанию, продолжал Штауберг,— мы трубили, что предстоящая битва решит исход войны в нашу пользу! Опять ложь! — крикнул он, побагровев, крикнул так, что рюмки тонко зазвенели, и крупная гроздь винограда, свешивавшаяся из вазы, свалилась на скатерть.— Ложь — это, Курт, чрезвычайно полезное оружие. Мы сознательно используем его, вводим в заблуждение собственный народ и морально действуем на противника. Но в данном случае получилось грубо и фальшиво!

— Но, герр оберст,— робко вставил Курт.— Если мы отступим даже до Днепра, как говорит фюрер, русские там непременно будут остановлены. На Днепре мощная оборонительная полоса. И водный рубеж непреодолим. У нас имеется резерв — сверхмощное секретное оружие. И вот, когда мы пустим его в дело...

— Наступая на Курск, мы тоже говорили о новом оружии,— резко перебил Штауберг.— Но большевики отбросили нас. Они стремительно двинулись вперед. А наши «тигры», «пантеры» и «фердинанды» горели, как свечки.

— И все же...

— Это, право, наивно, Курт! Помню, и на школьной скамье ты не отличался сообразительностью. Жизнь и работа в гестапо, в абвере ничему тебя, кажется, не научили. Ты упрям и заносчив! Уж не рассчитываешь ли ты, что нам помогут выиграть войну люди, которых мы в этой школе готовим для борьбы с коммунистами?

— Они принесут пользу...

— Ты так полагаешь? А я не уверен в этом. В школе десятка два русских. Хорошо, если из них хотя бы двое будут по-настоящему преданны нам. Но, увы, познать человека, разобраться в его наклонностях, точно определить цель его жизни, постичь глубину психологии мы, Курт, не в силах. Деньги — еще не все. Блеск золота кружит головы немцев, французов, американцев... но не славян. Славяне, особенно русские — фанатики!

Крафт, потрясенный столь откровенными признаниями шефа, побледнел, встал, подошел к окну и задернул штору. Гостиная погрузилась в полумрак. В небольшой просвет между портьерами пробивались солнечные лучи и яркими бликами ложились на довольно хорошую репродукцию с картины Айвазовского «Девятый вал».

— Курт, чем вызван твой испуг? — спросил с иронией Штауберг, повелительным жестом предлагая гауптману занять место напротив.— Не утруждай себя лицемерными оправданиями. Тобой да и другими с первых дней войны с Россией владеет страх. Ты да и я тоже боимся старших в чине, боимся доноса младших, боимся Красной Армии, русских партизан, рус-

ских морозных зим, русской земли и вообще всего, что именуется в сказках «русским духом». Но на самом деле мы, Курт, боимся поражения, разгрома... Страх! Страх!

Штауберг, не поднимаясь, дотянулся до шелкового витого шнура. Портьеры бесшумно раздвинулись. Комната опять наполнилась светом.

— Эти лучи дают жизнь,— проговорил он с усмешкой,— и отгораживаться от них не следует. Так вот — страх. Многие немцы испытывают его. Только у одних это чувство сильнее, у других слабее. Ты относишься к первым. Хорошо законспирировавшийся разведчик, не последняя фигура в английских деловых кругах, ни с того ни с сего вдруг пересекает Ла-Манш, завалив лучшего агента. Что это? Трусость? Именно боязнь разоблачения заставила тебя — резидента на одном из важнейших участков Западного фронта — бежать, не выполнив задания. Правда, провал в порту ты преподнес как героизм, а убийство агента как подвиг...

Крафт попытался было возразить, но оберст нахмурился.

— Да, Курт! Будь ты чуть-чуть поумнее, я, пожалуй, побоялся бы так откровенничать, даже несмотря на то что после провала в Англии, скандальной истории во Франции, за которую любой другой поплатился бы жизнью, я подыскал тебе теплое местечко здесь. Представь, как я выглядел перед Канарисом и Лахузеном. Я, человек, отстаивающий дрянного разведчика.

Крафт вскочил и вытянулся. Теперь перед ним сидел не друг детства и одноклассник, сосед по парте, а шеф диверсионных школ второго отдела германской военной разведки и контрразведки Альберт фон Штауберг.

— Садись, Курт,— проговорил оберст.— Сегодня ты — хозяин, а я всего лишь гость. Пусть крушение твоих миссий в Англии и Франции останется на моей совести. Убить человека очень просто, Курт! Например, русских. Ты размышлял над тем, почему мы их истребляем?

— Нет, но...

Холодный взгляд Штауберга остановился на растерянной физиономии Крафта, который то и дело облизывал пересохшие губы. Этот взгляд как бы вдавил гауптмана в кресло.

— Не удивляйся. У меня сегодня плохое настроение. А мрачная философия, если ты помнишь, всегда была моим коньком. Я попытаюсь растолковать тебе нашу политику. Смерть — союзник слабых! Если не можешь побороть человека, превратить его в послушное животное — убей! Вот девиз! — обрюзгшее лицо шефа побледнело.— Мы обязаны истреблять славян! Фюрер говорит прямо: «Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны без малейшей жалости проливать драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожать миллионы людей низшей расы, которая размножается, как черви». В этом, пожалуй, фюрер прав.

— Я был в России...

— Некоторые говорят,— развивал свою мысль Штауберг,— что эти наши рассуждения отдают цинизмом. Но зато как сказано! Мы безжалостны к противнику. Вопрос стоит так: если не мы его, то он нас! Отбрось страх, Курт, и действуй! Жизнь у тебя не так уж плоха. Ты окружил себя комфортом...

Оберст посмотрел на часы и сказал:

— Пригласи Сарычева.

«Этот — не политик,— думал Штауберг, проводив Крафта взглядом,— и не разведчик, и даже не солдат... Оболванен окончательно и бесповоротно. А что если бы он узнал, что после розгрома наших армий на Курско-Орловском выступе у многих высокопоставленных военных особ пошатнулась вера в «великую миссию» фюрера. Теперь не фюрер, а мы будем делать политику. Кто бы ни победил, люди, подобные нам, останутся в цене... Пусть вместо марок будут платить доллары, фунты, франки... Все равно деньги не пахнут. Вот поэтому-то даже сейчас, когда Германия стоит перед катастрофой, мы должны готовить агентов».

В дверь постучали.

— Прошу! — разрешил оберст.

Вошел Соколов.

— Я хочу сказать, господин Сарычев, что доверяю вам больше других,— поднимаясь ему навстречу, проговорил Штауберг.— Откровенность требует ответной откровенности. Ваша фамилия мне знакома не по школьной картотеке. Я как будто уже слышал ее, и не раз.

— Возможно,— ответил Соколов. Он спокойно смотрел на оберста, а мысль лихорадочно расшифровывала скрытый смысл произнесенной фразы: «Ваша фамилия мне знакома не по школьной картотеке». Значит, Штауберг-сын не забыл услуги, оказанной когда-то предателем Сарычевым Штаубергу-отцу. Значит, он поверил. Версия оказалась убедительной. Как говорит всегда в таких случаях Силин? «Добрый риск — подвиг!» А вслух продолжал: — Пожалуй, трудно восстановить в вашей памяти то, что относится не к вам, а к вашему и моему отцам. Я свято храню завещанные отцом воспоминания. Восемнадцатый год, небольшой рабочий поселок в Донбассе. Мой отец тогда оказал некоторые услуги господину Штаубергу, помог разыскать и схватить поджигателей армейского склада, а затем...

— Спас ему жизнь! — воскликнул взволнованный Штауберг-сын.— Отец писал с Украины о том, что Петр Сарычев вырвал его из рук партизан!

— Да. Это был мой отец. С Украины нас вынудили уехать в Заволжье. К нам туда приезжал кто-то с поручением от господина Штауберга...

— И ваш отец его выполнил?

— Нет! Он был арестован чекистами, а мне пришлось долго скитаться без крова.

— Перед войной, узнав о том, что ваш отец арестован, вас разыскивали мои люди, господин Сарычев.

Штауберг был доволен тем, что его предположения оправдались. После встречи во дворе управления он, уже осведомленный о майоре, запросил главное управление разведки о Сарычевых, перерыл свой семейный архив, все более убеждаясь, что на майора можно рассчитывать.

Призывая Соколова к откровенности, Штауберг, однако, умолчал о своем разговоре с Канарисом, о разработанной им и одобренной адмиралом операции под условным названием «Королевский гамбит», главную роль которой оберст отводил Сарычеву.

Соколов чувствовал, что за этой, на первый взгляд незначительной, беседой скрыто большее, о чем оберст пока даже не намекает и, сделав вид, что не догадывается, ничем не интересуется, стал говорить, что уже несколько недель часть подготовленных к диверсиям

людей слоняется без дела. Человек же, обреченный на безделье, склонен к размышлениям.

— Размышлениям? — переспросил Штауберг.— Им придется недолго ждать,— он пригубил рюмку.— Ну, а теперь еще раз нарисуйте со всеми подробностями картину вашего пленения.

— Случилось это под станцией Ключи в мае,— ответил Соколов.— Я находился на наблюдательном пункте дивизиона. Немецкие части предприняли наступление. Овраг, где размещались два-три отделения пехоты и мой наблюдательный пункт, был окружен. Началась перестрелка. Мы понесли большие потери. Раненый, в бессознательном состоянии, я попал в плен. Контузия и ранение.

— Из солдат и офицеров, находившихся в овраге, кто-нибудь уцелел?

— На этот вопрос ответить трудно. Вместе со мной в лазарете пересыльного пункта, очевидно, кто-то был.

— Та-а-ак,— фон Штауберг поиграл перстнями.— Свидетели для вас, майор, опасны. Если вспомните кого-нибудь, доложите. Вас считают пропавшим без вести в бою под станцией Ключи. Это надо вам знать. Да, скажите! Если бы не контузия и не принудительное пленение, вы пытались бы перейти к нам?

— Нет! — без колебаний ответил Соколов.— Господин оберст, с вами был связан мой отец, а не я. Гарантии, что меня здесь примут хорошо, не было. А там я стал ученым.

Рассказ майора соответствовал сведениям, полученным из России через агентурную сеть. Информация Матильды поможет окончательно разобраться в этом человеке, в его характере, изучить его привычки, нащупать слабые места. Матильда сумеет прибрать его к рукам. Если Сарычев оправдает те надежды, которые возлагает на него абвер, то фон Штауберг получит больше, чем рыцарский крест,— гораздо больше...

— Вы свободны, господин Сарычев,— и когда Соколов, четко повернувшись на каблуках, вышел из гостиной, Штауберг позвал Крафта: — Курт, проводи меня.

Лимузин шефа бесшумно выехал за ворота. Гауптман вернулся в гостиную, распахнул настежь окно в

сад и, жадно вдохнув свежий пахнущий осенней листвой воздух, обессиленный, опустился в кресло. Узкое лицо его поблекло, покрылось морщинами усталости. Глаза погасли. Из подтянутого офицера он превратился сейчас в измученного и жалкого человека.

Шеф не в первый раз приезжал к нему изливать душу, он знал, что Крафт привязан к нему якорной цепью. Но таких, как сегодня, откровений еще не было. Кощунство Штауберга,— а Крафт понимал это так,— перевернуло в его сознании все представления о гитлеровской ставке, выбило из-под ног почву. Если раньше неудачи на фронте вызывали в нем лишь смутную тревогу, быстро рассеиваемую речами Геббельса и Фриче, тревогу, что сразу же терялась в потоке сенсационных сообщений о стойкости гитлеровских солдат, то теперь после откровенных признаний Штауберга, человека, посвященного во многие секреты не только абвера, но и ставки, Крафт ощутил ее с необыкновенной силой. Угрюмые лица русских, обучавшихся за окном на плацу, показались ему зловещими. И среди них — Сарычев! Сарычев! При встречах с ним какая-то непонятная тревога охватывает гауптмана. Почему? Крафт отвернулся от окна. Да, он никогда не старался глубоко вникнуть в то, что происходит вокруг. По убеждению «представителя великой нации», он шпионил, пытал, расстреливал, вешал. Он не задумывался, почему люди, попавшие к нему, молчали под пытками, а перед смертью с презрением плевали в лицо, как тот русский Ивушкин, которого он расстрелял.

Гауптман нервно передернул плечами. Взгляд его остановился на пенном гребне девятого вала, неумолимо вздыбившегося над хрупким плотиком, символизирующим — так по крайней мере считал он! — человеческую жизнь. «Как доказать Штаубергу, что я сижу здесь не без пользы?»

Открыв сейф, он вытащил папку. Дело Сарычева. «Штауберг приказал переслать документы в управление. Значит, Сарычев будет использован для какого-то особо важного задания. И чего нашел в нем оберст? Может быть, дополнительная проверка этого человека будет по душе Штаубергу? Ведь приставил же он к Сарычеву Матильду?» Внезапно в голове Крафта созрел, как ему показалось, оригинальный план, и он

тотчас же принялся за его осуществление. Позвонил на военный аэродром. Ему ответили, что Эдвард Фрейгаст скоро вернется.

Крафт, самодовольно улыбаясь, расстегнул френч и облокотился на подоконник.

Осень уже коснулась деревьев в саду. На тропинки осыпались листья, то красные, как сгустки крови, то желтые, как золотые монеты. Порой подхватываемые ветром листья летели, плавно кружась, к деревянному забору с колючей проволокой наверху и, наткнувшись на нее, падали вниз.

Вокруг было тихо, и чудилось, что тишина эта распространяется на сотни, тысячи, десятки тысяч километров,— на всю планету.

Высоко в поднебесье скошенным строем прошли на восток эскадрильи «юнкерсов».

Крафт снова взялся за телефонную трубку. На этот раз Фрейгаст оказался на месте. Разложив на столе карту, гауптман подробно изложил ему свой план и заручился согласием выделить для предстоящей операции транспортный самолет. «Нет, мой шеф,— с удовольствием думал Крафт,— я не наивный мальчик, как вы думаете, не выскочка. Вы еще убедитесь, что я нужен вам, что я могу служить верой и правдой человеку, который меня ценит. Я ведь знаю, как адмирал Канарис помогал вам делать карьеру. Вас заметили наверху, когда вместе с парнями из СД в польских мундирах вы операцией «Гиммлер» провоцировали войну Речи Посполитой с Германией. Мне это доподлинно известно. Но все участники операции были уничтожены, а вы, фон Штауберг, уцелели, получили железный крест. Канарис оберегает вас. Он сделал вас видным работником. Я буду за вас держаться, дорогой Альберт. Буду держаться».

Приятные раздумья рисовали ему радужные картины будущего благополучия, славы и богатства. Размечтавшись, Крафт задремал в кресле и проснулся лишь тогда, когда в комнате сгустилась темнота. Единственный отблеск вечерней зари каким-то чудом все еще удерживался на гребне девятого вала.

— Горбачев!

Появился встревоженный денщик.

— Убрать картину!

Крафт поднялся из кресла и, прихватив стек, полный величия, вышел на улицу. За садом, на учебном плацу, будущие диверсанты осваивали технику подрывных работ: подвязывали пакеты со «взрывчаткой» к пролетам специально выстроенного моста. Делали они это, «обманывая» часовых, которым строго-настрого было приказано «бдительно охранять объект».

Вторая группа устанавливала мины на стометровом отрезке железнодорожного полотна, скрытно подбираясь по заросшему густым бурьяном и высокой лебедой пустырю к сиротливому паровозу, «выводила его из строя».

«Незавидная судьба у этих людей,— думал гауптман, поигрывая стеком и наблюдая за тренировкой.— А что, если бы я попал к русским в плен? Как бы поступил я?» Его бросило в жар. Он даже мысленно не решался отвечать на такой вопрос...

— Господин гауптман! — дежурный взял под козырек.— Из Риги прибыл мотоциклист с приказом!

— Проводите в кабинет.

Фельдъегерь, молоденький лейтенант с длинным носом, который, казалось, тянулся ото лба до самого с едва пробивающимся светлым пушком подбородка, прошел от порога до стола с таким блеском, что Крафт, любивший выправку, улыбнулся.

— Для господина гауптмана! — фельдъегерь заученным жестом выхватил из сумки пакет с сургучными печатями по углам и в центре, положил его перед Крафтом и, отступив на шаг, щелкнул каблуками.

Гауптман не спеша вскрыл пакет. Фельдъегерь облегченно вздохнул, словно с плеч его сняли тяжелую поклажу. А «поклажа» действительно была...

После полудня его вызвал только что возвратившийся в управление фон Штауберг и приказал доставить в Вецаки гауптману Крафту пакет.

— Поедете один! — отрывисто бросил он.— Ответа не ждать! О прибытии доложить! Отправляйтесь! — оберст был зол. Разговаривая с фельдъегерем, он думал о содержании пакета и прямо-таки негодовал: «Как я сам не решил простой такой вещи! Отто Мюллер! «Стрельбище № 47/21!» За это Канарис будет носить Мюллера на руках. Может статься, что и я скоро вынужден буду величать его генералом. Наступило время

убрать Мюллера с дороги. А пока придется выполнять приказ».

Штауберг увидел, как медленно открылись чугунные литые ворота. Фельдъегерь вывел из гаража мотоцикл, дал газ и исчез за каменным забором.

Новенький цюндап соперничал с ветром. Стрелка спидометра застыла, достигнув предельной черты. На пустынной дороге ни души. Поворот, еще поворот... Там за песчаными дюнами поселок. Неожиданно на пути появились двое. Рослый в мундире гауптштурмфюрера и невысокий — оберштурмфюрера СС. Фельдъегерь резко затормозил и выкрикнул, не поднимаясь с сиденья:

— Was ist los? [1]

Гауптштурмфюрер молча навел на него пистолет и жестом пригласил следовать к виднеющейся неподалеку роще. Фельдъегерь безропотно подчинился.

В ложбине ждал третий, в штатском.

— Was soll das heißen? [2] — озираясь, спросил лейтенант.

— Ihre Dokumenten! [3] —с трудом подыскивая нужные слова, потребовал штатский.

Фельдъегерь по акценту и паузам, с которыми была произнесена эта единственная фраза, понял, что перед ним русские, и дрожащими руками протянул удостоверение.

— Лейтенант, офицер для особых поручений,— сказал по-русски штатский и, обращаясь к мотоциклисту, поинтересовался: — По-русски понимаешь?

— Ошень плехо.

— Ничего, договоримся! — успокоил стоявший справа смуглолицый оберштурмфюрер СС с седым завитком над бровью: — Куда путь держишь?

— Was haben Sie gesagt?.. Ich verstehe nicht... [4]

— Куда едешь, спрашиваю?

И фельдъегерь, мешая русские слова с немецкими, рассказал, что везет в диверсионную школу, расположенную в Вецаки, секретный приказ и с готовностью подал его гауптштурмфюреру.

---

[1] В чем дело? (нем.)
[2] Что это должно значить? (нем.)
[3] Ваши документы! (нем.)
[4] Что вы сказали?.. Я вас не понимаю... (нем.)

Пакет вскрыли. Фельдъегерь с ужасом следил за каждым движением переодетых русских разведчиков. Он знал, что ждет его, если фон Штауберга осведомят о происшедшем. Знали это и русские. Передав вскрытый пакет штатскому, двое отошли в сторону, о чем-то вполголоса разговаривая.

— До чего додумались! — воскликнул штатский, шелестя страницами приказа. Голос его был полон негодования.

— Потом. Давай документы,— высокий взял бумаги, аккуратно вложил их в конверт, заклеил его и восстановил шнуровку.

— Как две капли.

Фельдъегерь был обескуражен, когда русский в форме гауптштурмфюрера возвратил засургученный пакет.

— Вручи,— сказал он.— О встрече говорить не рекомендую. Понимаешь сам, что это больше тебе грозит, чем нам. За разглашение секретов германской разведки вешают, не подыскивая даже подходящей породы деревьев. Не опоздай.

Часто озираясь, фельдъегерь вывел мотоцикл на дорогу.

В КАФЕ «РИМ»

Связь, связь, связь! Прошло уже полтора месяца, а о Полянском ни слуху ни духу. Напрасно Соколов с надеждой всматривался в лица прохожих, с волнением следил, как открываются зеркальные двери кафе. Входили люди, много людей, но все не те. Иной раз майору казалось, что вот сейчас он увидит лицо с глубокой поперечной складкой на крупном лбу, темные, озабоченно сдвинутые брови и голубые, как горная дымка, глаза. Полянский был теперь для майора самым желанным и дорогим.

Через кого же передать в Центр, что на днях в советский тыл заброшена большая группа диверсантов из школы Крафта? Много труда затратил Соколов, чтобы узнать их пароли, их явки. Через кого сообщить, что агент из дивизии генерала Бурова связан с рижским отделением абвера? Через кого известить Силина, что

в диверсионной школе со Штаубергом встречался матерый шпион, известный нашим чекистам под кличкой Самум? Он следовал в Тайгоград.

Без постоянной регулярной связи разведчик слеп, нем и глух.

С первых дней пребывания в диверсионной школе Соколов думал только о связи. Он старался убедить себя в том, что Николай выполнит поручение так, как надо, но... за этим «но» скрывалось слишком многое: и побег из концлагеря, и обязательная погоня, и блуждание по вражеским тылам, и случайные встречи с гитлеровцами, карателями, полицаями...

Соколов знал точный срок массового побега военнопленных из лагеря, знал, что подготовка проведена превосходно, и не сомневался в успехе. Приблизительно рассчитал он и время появления Полянского, либо кого-нибудь другого в Риге. Но все сроки давным-давно прошли, а желанного человека не было. По всей вероятности, Полянский не преодолел какое-то из этих зловещих «но», и ему, Соколову, придется самостоятельно налаживать связь.

Майор слушал рассеянно болтовню Левченко, который, навалясь грудью на залитый томатным соусом столик, гнусавил:

— Сарычев, друг! Уважаю тебя. Уважаю за хладнокровие, понял? Ведь нас Крафт специально туда забросил, специ-ально-о-о... Он сволочь, Сарычев... Давай учиним закатец по всем кабаре и питейным заведениям. Учиним? Покажем, на что способна широкая душа. Мне здесь осточертело глядеть на пьяные хари. Они ведь пьяные, Сарычев? Пьяные? Вот. А мы — трезвые. Я сегодня в доску трезвый. Ха!

— Перестань! — прервал его Соколов.

— Все дозволено гражданину Великой Германии. «В саду-у ягодка ма-а-линка-а...» А хочешь, я сейчас зеркало разобью? — Левченко ткнул пальцем в двухметровое венецианское стекло трюмо. В зеркале отражалась его красная потная физиономия с посоловевшими глазами и спутанными редкими волосами.— Хочешь? Ох, и весело будет и шумно! Сарычев, где дамы? Где прекрасные незнакомки?! «И каждый вечер, в час назначенный (иль это только снится мне?) девичий стан, шелками схваченный...» В одном кабачке я такой

стан заприметил... Не встречал, друг, второго подобного! Пойду-ка. Пьем отходную?

В кафе становилось все многолюднее. Соколов был рад избавиться от захмелевшего, вконец распоясавшегося Левченко и наполнил вином бокалы.

— Отходную? — сказал он.

— Это по-нашему. Люблю! — Левченко опрокинул в рот водку, потянул острым носом и пальцами выловил из тарелки с остывшим, подернувшимся пленкой жира борщом кусок мяса.— Ты, Сарычев, не тоскуй без меня. Жди! Ба-а-а! Кого я вижу? «И каждый вечер, в час назначенный...» Мария пожаловала! Ну, скучать тебе не придется. Адью!

Холодно раскланявшись с Левченко, Мария улыбнулась Соколову. Глаза их встретились. За короткие две-три секунды майор успел прочесть в них и настороженность, и радость, и смущение.

— Вы давно здесь, Николай Петрович?

— Порядочно.

— Заметно по вашему другу. Кстати, куда он ушел?

— Отправился на свидание.

— Наконец-то поговорим!— это Мария произнесла с такой непосредственностью, что Соколову стало приятно: «Она тоже чувствует и видит в Левченко подлеца».

— Чем же вам насолил мой приятель?

— Просто не лежит душа к нему. Он испорченный человек. Удивляюсь вашей дружбе. Разные вы люди.

— Говорят, что дружба чаще всего завязывается между людьми с противоположными характерами.

— О, не так! Ваш приятель...— она откинулась на спинку стула и рассмеялась...— Не берусь о нем судить... Страшно проголодалась.

Мария раскрыла меню, пробежала взглядом по перечню блюд и с нетерпением стала ждать официанта.

Минут через десять терпение ее иссякло.

— Придется умирать от голода,— шутливо сказала она.— Помогите, пожалуйста, разыскать официанта.

Соколов поднялся и направился к стойке, за которой мелькала похожая на медный таз лоснящаяся физиономия хозяина. На статной крепкой фигуре майора темный костюм сидел безукоризненно. Белая

рубашка оттеняла бронзовый загар чисто выбритого лица с уже поблекшими, почти бесцветными шрамами. Мария за время знакомства убедилась в несокрушимой воле этого человека. Она — железная воля — угадывалась теперь в каждом его движении, в каждом жесте. «Если такой решит или задумает что-нибудь, то можно быть уверенным, никто и ничто не заставит его свернуть с дороги. Он будет безбоязненно, твердо идти к цели...»

Вернулся Соколов. За ним с подносом в руках проворно лавировал меж столиками официант в черном фраке с куцыми фалдами. Окинув с головы до ног изогнутую в полупоклоне фигуру, Мария заметила:

— Николай Петрович, этот человек похож на вашего приятеля?

— Чем же?

— Манерами. Не находите?

— О приятелях не принято говорить плохое. Каждый имеет и плюсы и минусы.

С угодливой улыбкой официант поставил на край столика поднос. Полотенцем смахнул крошки.

— Смените скатерть,— Соколов указал ему на оранжевое соусное пятно.— Ненавижу грязь.

— Да, вы такой человек! — Марии показалось, что за этой фразой скрыт какой-то намек. Она искала ответа в коричневых со светлым оттенком глазах собеседника, но глаза ничего не говорили ей.

— Сколько еще грязи на земле,— Мария глубоко вздохнула.— Много.

— Осенью особенно.

— Молчите! Я все больше убеждаюсь, что с вами нельзя говорить серьезно!

— Можно, дорогая Мария, можно! — Соколов переждал, когда официант сменит скатерть, и энергично взялся за разливательную ложку.— Я буду ухаживать за вами.

Майор, изредка пригубляя бокал, смотрел на белокурые локоны соотечественницы. «Вот кто мог бы, пожалуй, выручить меня. Связь, связь!»

Мария отодвинула тарелку:

— Я сыта. Вам неприятно было наблюдать, как человек утоляет голод? Давайте поговорим.

Соколов шутливо вскинул руки:

— Если о Чернигове, то я готов! С закрытыми глазами теперь могу странствовать по вашему городу. Хотите — экзамен? Раз, два! Вот он — Спасо-Преображенский собор, памятник архитектуры одиннадцатого века! Описать?

— Не стоит о Спасо-Преображенском.

— Тогда Ильинскую церковь, Успенский, Борисоглебский и Благовещенский соборы. Пристань на красавице Десне?

— Хватит, хватит! — Мария весело и звонко рассмеялась.— Лучше расскажите о своем городе.

— С охотой. Начнем, начнем, ну с...

— Названия.

— И это правильно. Я ведь еще не рассказывал, что моя древняя Пелуга историческими памятниками не блещет. Но, говорят, в седую старину и там были страсти-мордасти. «Затонул град Китеж во глубине вод Соловецкого озера». Мы этот самый град в детстве мечтали разыскать. Приедем, бывало, на Соловецкое озеро. А оно круглое, как чаша, огромное. Вода темная, таинственная. Вот мы, мелюзга, с вожжами, веревками и шестами — в лодки и на середину. Все глубину озера измеряли, надеялись в тайну Китежа проникнуть. Да где там...

— Не нашли!

— Нет,— Соколов с теплой грустью улыбнулся далекому прошлому.— Вырос, многое узнал. Но во мне долго еще жила надежда удивить мир, отыскать затонувший Китеж. Даже будучи студентом, я втихомолку прожекты сочинял, как без особых затрат осушить Соловецкое озеро. Но мечты мои разбились вдребезги о старые комплекты «Нивы». В одном из журналов я случайно натолкнулся на статью об опере Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии».

— Не существовало такого города?

— Ага. Не было!

— Я в детстве тоже о многом мечтала... Детство тем и прекрасно, что видится все в розовом свете, все кажется осуществимым. А на самом деле...— Мария умолкла, понурившись.

Чтобы успокоить опечаленную воспоминаниями женщину, Соколов заговорил было о Пелуге, о жизни.

— Хотите прогуляться? — предложила Мария, нежно прикоснувшись к его руке.

— Пойдемте,— майор уплатил официанту, сказав: — Оставьте столик за нами.

Над Ригой опускался вечер. Реже проносились автомобили; затихали площади и бульвары. В мирное время в эту пору город обычно становился оживленней, на улицах появлялась молодежь. Старики занимали удобные скамейки в скверах.

А теперь жители побаивались выходить по вечерам даже за ворота.

Из кафе Соколов с Марией направились к бульвару. Редкие прохожие с удивлением смотрели на них: в тяжелое время, которое переживала Латвия, невозможно было встретить счастливых людей.

Уступая весело беседующей парочке дорогу, остановилась, прижавшись к стене, сгорбленная старушка, проводила их приветливым взглядом.

Соколов бережно вел спутницу под руку и думал, можно ли довериться ей.

Много раз он задавал себе подобный вопрос. Первое время Мария вызывала в нем какое-то смутное чувство настороженности. Его нельзя было объяснить. Постепенно ледок настороженности растаял, и появилось чувство симпатии. «Довериться?» Разведчик не имеет права решать этот вопрос без всяких на то причин, не имеет права ставить под возможный удар дело, которому обязан служить до последнего вздоха.

Но положение, время, важные данные вынуждали майора пойти на риск.

— Мария? — он попридержал шаг, достал портсигар и закурил.— В такие тяжелые дни трудно найти верного друга. Не так ли? Соколов помедлил, как бы раздумывая.— Вам хотелось бы дружить с человеком по-настоящему, дружить так...— и не закончил фразы.

Прямо перед ними из ворот на мостовую выкатился сначала красно-синий мяч, а вслед — мальчуган в соломенной шапочке с длинным козырьком. Карапуз, переваливаясь утицей, гнался за прыгающим мячом.

В это время из-за поворота вывернула машина. Сверкая лаком, легкая и стремительная, она мчалась без сигналов по узкой мощеной улочке. На радиаторе трепетал, пощелкивая, фашистский флажок.

Расстояние между мальчуганом и автомобилем сокращалось с неумолимой быстротой.

— Стой! Стой! — майор, стараясь предотвратить несчастье, бросился к мальчугану, одновременно жестом останавливая машину. Почти враз раздались короткий вскрик ребенка и глухой удар. Машина, вильнув из стороны в сторону, скрылась в ближайшем переулке, а на гладких булыжниках остались окровавленный малыш да неподалеку от него подпрыгивающий мяч.

К месту трагедии отовсюду стали сбегаться люди. Соколов взглянул на Марию: глаза ее были наполнены слезами.

Толпа покорно расступилась перед женщиной с распущенными волосами. Безумным взглядом обведя хмурые лица людей, мать рухнула на мостовую и припала к ребенку.

— Юрис! Юрис! Кровиночка моя! — она подняла сына на руки.

— Доктора скорей! — потребовал кто-то.

— Не поможет,— мрачно проговорил рослый белокурый латыш и отвернулся, чтобы не видеть лица потрясенной матери.

Соколов почувствовал на плечах чьи-то руки и обернулся. Радостный, неуместный в этот трагический момент возглас, готовый сорваться с губ, он погасил резким кашлем. В толпе, что напирала сзади, стоял Николай Полянский. Он был в клеенчатой матросской куртке с откидным капюшоном и высоких резиновых сапогах. Взгляда было достаточно, чтобы они поняли друг друга.

А улица уже наполнилась треском мотоциклов. Один из прибывших полицейских грубо подтолкнул прикладом автомата окаменевшую от горя женщину:

— Домой! Домой отправляйтесь.

— Не трогай,— потребовал рослый латыш.— Горе у нее, видишь?

Увесистый булыжник, пущенный кем-то, угодил в полицейского, и тот осел на мостовую.

Замелькали дубинки. Толпа откатилась к бульвару.

Соколов с Марией укрылись в каменной нише старинной стены.

— Страшно люблю детей и спокойно не могу переносить чужое горе,— помолчав, сказал Соколов.

— Я так много видела за годы войны, что всех ужасов мне хватит на десятилетия. Сначала переживала. По ночам донимали кошмарные сны. Сейчас чувства притупились. Может быть, у ребенка такая судьба?

— Нет! У этой судьбы есть имя — бесчеловечность!

— Но война!

— Воюют взрослые и воюют на переднем крае...

— Посидим на бульваре. Помолчим вдвоем. Я люблю молчать, когда тяжело.

Марии хотелось продолжать прерванный разговор.

— Нет, Мария, Левченко заждался нас, наверно. Вернемся в кафе.

За столиком, в дальнем углу зала, сиротливо маячила сгорбленная фигура Левченко. Он сидел, подперев ладонью отяжелевшую голову.

На тарелке перед ним лежал надкушенный бутерброд с сыром. Стояла наполовину налитая водкой стопка.

— Сарычев! Друг! — возликовал он, и костлявые плечи встопорщились под серым помятым пиджаком.— Ты вот с Марией гуляешь, а моя незнакомка ушла, с другим ушла! Так-то оно бывает. Никому нельзя верить...

— Выпьем вина? — предложил Соколов.

— За компанию? — спросила Мария лукаво.— Я согласна.

— Вино и за компанию не буду,— изрек Левченко, наливая водку.— Из всех жидкостей я предпочитаю одну. Ваше, нет лучше за мое здоровье!

Широко распахнув зеркальные двери, вошли два матроса в клеенчатых куртках с откидными капюшонами, рослый белокурый латыш и девушка с модно завитыми волосами и ярко накрашенными губами. Один из матросов нарочито громко спросил у метрдотеля:

— Любезный, свободные места имеются? Столик бы на четверых...

Они уселись возле окна, прикрытого сборчатой шторой. Неожиданно к Левченко подошла спутница моря-

ков и, нимало не смущаясь, уселась к нему на колени.

— Здравствуй, котик,— певуче протянула она, обнимая «кавалера» за шею.— Поцелуй меня...

Левченко ошалело посмотрел на Соколова, перевел взгляд на Марию, залпом осушил стопку и, икнув, проговорил:

— Пардон, мадам! Мы где-то встречались с вами? — и вновь икнул.

— С нашими гулять,— пророкотал сзади густой бас.— Не позволю!

Левченко втянул голову в плечи и прикрыл на всякий случай затылок руками.

— Ты хмырь, не опасайся, сейчас не трону,— продолжал обладатель мощного баса.— Но заруби на носу, что Сергей Батов тебя предупредил. С его девушками гулять никто не смеет. Если будешь крутить с ней тайком, то любой малец разыщет меня на портовой набережной и доложит. Понял? — он покрутил перед носом Левченко увесистым кулаком и прикрикнул на женщину: — Пошли! Живо!

— Пусть он меня поцелует! Пусть! — пьяно куражилась та, цепляясь за пиджак Левченко.— Ишь, и узнавать не желает! А я для него...

— Идем, говорю! — матрос легко подхватил женщину на руки.— Нашла красавцев. Мы не хуже этих франтов.

— Хамы,— обронил вслед матросу Левченко.— Но бабочка симпатичная...

Мария по-настоящему развеселилась: ее позабавила сцена, которую разыграла накрашенная девица.

— Вы, оказывается, большой сердцеед! — подзадоривала она Левченко.

— Да-а,— лениво соглашался тот.— Почему-то женщины ко мне льнут,— он поплевал на ладонь и, заглядывая в трюмо, пригладил редкие волосы.— Она мне раньше говорила,— продолжал он врать,— что жених в плавании.

— Мария, мы вас проводим. Левченко, нам пора,— Соколов поднялся и, не оглядываясь, направился к выходу.

СТРЕЛЬБИЩЕ № 47/21

В порту война чувствовалась гораздо сильнее, чем в городе. Опасаясь налетов авиации, страшась нападения подводных лодок-охотников, немцы, несмотря на усиленную морскую охрану и воздушное барражирование, не задерживали подолгу корабли у пирсов. Как только прибывал транспорт, начиналась лихорадка.

Сипло перекликались буксиры. Звонко брянцали звеньями якорные цепи. Жалобно и натужно скрипели тросы корабельных лебедок и подъемных кранов.

Суета и нервозность. Это сразу же заметил Соколов, остановившись у причала, где разгружался широкоскулый «испанский торгаш». Внешне все выглядело, казалось, как в доброе мирное время: металлическая сетка, наполненная продолговатыми ящиками, медленно поднималась из трюма, плавно проплывала над палубой и, раскачиваясь на стреле корабельной лебедки, повисала над причалом. Груз встречали докеры. Отцепив сетку, они легко подхватывали тяжелые ящики, укладывали их на металлические тележки и увозили к военным грузовикам.

Чтобы не так бросаться в глаза, Соколов отошел подальше от причала и прислонился плечом к стене пакгауза, забитого бунтами пеньковых канатов. «Придет ли Николай?» —думал Соколов, наблюдая за худым смуглым матросом в синем берете. Матрос стоял на борту «торгаша» и больше следил за небом, чем за грузом.

В самый разгар спешной выгрузки на причале появился проворный упитанный человек в поношенной, явно чужой одежде. Маскарад выдавал его с головой. Дешевый костюм резко контрастировал с розовыми пухлыми щечками и маслянистыми юркими глазами. Да и руки «докера» говорили о том, что таскать груз ему никогда не приходилось. Соколов стал приглядываться к новичку, стараясь припомнить, где встречал он раньше этого мужчину с короткими в постоянном движении руками и смазливой физиономией удачливого спекулянта. Где-то, без сомнения, они встречались. Но где? В школе? Нет. В кафе «Рим»? Тоже, пожалуй, не там...

А розовощекий сытый «докер» уже развил бурную

деятельность. Он покрикивал на молчаливых кряжистых парней, первым хватался за лебедочный крюк, отцепляя сетку, усердно всей грудью толкал тележку, груженную ящиками.

Когда над причалом повисла очередная порция ящиков, энергичный «докер», неистово размахивая руками, стал выкрикивать невпопад:

— Майна! Эй, на борту! Майна!

Металлическая сетка с ящиками медленно поползла вниз. Вот она остановилась на какое-то мгновение, стала снижаться, и вдруг майор увидел, что стальная петля, стягивающая сетку, медленно соскальзывает с изогнутого запора-крючка.

Вот-вот произойдет несчастье. Соколов хотел было броситься на выручку ничего не подозревавшему человеку, но тот сам заметил опасность и прыжком, которому мог позавидовать любой спортсмен, отскочил к группе докеров. Рослый белокурый латыш сильным ударом в грудь отшвырнул его обратно, под сетку. В эту минуту груз резко переместился вниз. Стальная петля запора просвистела в воздухе. Сетка раскрылась. Посыпались и затрещали ящики. Пронзительный вопль утонул в грохоте и лязге металла: по бетонным плитам разлетелись, матово поблескивая заводской смазкой, винтовки, запасные пулеметные стволы и автоматы.

Соколова удивило то, что равнодушно отнесшиеся к гибели человека докеры, заметив оружие, дружно сгрудились возле разбитых ящиков. Вот пошел по рукам один автомат, а за ним другой... Еще и еще слышались всплески воды. От машин к причалу бежали немцы. Докеры как ни в чем не бывало приступили к работе, но белокурого латыша, который толкнул под сетку энергичного толстячка, среди них уже не было.

Немцы начали расследовать причину гибели докера. Причал запрудили солдаты, полицейские. Прибыл представитель портовой администрации.

Соколов незаметно свернул за угол пакгауза и лицом к лицу столкнулся с белокурым латышом.

— Как здоровье? — спросил тот хрипловатым голосом.

Майор недоуменно посмотрел на него и шагнул в сторону.

— Как здоровье? — настойчиво повторил белокурый, преграждая Соколову путь.

— Начинаю поправляться,—ответил майор, стискивая в кармане рукоятку пистолета. «Стрелять не буду,— решил он про себя.— Обойдусь без пальбы».

— Товарищ командир,— облегченно вздохнув, проговорил белокурый латыш.— Вас ждут. Идите за мной. За пакгаузом нет ни души.

Скоро пакгаузы кончились. Латыш вел Соколова по пустынным причалам. Шел он метрах в пятидесяти впереди майора, который, чтобы не вызывать подозрений, изображал из себя праздношатающегося человека, часто останавливался перед транспортами и, заложив руки за спину, задрав голову вверх, смотрел, как суетятся на палубах матросы, иногда облокачивался на парапет и рассматривал отсвечивающие радужными пятнами мазута, мутные от множества мелких, поднятых со дна песчинок волны. Они яростно налетали на берег, будто пытались сдвинуть его с места и, взбешенные своим бессилием, откатывались с шумом прочь, оставляя на мокрых камнях белые клочья ноздреватой пены.

Из туманной пелены, расстилая по воде густой дым, валивший клубами из скошенных труб, вынырнула пара быстроходных сторожевиков. Вслед за ними на рейде появился караван транспортных судов. Замыкали его эсминцы.

Осталась позади шумная гавань. Попетляв среди пустых пакгаузов, латыш, а за ним и Соколов свернули к обнесенному забором пустырю.

В кустах акации, бурно разросшейся на пустыре, желтели беспорядочно раскиданные рогожные мешки, разбитые ящики и бочки, почерневшие и обуглившиеся от пожара балки. Кое-где зияли темные глубокие воронки с осыпавшимися краями.

Указав майору направление, по которому тот должен был следовать, латыш присел на ящик, заранее, очевидно, поставленный в густых зарослях бурьяна.

Соколов по гнучей доске перешел ров с затхлой водой, обогнул остов сгоревшего пакгауза и увидел Николая.

Полянский, не скрывая радости, бросился навстречу командиру.

— Товарищ майор! Наконец-то!

— Да, Николай, да! — Соколов крепко, по-братски обнял и расцеловал его.— Наконец, Коля! Откровенно, я и надежду потерял. А сердце подсказывало, что выберешься ты из-за колючки,— он то отстранял от себя Николая на расстояние вытянутых рук, то вновь привлекал его к себе, ласково похлопывая по широкой спине.— Вырвался из застенка! Где Борис Великанов? Где Алиев? А этот белокурый парень, что сопровождал меня сейчас, тоже из лагеря? Я его что-то не встречал там.

— Янис? Нет, товарищ майор. Янис — здешний. Его мне командир партизанского отряда Лузин рекомендовал, чтобы чувствовали мы себя в Риге уверенно. Янис — парень храбрый, смекалистый и надежный.

— В этом я, Николай, уже убедился. Ну, рассказывай-ка все по порядку. Из концлагеря вы вырвались...

Николай свел к переносице крутые брови.

— Из лагеря ушли многие. И Алиев тоже. Борису не... Убили Бориса, товарищ майор, на свободе убили, в том самом овраге за каменоломнями. Наугад стреляли сволочи и попали. Надо же было...

Слушая Полянского, Соколов низко опустил голову.

— Ровно кусок сердца моего отрезали,— глухо продолжал Николай.— На самое святое грязным сапогом наступили. До последнего дня Борис писал стихи. Лежит на нарах, бубнит что-то вполголоса, а потом толкнет в бок и шепотком: «Коля, слушай новые стихи...»

Последовала продолжительная пауза. В этом тягостном молчании была глубокая человеческая скорбь. Вызванные нехитрым рассказом Полянского воспоминания порождали в сознании майора картины лагерной толчеи, злобные физиономии охранников и ощеренные морды овчарок, ночные обыски, изможденные лица друзей по несчастью.

— Известно ли Центру о нашем решении? — спросил, наконец, Соколов.

— Одобрил Центр,— Полянский взглянул на командира.— Шифровку подписал сам Силин. Партизанскому отряду Лузина приказано наладить и поддерживать с нами контакт. Короче, на нас они работать будут. На связь назначены Токарев, Сазонова, ну та, что сади-

лась вашему соседу на колени и... Жив Демьян-то Федотов. В отряде Лузина отыскался. Его тогда под Ключами кто-то оглушил ударом по голове и оставил в бурьяне возле заводских развалин. Он сам расскажет при случае, как все произошло,— Николай заметно оживился.— Здорово у Демьяна тогда получилось.

— Отлично, Николай! Теперь нам надо с тобой договориться. Звание мое забудь. Не станешь же ты меня при всех майором именовать. Сцен, подобных той, какую вы разыграли в кафе, больше не устраивать: грубо. И еще учти, матросы и рыбаки редко посещают «Рим»... Как устроились в Риге?

— Числимся в рыбаках. Документы подлинные. Галине обещал Янис надежную квартиру в городе подыскать. На той квартире и будем встречаться.

Узнав, что дела у группы связи обстоят благополучно, Соколов коротко сообщил:

— Ну, а я — в той самой секретной школе. Часто бываю в городе с человеком, которого ты видел в кафе. Фамилия Левченко.

— Тот вербовщик? Не соврал он, значит?

— Да.

— Повезло нам. Заметил бы он меня в лагере, рухнуло бы все.

— Поэтому я предупреждаю тебя. И еще, Николай, появился у меня влиятельный покровитель. Только не знаю, надолго ли? Пока нет никаких оснований для беспокойства. Проверки, говорят, прошел успешно.

— Проверки? — Николай рассматривал посуровевшего за время разлуки командира. Сильно изменился он. Четкие морщины выступили вокруг глаз, скобками охватывали рот. Кожа на лице и шрамах огрубела, потемнела.

А Соколов за несколько секунд словно заново пережил предпринятую Крафтом последнюю проверку-экзамен. Она не могла изгладиться из памяти.

...Глубокой ночью Соколова вызвали к гауптману. Он пригласил его сесть поближе, достал из громоздкого сейфа топографическую карту и, аккуратно развернув ее на столе перед собой, взял карандаш.

— Двести пятьдесят шестой,— многозначительно и чуть, как показалось Соколову, насмешливо произнес он, щурясь от яркого света настольной лампы.— Настал

час показать на деле преданность фюреру. Срочно, очень срочно! А теперь смотрите сюда, слушайте и запоминайте. В этом районе,— он обвел карандашом обширный лесной массив,— русские сосредоточили крупные бронетанковые и стрелковые части. Нам известно, что через шесть, максимум семь дней они предпримут попытку форсировать вот этот водный рубеж. Как видите, чтобы совершить молниеносный бросок, враг должен воспользоваться двумя мостами, расположенными на своей территории. Вот этим и этим. Ваша задача подорвать оба моста.

— Есть! — Соколов поднялся.

— Вы возглавите группу в составе Левченко, Ухова и Остапенко. Вы несете ответственность за все. Взрывчатку, оружие, рацию и другие необходимые вам вещи получите немедленно на складе. Выполнив задание, возвращайтесь обратно. Радист Ухов знает, на каких волнах поддерживать с нами связь. Задача понятна?

— Да.

— Сутки на подготовку. Я буду сопровождать до места выброски. Идите.

На пригородный аэродром группу доставила комендантская машина. Надев парашюты, диверсанты выстроились под крылом «юнкерса». Гауптман представил Соколова как старшего и скомандовал посадку. Самолет поднялся в воздух. Рокот моторов заглушал голоса, и поэтому все молчали. «Жаль, что не удалось довести дело до конца,— размышлял Соколов.— Только почувствовал уверенность в успехе и — на тебе... Неожиданность. Может быть, в этой неожиданности есть свои преимущества. Собрал группу разных людей и без предварительной подготовки в дело. Люди, боясь друг друга, на все пойдут, все выполнят... И все же я не без пользы провел время в диверсионной школе...»

— Приготовиться! — крикнул, перекрывая гул моторов, Крафт и сам распахнул в фюзеляже люк.

Из черного провала повеяло холодом. Ухов с опаской приблизился к люку, поправил на груди рацию и, зажмурив глаза, шагнул в пустоту. За ним выпрыгнул Остапенко. Левченко замешкался в дальнем отсеке, вытаскивая груз взрывчатки.

— Левченко! — крикнул гауптман.— Поторапливай-

тесь, Левченко. Я назначаю вас заместителем Сарычева.

Майор выбросил из люка ящики со взрывчаткой. Махнул рукой заробевшему перед прыжком Левченко и взялся за вытяжное кольцо.

— За группу отвечаете вы,— еще раз повторил Соколову Крафт.— Запомнили указания? С богом!

— Я выполню все! — Соколов, чуть пригнувшись, покинул самолет.

Немного покружив по лесу, майор собрал группу, подсвечивая фонариком, открыл полевую сумку и... не обнаружил карты.

— Левченко, где карта?

— Что ты,— уныло промямлил тот,— карту Крафт тебе вручил.

— Да, да,— поспешно согласился Соколов, решив не говорить подчиненным о потере: «Так, пожалуй, будет лучше».

— Нашел карту? Нашел? — спросил Левченко.— Порядок. Слушай, Сарычев, может быть... ну ее к черту, Великую Германию! Пусть Гитлер сам воюет! Давай заберемся в деревеньку поглуше и отсидимся. Как?

Остапенко и Ухов с интересом и явным одобрением прислушивались к его словам.

— Отсидеться хочешь? — грубо проговорил Соколов.— Не выйдет! Я диверсант двести пятьдесят шесть, ты — триста второй, Ухов — сотый, а Остапенко...— майор умышленно называл номера.

— Да, дела-а,— глухо выдавил Остапенко.— А если?..— он посмотрел на Соколова тяжелым взглядом и замолчал на полуслове.

— «Если» отставить! — вызывающе приказал Соколов.— Пошли! Ухов и Остапенко поочередно несут рацию! Левченко — взрывчатку. Я — провиант.— Майор повел группу через бурелом. «Куда исчезла карта?..— думал он.— Почему Крафт проделал все это так скоропалительно?»

Боязно шагать лесом в полумраке по бездорожью. Каждый пень или корень кажутся притаившимся человеком.

Когда стало совсем светло, в кустах устроили дневку. Расположились так, чтобы сразу же при случае нападения можно было бы занять круговую оборо-

ну. Ухов, повозившись немного, настроил рацию на нужную волну и вызвал Крафта.

Гауптман поздравил Соколова с благополучным началом операции и порекомендовал действовать решительно и быстро.

— Возвращайтесь поскорее,— почему-то взволнованно приказал он.— В квадрате сорок четыре немецкие войска предупреждены о вашем возможном появлении. Пароль «Гамбург».

Ухов свернул рацию.

«Квадрат сорок четыре,— думал майор.— Неужели я обронил карту во время прыжка?»

Пообедали галетами и пресным соевым шоколадом. Подремали до вечера, дежуря по очереди. В сумерках Соколов разбудил всех. Поеживаясь, Ухов и Остапенко упаковывали рацию. Левченко, приплясывая, закинул за спину ящик со взрывчаткой. Соколов сложил остатки провизии в рюкзак, сориентировался и повел группу на восток. Обойдя излучину какой-то речки, они углубились в лес и сразу же заметили меж стволами людей.

— Кто-то идет. И не один идет...— зашептал Левченко, распластавшись на земле.— Пар-ти-за-ны...

— Слушай, Сарычев,— низко пригнувшись, проговорил Ухов,— не вздумай сопротивляться.

— Ложись! — зло выкрикнул Соколов.— Ложись... тебе говорят! К бою!

— Не надо стрелять, Сарычев! — скулил, не переставая, Левченко.— Давай поднимем руки! Придем к партизанам и скажем, что из немецкого плена бежали. Давай, Сарычев...

В ответ на это Соколов спокойно вскинул пистолет и поймал на мушку ближайшую фигуру. Он еще не решался стрелять. Люди шли цепью, но слишком по-уставному. Точные интервалы, одинаково изготовленные к бою автоматы, даже ноги выбрасывались вперед, словно по команде, одновременно. «Муштра. Не люди, механизмы,— мелькнуло в голове у Соколова.— Неужели гитлеровцы?.. По времени, которое мы находились в воздухе, самолет перелетел линию фронта. Карта? Усмешка гауптмана? Неожиданное задание без подготовки. Последняя беседа со Штаубергом... А время в воздухе? Да, но самолет мог сделать круг...» Соколов выстрелил, фигура покачнулась, упала.

— Не стреляй,— крикнул, вскакивая и бросаясь на Соколова, Ухов.— Ей!..

Майор увернулся от жилистых пальцев разъяренного Ухова, привстал и рукояткой пистолета ударил радиста в висок. Ухов обмяк.

— Приведи его в себя,— приказал Соколов, полуобернувшись к Остапенко.— И не вздумай валять дурака.

Из-за коряги кто-то прокричал:

— Мы партизаны! Кто вы?

— Ответь, что военнопленные, — плаксиво ныл Левченко.— Сарычев, перейдем к ним, перейдем. Убьют ведь.

— Сдавайтесь! — опять прокричали из-за коряги.— Гарантируем жизнь и свободу. Вы русские?

— Русские,— откликнулся Соколов.— Но служим Великой Германии,— и опять выстрелил.

Странным было то, что, обладая численным превосходством, партизаны вели себя не по-русски, слишком боязливо, даже не стреляли.

— Гранаты к бою! — громко подал команду Соколов и, приподнявшись над кустами, выдернул из лимонки кольцо.

И тогда только, наконец, из сгустившейся темноты донеслись слова, которых уже с уверенностью ждал он.

— Двести пятьдесят шестой, приказываю прекратить стрельбу. Ваша группа находится в расположении частей генерала Крюгеля.

— Пароль?

— Гамбург!

Соколов швырнул гранату в другую сторону и, когда в буреломе ахнул взрыв, спокойно вывел из укрытия потрясенных всем происшедшим диверсантов.

Еще одна проверка ничего не принесла гауптману Крафту. Зато майор заполучил троих. Судьбы их были теперь в его руках.

...Николай старался ничем не помешать углубившемуся в раздумье командиру, а когда тот, стряхнув неприятный груз воспоминаний, достал сигарету и закурил, коротко доложил о том, что, изучая окрестности Вецаки, группа случайно встретила на дороге мотоциклиста, который оказался фельдъегерем и вез в школу пакет с приказом какого-то оберста Мюллера. В при-

казе точно обозначены примерный район и срок открытия стрельбища № 47/21.

— Плохо,— сказал Соколов.— Еще связь не установили, а приключений у вас хоть отбавляй. Надеюсь, без приказа вы больше на такие дела не рискнете идти? Нельзя, Николай, рисковать. Где раздобыли мундиры?

— У Яниса есть друзья...

— Понятно. А со стрельбищем... Раз мы проникли в секрет нацистов, надо будет воспользоваться этим. Ваша задача, Николай, проследить, где будет стрельбище. Постарайтесь отбить у них охоту к подобным экспериментам. Подключите к операции через Яниса латышей. Они народ храбрый. И Мюллер на открытие прибудет? Организуй наблюдение за школой. Инженерную команду предполагается разместить у нас. Надо бы, Николай, дождаться, когда они закончат строительство, и произвести на щитах замену. Сделаете? Отлично. В отряд перешлите вот это.— Майор подал Николаю костяной мундштук.— До встречи. Я постараюсь бывать в кафе по пятницам. Тебе, Николай, и Михаилу с Демьяном ходить туда не рекомендую: все русские вызывают у немцев подозрение. На связь в кафе посылайте Яниса либо Галину. Пароль прежний. Не провожай. Проследите с Янисом вместе, нет ли за мной «хвоста».

Левченко ждал майора у входа в кафе. Прислонившись к рекламному щиту, он смотрел на размалеванную ядовито-прекрасную, сияющую белозубой улыбкой физиономию очередной кинозвезды и курил.

— Взгрустнул? — шутливо проговорил Соколов, подходя к нему сзади.— Выпить не на что?

— Сарычев! А я тебя, как манну небесную...— вздрогнул тот.— Такое дело...— Левченко отвел его подальше от распахнутых окон кафе и сбивчиво объяснил: — Приказано немедленно возвращаться в школу...

— Раз надо, поедем,— невозмутимо встретил известие Соколов.

Левченко помешкал и заискивающе попросил:

— Дай пятьдесят марок? Забегу перед дорогой. Приму для профилактики...

— Пьешь много,— Соколов отсчитал деньги.

— Пью? — Левченко сник.— Совесть — чертова пе-

речница. Глушу, глушу ее. Эх, да не стоит зря рассусоливать. Все равно рано или поздно...

Секретное предписание принесло Крафту много хлопот: слишком короткие сроки давал оберст Мюллер на его выполнение. Работы должны были проводиться втайне. А ее нелегко сохранить на оккупированной территории. Для специальной саперной команды в школе выделили помещение. Инженер Гельбрихт устроился во флигеле Крафта. Несколько дней он вместе с гауптманом выезжал на рекогносцировку.

Саперы торопились выполнить предписание оберста Мюллера и сдать к сроку стрельбище под условным номером 47/21. Гельбрихт оказался на редкость неуживчивым и строптивым человеком. Он требовал от Крафта то материалов, то дополнительных автомашин. Гауптман нервничал, срывал злобу на подчиненных. Даже офицеры избегали с ним встреч. После занятий все расходились, и школа погружалась в сонную тишину.

Как-то к Соколову заглянул подвыпивший Левченко.

— Здравствуй, Сарычев! — поздоровался он с порога.— Выйдем на крыльцо.

— Спать собираюсь, — майор сладко потянулся. — Да и рассиживать по вечерам не имею привычки.

— Пойдем. Ночь длинная — выспишься.

Они уселись на ступеньках крыльца. В вечерних сгустившихся сумерках шелестели на ветру листья клена, вяло перепархивали сонные пичужки. Солнце давно скрылось, но небо на западе все еще играло радужными оттенками заката. Огненно-красная полоса постепенно выцветала. Из розовой становилась бледно-розовой, потом золотистой и, наконец, белой с голубоватым отливом.

Соколов, запрокинув голову, долго смотрел сквозь листву на темнеющее небо, где едва различимо мерцали звезды, и думал о том, что вот уже вторую неделю не может попасть в город: Крафт отменил увольнительные. Выполнил ли Николай поручение? Удалось ли группе разыскать стрельбище? Все это сильно тревожило майора. Наконец, повернувшись к Левченко, он сказал:

— Хороша природа. Особенно восходы и закаты. Победим, обязательно сюда, на взморье, отдохнуть приеду.

— Это еще либо будет, либо нет... Повремени, Сарычев, со взморьем. Из Берлина какой-то Мюллер прибыл. Крафт перед ним так и стелется, так и стелется. Побыл здесь, потолковал и, будьте здоровы, в Ригу катанул.

— Мюллер? Ну и что?

— Был я в Риге. Переполох там из-за этой персоны...— Левченко выругался.— В кафе, как в воровской малине, гестаповцы шмон устроили. Еле вырвался...

— Но выпить все-таки успел,— вставил Соколов.— Одолел все препоны. Ловкач ты!

— И выпить, и...— Левченко самодовольно расплылся.— Встретился с моряковой девчонкой. Сама подсела. «Грустно, спрашивает, в одиночестве?» Конечно, говорю. А она: «Не грусти, все будет хорошо. Кавалер мой из удачного плавания вернулся, загулял. Нам с тобой надо пользоваться моментом». Только сговорился с ней, а тут облава.

— Ты — дай бог ноги! — усмехнулся Соколов, еще раз повторяя про себя полученную через Левченко информацию Галины Сазоновой: «Удалось плавание! Отлично, ребята!»

— Бегать мне от них нечего было. Я поручение Крафта выполнял, в управлении был. Чувствую я, Сарычев, опять какое-то пакостное дело назревает. Мюллер — чин. Горбачев по секрету рассказал, что под резиденцию оберста особняк на берегу озера отвели.

— Стоило из-за этого меня тревожить,— Соколов притворно зевнул и поднялся.— Пойду спать.

Но поспать не удалось. За полночь его подняли с кровати. Густой, непроглядный мрак окутывал двор и строения. У ворот, в тусклой полосе света от электрической лампочки, прикрепленной над входом в сторожевую будку, стояла крытая машина. Возле топтался Левченко.

— Я говорил. Едем куда-то,— встретил он Соколова свистящим шепотом.— А куда... У всех будто языки поприлипали. Не говорят. Горбачев и тот ни гу-гу.

— Полезем в машину? — предложил Соколов.

— Команды еще не было.

От флигеля приближались двое. В высокой фигуре сразу же угадывался гауптман. Низкая, плотная гудела баритоном. Это был, очевидно, кто-то поважнее: Крафт отвечал на вопросы почтительно и лаконично.

— Как щиты? — спрашивал баритон.

— Безотказно, герр оберст.

— С нами едут?

— Двое, герр оберст!

— А третий щит?

— Хочу показать пример, герр оберст!

— Похвально, Крафт. Распоряжайтесь!

«Черная Берта» выехала на дорогу.

— В неизвестность отплываем,— с горькой иронией обронил Левченко, разминая сигарету. Руки у него тряслись. Он никак не мог прикурить. Спички ломались, гасли.— Сарычев,— приглушенно заговорил он.— Ходят слухи, будто Донбасс отвоеван. Красная Армия к Днепру подошла. Из верных источников знаю. Радист Москву позавчера поймал. Говорят, что...

Сноп яркого света от фар идущей сзади машины ударил в зарешеченную дверь, осветил внутренность короба.

Левченко сидел сгорбясь. Вид у него был жалкий. Протяжно запел автомобильный сигнал. Левченко на слух определил:

— Крафтовский «хорьх» обгоняет.

Резко свернув к обочине, «черная Берта» врезалась в кювет. Левченко ударился о кабину. Соколов, почувствовав крен, вцепился в борт и едва удержался на месте.

— Втюрились,— чертыхнулся Левченко.— Могли бы и перевернуться.

Шофер, заглушив мотор, выпрыгнул на дорогу, обошел вокруг машины, поочередно стукнув зачем-то кованым сапогом по каждому скату, открыл ящик с запчастями, достал саперную лопату и громко позвал пассажиров.

Ночь редела. С обеих сторон дороги вырисовывались смутные контуры деревьев. «Взморье... где взморье?..— старался сориентироваться Соколов.— Оно осталось слева. Мы свернули на восток». Предутренняя прохлада давала о себе знать неприятным ознобом. Левченко, скрючившись, приткнулся к машине с подветренной

стороны и, казалось, вот-вот зайдется от холода. На кончике его крючковатого носа повисла прозрачная капля.

Шофер и сопровождающий, отчаянно жестикулируя, переругивались. Послали Левченко наломать в лесу валежин, чтоб подложить под колеса. Левченко нерешительно перепрыгнул кювет и, трусливо озираясь, медленно побрел в сосняк. Вернулся он быстро, почти бегом, с охапкой хвороста. Шофер взглянул на них и сплюнул:

— Шлехт! Пльехо! Дериево! Гут!

Тогда в лес пошел Соколов. Он принес две тонкие лесины, заступом разрубил их на части, подложил под колеса.

— Давай! — крикнул шоферу.

Надсадно завыл мотор. «Черная Берта» дергалась то вперед, то назад. Рубчатые шины ее крошили дерево, ломали сучья, выбрасывали мелкие камни, песок.

— Не выкарабкаться без буксира,— кисло заметил Левченко.— Трактор надо...

В это время вдали на дороге показалась машина. Горящие фары ее с трудом пробивали молочный туман. Поравнявшись с «черной Бертой», грузовик остановился. Рослый, широкоплечий латыш при виде Соколова, освещенного светом фар, выскочил из машины, громко спросил по-немецки:

— Помочь?

— Да, да! — с готовностью пригласил шофер.

— Попробуем вытащить,— распорядился латыш.

Левченко и сопровождающий заняли места у радиатора, приноравливаясь, как бы половчее толкнуть автомобиль, Соколов с латышом отошли за кузов. Янис, а это был он, вполголоса, переходя на русский, доложил:

— Приказ выполнен. Вам известие было послано через этого болтуна. Передал?

— Да, смысл я понял. А вы как здесь оказались?

— Провиант в армейские склады возим. Выполняю поручение, разведываю подступы к складам. Грузчик! А со стрельбищем... Если придется, можете стрелять наверняка. Сведения Центром получены. Рекомендуют действовать сообразно обстановке... Давай! Нажимай! — прокричал он по-немецки.— Наваливайся! В Ригу

прибыл оберст Мюллер,— сказал Соколов.— Резиденция его в особняке на берегу какого-то озера. Оно находится где-то поблизости.

— Знаем! — ответил Янис по-немецки. — Эй, что вы там? Толкайте!.. До стрельбища еще минут сорок езды,— шепнул он Соколову.— Будем ждать вас, как и прежде, по пятницам.

— Вкопало ее, что ли,— громко пожаловался Левченко, появляясь из-за кузова.— Застряли прочно!

Латыш прошел вперед, отстранил солдата, плечом уперся в радиатор, ногами в твердый скос кювета и крикнул:

— Давай!

Бешено завертелись колеса. «Черная Берта» содрогнулась, дернулась на месте несколько раз и стремительно выехала на шоссе.

Впереди засияли огненные пятна: приближался автомобиль. Неожиданный помощник быстро уселся рядом с водителем, и грузовик, набирая скорость, исчез в направлении города. «Черная Берта» не успела проехать и ста шагов, как перед ней резко затормозил «хорьх».

— Почему отстали? — приоткрыл дверцу Крафт.

Шофер мигал, не отвечая, растерялся. Гауптман побесновался и, пропустив «черную Берту» вперед, тронул «хорьх» следом. Машины, въехав в чащу леса, юлили по влажной от росы проселочной дороге, огибая деревья. К оврагу добрались ранним утром. Оставив автомобили наверху, по врытым в склоне ступеням спустились на ровную утрамбованную площадку. У крутояра виднелись одна возле другой три мишени — дощатые щиты метра два высотой и метр шириной.

— Разрешите начать, герр оберст? — спросил Крафт.

Тот, рассерженный непредвиденной задержкой, нетерпеливо взмахнул перчаткой.

— Возьмите оружие, — Соколов и Левченко получили по «парабеллуму»: — Левченко — правая мишень! Сарычев — средняя. Левая, крайняя,— моя!

...Разве дрогнет рука стреляющего по мишени? Конечно, нет! Ведь он знает, куда попадет пуля. Один человек из стреляющих, стиснув рукоять пистолета,

знал наверняка, куда попадет пуля, и старательно ловил на мушку «яблочко». Этим человеком был не гауптман, а Соколов. Он знал, что можно стрелять смело. Правда, ни Галина, ни Янис не успели сообщить ему подробностей. А они были очень важными.

...Мюллер, прибывший с особыми полномочиями из Берлина, внес небывалое оживление в деятельность гитлеровцев. Адъютант оберста Штимм не спешил, направляясь в резиденцию Мюллера. У адъютанта было превосходное настроение. Иногда он останавливался, заглядываясь на девушек. Внимание его привлек автомобиль на середине мостовой. Откинув капот, рослый латыш громко ругался, копаясь в моторе. Штимм поравнялся с лимузином, собрался было шагнуть с тротуара на брусчатку, в тот же миг кто-то широкой ладонью зажал ему рот, поднял на руки и, не успел адъютант вскрикнуть, как шофер опустил крышку капота, распахнул дверцу и захлопнул ее за «пассажиром». Мотор фыркнул. Замелькали крыши домов...

Помощник генерал-майора полиции Шредера Герман фон Лухт только что принял ванну. Кутаясь в махровый халат, он ощущал во всем теле блаженную негу. Раздался звонок. Фон Лухт откинул дверную цепочку... Через полчаса лимузин, миновав пригород, мчал скрученного Германа фон Лухта в сторону взморья.

Екаб Селис в этот вечер забрел в рабочий поселок. Офицер тайной полиции «посоветовал» Екабу заинтересоваться одним домом. Долго бродил Селис вокруг и, наконец, нашел-таки щель. В нее увидел целое собрание. Обрадованно шмыгнул за угол и попал в крепкие объятия коренастого парня, с седой прядью над круто изогнутой бровью...

Соколов не мог промахнуться, стреляя в любую из трех мишеней. Он посмотрел на кромку оврага. Часовые исчезли. Оберст замер в стороне, но по тому, как терзал он перчатку, чувствовалось его внутреннее напряжение. Прозвучал нестройный залп. Еще и еще один. Мюллер, а за ним Крафт, Соколов и Левченко пошли к мишеням.

— Гауптман, вы превосходный стрелок,— сияющий оберст восхищенно рассматривал изрешеченную пулями десятку.

Мишень Соколова поразила его еще больше. В центре черного яблока было всего лишь одно отверстие, по размеру которого угадывалась снайперская хватка стрелка.

— Твердая рука и верный глаз,— сказал со злорадной усмешкой Мюллер, нажимая носком сапога педаль возле щита.

Щит бесшумно повернулся обратной стороной.

Могли ли Мюллер и Крафт предполагать такое! Вместо человека, расстрел которого должен был накрепко привязать будущего диверсанта к абверу, перед ним был мертвый Герман фон Лухт. На простреленной груди его висела картонная табличка с лаконичной надписью: «Смерть гадам!»

Выйдя из оцепенения, оберст и гауптман кинулись ко второму, третьему щитам...

— Штимм, Лухт, Штимм, Лухт...— болезненно бормотал Крафт побелевшими губами.

МЮЛЛЕР В БЕРЛИН НЕ ВЕРНЕТСЯ

«Рим» — шумное кафе, шумное и слишком людное. Здесь можно встретиться, плотно покушать, переброситься несколькими фразами, но не больше: в пьяном угаре, в табачном сизом дыму, сквозь который с трудом различимы посоловевшие физиономии, много ушей и глаз. Они слышат. Они видят. Они подмечают. Невозможно под неослабным наблюдением филеров, под их косыми вроде бы безучастными взглядами побеседовать откровенно.

Для встреч с командиром группы Янис подыскал небольшой домик на окраине. Соколов пока еще не знал об этом. Чтобы передать ему адрес новой явки, Галина Сазонова по вечерам приходила в кафе.

Со дня короткого свидания на дороге к стрельбищу 47/21 истекло уже более двух недель, а Соколов не имел возможности вырваться в Ригу. Весь персонал школы, включая и офицерский состав, был переведен на строгий режим. Некоторое послабление Крафт допустил лишь в отношении Соколова и Левченко: разрешил встречаться друг с другом. Иногда к ним присоединялся Горбачев. Потирая сухонькие ладони, денщик говорил и поводил острым носом, словно принюхивался к тому, что сказал, и к тому, что ему отвечают. Через него майор получил тревожное известие: Мюллер категорически требует ликвидации свидетелей провала его замысла со стрельбищем, но заступничество фон Штауберга и еще какого-то высокопоставленного лица из Берлина мешает расправе.

Угроза нависла и над Крафтом. Оберст Мюллер считал его виновником провала так хорошо продуманной и разработанной операции. Но фон Штауберг, оперируя наспех сфабрикованными им же самим фактами, доказывал, что о стрельбище проболтались лица из окружения Мюллера. Надо заметить, что между оберстами издавна велась скрытая борьба. Здесь, в Риге, она достигла апогея.

Весть, полученная от Горбачева, не на шутку озаботила Соколова. Он знал, что у Мюллера кроме официальных найдутся другие пути и возможности, чтобы

исполнить свой замысел. Левченко бродил за майором по пятам: после истории с выбросом в «глубокий советский тыл» он прямо-таки раболепствовал перед ним и готов был выполнить любое поручение.

Ночью выпал небольшой дождик, прихватил пыль на проселке и песок на садовых дорожках тонкой хрупкой коркой. Она ломалась под ногами, как фарфор, угловато и мелко. Влажный ветер шелестел в не обогретой солнцем и еще мокрой листве деревьев. Соколов только что побрился, умылся и, одевшись, собрался в столовую на завтрак, но по коридору гулко простучали шаги, и в комнате появился сияющий Левченко. Выбивая стоптанными каблуками потрепанных желтых штиблет чечетку, он несколько раз пропел:

— Получил... получил... получил...— и разжал кулак, которым до этого размахивал над прилизанной головой.

Соколов увидел бумажки, сложенные пополам, и, словно не догадываясь о причине столь бурного ликования, спросил:

— Поздравительные телеграммы!

— Ты всегда так! — Левченко плюхнулся на стул.— Ничем не проймешь. На кой черт телеграммы? — его вновь захлестнула волна радости.— Сарычев! Сегодня в Ригу едем! Иду я по двору, а навстречу... кто бы ты думал?

— Бог в форме немецкого офицера!

— Ха-ха-ха! Это, пожалуй, точно! Крафт. Сапоги начищены, в руках парадный стек... Тук-тук-тук... по голенищу. Я уж было за угол юркнуть хотел, а он вежливо подозвал меня и говорит: «Много тебе и Сарычеву пришлось перенести в эти дни. Отдохнуть вам надо. Разрешаю увольнение в город». Только сперва в комендатуру велел заглянуть, подписку дать. О чем, ты сам, должно быть, понял... Эх, и напьюсь я сегодня! Собирайся! — И запел, фальшивя на каждой ноте:

Мария, Машенька — цветочек мой!
Сегодня отдан я тебе одной...

— Может быть, отложим поездку,— с каким-то равнодушием предложил Соколов,— повременим?

— Ты белены объелся! — Левченко изумленно вытаращил глаза.— Вдруг передумают. Не-е-ет! Одевайся и — в путь! В Риге и позавтракаем.

Первым, кого они повстречали в кафе «Рим», был давний приятель Левченко — «беженец из России» Сластин — артист эстрады. Завидев «дружка», артист соскочил с подмостков и подсел к столику, за которым прочно обосновались Левченко и Соколов.

— С прибытием,— поздоровался артист, небрежным театральным жестом откинув с плоского лба прядь жирных волос.— В командировку ездил?

— В деловую,— подленько хихикнул Левченко и отстукал черенком столового ножа плясовую.— Спой, Сластин, для нас! А для усиления твоего бархатного баритона...— он взял бутылку, наполнил водкой рюмки и чокнулся: — Будем!

— Девочка частенько здесь появляется,— аппетитно закусывая, сообщил певец.— Тоскует.

— Та, что с моряком была?

— Симпатичная такая. Та, что во время облавы тебя обнадеживала. Скажи ей, чтобы губы так безобразно не красила: вульгарно,— Сластин подцепил на вилку маринованный гриб, оглядел его, словно был это не гриб, а невесть что и с удовольствием съел.

— Дела-а, Левченко,— поддержал разговор Соколов.— Нужно ли доказывать теперь, что ты мужчина видный. Каждый день женщина ходила, встречи искала...

Левченко всерьез расчувствовался и, полуобняв за плечи певца, все заглядывал ему в глаза:

— Спой песню о безответной любви! Уважить прошу, маэстро! Спой!

Сластин запел прямо за столиком:

Я тебя обожал,
Целовал твои плечи.
Все прощал я тебе,
Беспробудно любя...

— А, Сарычев! Вот, брат. Ха-ха! — Левчнеко, пьянея, что есть силы бил в ладоши.— Браво!

И в этот момент Соколов увидел в дверях сначала озабоченное, а затем сразу просветлевшее лицо Галины Сазоновой. Низкорослый широкоплечий матрос, не оборачиваясь к девушке, сказал ей что-то и прошел к стойке.

— А я тебя потеряла! — издали улыбаясь сразу присмиревшему Левченко, певуче проговорила Галина

и направилась прямехонько к его стулу.— Пододвинься... Нет, нет. Я сяду к тебе на колени. Докладывай теперь по порядку. Где развлекался?

Левченко засопел виновато, пряча от Соколова глаза.

— Уж и развлекался...

— Не сердись, не сердись... Я очень разыскивала тебя, очень... Симпатичные офицеры, которые увели меня в тот день, были гораздо любезней, чем ты. Проверили документы и отпустили. Я вернулась, а столик уже пуст,— она тараторила без умолку, перескакивая с одного на другое.— Четвертую неделю тебя жду, ой, третью! А какое вино привез мне моряк! Сладкое, сладкое! И голова от него ужасно кружится. В субботу день рождения мой справляли. Я во вторник и четверг тебя здесь по два часа караулила: пригласить хотела.

Сластин недоверчиво усмехнулся, косясь на Левченко.

— Меня бы прихватили, мадам,— сказал он.

— Можно,— простодушно согласилась Галина,— у меня подружки есть. Только сегодня пригласить не могу: квартиру у меня отобрали. Из Германии кто-то к хозяевам приехал. Я к подружкам в Задвинье на время перебралась.

Из ее «беззаботной» болтовни Соколов понял, что его ждут по вторникам, четвергам и субботам в два часа дня, что место встречи — загородный дом в Задвинье, что старая явка известна немцам.

— Подтверждаю безупречное поведение вашего кавалера,— вмешался в разговор Соколов и заслужил полный признательности взгляд Левченко.— Он мне прожужжал все уши о свидании с вами. Дела нас немного задержали. Теперь вы сможете встречаться часто...

Коренастый матрос у стойки расплатился за пиво и вразвалку направился к выходу. Столкнувшись в дверях с женщиной, в которой Соколов узнал Марию, матрос пропустил ее и быстро пересек улицу.

Соколов поднялся из-за стола и, приветливо помахав рукой, пошел навстречу Марии.

Галина тем временем звонко чмокнула Левченко в щеку и упорхнула.

— Как же мы договоримся? — устремился за ней Левченко.— Когда будем отмечать новоселье?

— На днях! — рассмеялась она с порога.

Сластин, оставив недопитую рюмку, шмыгнул служебной лестницей на кухню, как он сказал, за деликатесами.

Усадив Марию рядом, Соколов смотрел и смотрел на поблекшее, усталое лицо с едва заметными морщинками, на грустные глаза.

— Я прихворнула немного,— как бы оправдываясь, сказала Мария.

— И серьезно?

— Простуда. Сегодня чувствую себя более или менее сносно.

Левченко, проводив Галину и не разыскав Сластина, вернулся к столику и теперь мешал им. Мария, видя, что разговор не клеится, предложила пойти в ресторан «ОУК» потанцевать.

— А я? — спросил Левченко.

— Пойдем. Не скучать же тебе здесь,— ответил Соколов.

По дороге в ресторан Соколов опять завел с Марией разговор о дружбе. Если раньше, когда майор был вынужден искать верного человека для того, чтобы наладить связь с Центром, Мария была ему необходима не только как товарищ, как подруга, но и как связная, в надежности которой он не сомневался, то теперь некоторые весьма подозрительные действия со стороны Сластина и агентов, постоянно следивших за членами группы, а может быть, и за самим Соколовым, вынудили его пойти на этот пусть и суровый, но совершенно необходимый шаг,— проверку Ворониной.

— Мария! — Соколов искоса посмотрел на спутницу.— Вы помните наш разговор о верности?

— Разговор? — брови Марии удивленно взметнулись.— О верности?

— Да. Тот самый разговор...

— Аа-а...— Мария облегченно вздохнула и рассмеялась.— А я разве неверна? — в лукавом взгляде, которым она одарила майора, чувствовался немой укор.— Неужели кто-то и что-то сказал?

— Нет, Мария! Нет. Я веду речь о деле, что под силу только женщине. В данном случае, конечно!

— Для вас... для тебя я согласна на все! — она прильнула к Соколову.— На все!

— Видишь ли? — майор замялся: «говорить или не говорить?» То, что хотел сказать Соколов своей спутнице, могло либо разлучить их навсегда, либо...— Видишь ли, Мария,— еще раз проговорил майор, умышленно подчеркивая «ты».— Я как-то объяснял тебе о работе, которую мне приходится выполнять... Я работаю на немцев.

Как и ожидал Соколов, Мария отпрянула от него, с каким-то испугом окинула его гневным взглядом с ног до головы и свистящим шепотом переспросила:

— На немцев?

— Да, Мария,— Соколов низко опустил голову.

— Так чего же ты хочешь от меня? — в этом вопросе звучали одновременно вызов и презрение.

— Дружбы,— просто ответил майор.

— Нет! — почти выкрикнула Мария.

— Сарычев! Вы чего там? — громко спросил Левченко.— Чего отстаете?

— Пошли! — Повелительно сказала Мария, беря Соколова под руку.— Я подумаю над твоим предложением. Я дам тебе ответ завтра.

В ресторане «ОУК» было еще многолюдней, чем в кафе. Джаз только что закончил очередной фокстрот, и разодетая толпа танцевавших, среди которых преобладали офицеры, весело переговариваясь, расходилась к своим столикам. К Марии подошел и жеманно раскланялся низкорослый латыш. Мария вспыхнула. Глаза ее гневно сверкнули. Но латыш безо всякого стеснения схватил ее руку, чмокнул звонко и улыбнулся Соколову. Нахмуренное лицо майора не предвещало ничего хорошего. И поэтому Мария, чтобы как-то разрядить атмосферу, кивнула в сторону латыша и представила его:

— Эдгар. Сын человека, который дает мне работу. А это сейчас самое главное.

— О да,— поспешно согласился латыш.

Левченко, смекнув, что перед ним сынок обеспеченных родителей, из которого можно вытянуть деньги, чуть не обнял его от избытка чувств:

— Эдгар! — возликовал он. — Доброе знакомство. Выпьем, а?

— Прошу, — Эдгар жестом пригласил всех за свой столик.— Прошу. Я — в одиночестве. Коньяк, вино, шнапс? — спросил он, обращаясь к Левченко.

— Лучше шнапс,— Левченко сам потянулся к бутылке.

Соколов с Марией танцевали, а Левченко с новым знакомым поднимали тост за тостом.

Вечер пролетел незаметно. Мария посоветовала Соколову остаться в городе на ночь и даже предложила комнату, где он смог бы переночевать. Но майор категорически отверг предложение: он не хотел вызывать у Крафта лишних подозрений.

В назначенный день Николай, Демьян и Михаил Токарев ждали майора в загородном домике. Время встречи еще не наступило. Но о чем бы ни заговорили друзья, разговор неизменно почему-то сводился к делам группы.

— До сих пор не возьму в толк удачу нашу со стрельбищем. Ни одной накладки в работе! — восхищался Токарев.— А могли быть. Роль немцев друзья Яниса сыграли хоть куда! И караул сняли не хуже твоих разведчиков, Николай.

— Надо было и оберста заодно прихлопнуть,— не преминул заметить Демьян.— Он ведь это придумал.

— Зверь,— проговорил Токарев.— Нет. Хуже, пожалуй, самого распоследнего гада ползучего. Звери обидятся, коли фашистов с ними равнять.

— В этом деле гитлеровцы не первые,— опять вставил Демьян.— Исторические факты насчет подобных стрельбищ имеются.

— Опять сказка?

— Чистейшая быль! Почти на себе испытал! — Демьян ободрился, кашлянул в кулак и начал тоном очевидца: — Было то, дай бог памяти, в одна тысяча девятьсот восемнадцатом году! Так вот. Приоритет по стрельбищам с поворотными щитами принадлежит не гитлеровцам. Придумал их один иностранный советник при адмирале Колчаке: не то английский, не то американский. Решил советник привязать к Колчаку офицеров, смикитивших, что не на той стороне воюют, и соорудил стрельбище. Собрал этих, которые колебались,

и привел в глухое место, где щиты были понаставлены. Надо, ради справедливости исторической, отметить, что идея замены впервые придумана тоже не нашим командиром. Ее в годы гражданской войны осуществил вожак партизанский, Сергеев... Так вот, вскинули колчаковские офицеры наганы. Раз, два, три... по дюжине пуль выпустили — и к мишеням. А советник иностранный впереди семенит, заранее про себя ухмыляется: «вот-де, я сейчас их обрадую». Повернул одну мишень — адъютант командира дивизии «Мертвая голова», вторую — шасть! — секретарь адмирала Колчака, третью — командир какого-то особого казачьего карательного отряда и так далее... до девяти... К этому советнику, говорят, в одночасье Кондратий пожаловал...

Негромко стукнула рама.

Демьян смолк.

— Он! — Николай вышел в сени.

Проскрежетала задвижка. Попав с улицы в полутемную комнату, Соколов различал лишь мутные прямоугольники закрытых шторами окон да светлые овальные пятна — лица.

— Проходите,— пригласил Николай,— здесь Демьян и Михаил Токарев.

— Здравствуйте, друзья! С успехом! — Соколов поочередно пожал всем руки.— Отлично справились со стрельбищем,— сказал, усаживаясь подальше от окна и разминая в пальцах тугую сигарету.— Я был свидетелем операции. Янис вам сообщил об этом? То, что произошло в овраге, трудно передать на словах.

...Лицо оберста Мюллера из багрового становилось синим, затем бледным, меловым и вновь багровым. В темных под набрякшими веками глазах — гнев, ненависть. Пальцы то судорожно сжимались в кулаки, то безвольно распрямлялись. В течение двух-трех минут оберст не мог произнести ни слова.

Наконец его прорвало!

Это был рык взбешенного зверя.

— Охрана! Всех! Всех! — подскочив к гауптману, Мюллер широко размахнулся и ударил его по щеке раз и два, а затем вместе со слюной стал выплевывать отборную ругань.

— Подлец! Вы провалили мой замысел! Кто будет

отвечать за Штимма и Лухта? Кто? Вы, опозоривший разведку за Ла-Маншем, вы, который, проверяя бездарных агентов, отправил к праотцам целое отделение солдат! «Проверка! Ложный выброс! Партизаны». Разыскать их! Слышите, безмозглый идиот! Мобилизуйте все и разыщите! Учитесь у Кабана! Действуя не где-нибудь, а в русском тылу, под Ключами, он заслужил Рыцарский крест. А вы... вы... Вас однажды спас фон Штауберг от виселицы, но клянусь честью! — если не отыщете виновников, я расстреляю вас! Нет, повешу! Повешу, как последнего жулика!

...Соколов видел, как по обрывистому склону оврага карабкаются вверх гестаповцы, как, трусливо размахивая пистолетом, пробирается через кусты начальник караула.

Левченко лихорадило. Он трясся как осиновый лист. Сходство это подчеркивалось еще и зеленью его лица, покрытого холодной испариной. Он был загипнотизирован своей жертвой — Штиммом. Ему казалось, что вперив в него с мишени остекленевший взгляд, тот шепчет бескровными губами: «Этого не простят». «Расстреляют,— тоскливо решил Левченко,— или повесят».

Оберст с завидным для его тучной комплекции проворством взбежал по склону, нырнул в «хорьх», с лязгом захлопнул дверцу и укатил. Крафту пришлось довольствоваться «черной Бертой».

В полдень звено пикирующих бомбардировщиков с крестами на крыльях дважды отбомбило лесной овраг со щитами.

Мюллер решил сам вести расследование и следствие по делу о стрельбище 47/21. Гестаповцы хватали всех, кто подавал маломальский повод для подозрений.

— Вот причина террора,— закончил Соколов.— И надо полагать, что берлинский оберст не успокоится, не отступится. Он не уедет обратно, пока не найдет виновников. Если же не найдет, то сделает. В слепой ярости Мюллер может нанести огромный вред и подпольщикам, и партизанам, и гражданскому населению...

— Надо бы его...— Демьян ногтем большого пальца сделал выразительный жест.

— Вряд ли. Это не прекратит репрессий. Но гитле-

ровцам стоит показать, что никакие зверства не устрашат патриотов. Вы разыскали резиденцию оберста?

Демьян ответил утвердительно.

— А что если захватить его,— предложил он,— и отправить к Лузину?

— Нужно ли? — возразил Соколов. — Легче организовать любую диверсию, легче взять штурмом полицейское управление, чем выполнить задачу в логове абверовцев. Мы мечтаем о действиях активных, эффективных, но пока вынуждены сдерживать себя. Диверсия на стрельбище чуть не опрокинула все наши замыслы. Могу сообщить, Мюллер требовал расстрела очевидцев.

— То есть?

— Меня бы тоже не пощадили. И, конечно, возможность уйти из-под расстрела здесь исключается. Как видите, мы допустили просчет. Я согласен. Мы должны активно действовать, но так, чтобы в любом случае была возможность направить гитлеровцев по ложному следу. И оберста убрать надо. Кроме того, нужно сталкивать лбами гестаповцев с полицией, с эсэсовцами, с националистами.

— Здорово! — вырвалось у Демьяна.— Есть подходящий план! Разрешите коротенько! Думается мне, что Мюллер в Берлин не вернется.

Почти такой же разговор происходил в кабинете гауптмана. Только там был не совет, там фон Штауберг отдавал приказ Крафту.

Гауптман понуро сидел в кресле, а оберст неслышно расхаживал по гостиной и говорил с холодным блеском в глазах:

— Ты знаешь, Курт, что Мюллер требует немедленной ликвидации всех очевидцев трагедии на стрельбище? Мне удалось по крайней мере получить отсрочку. Я не могу предсказать, как обернется дело после встречи Мюллера с Канарисом.

— Мой шеф!..

— Слушай, Курт! — Штауберг остановился, забарабанил по столу волосатыми в перстнях пальцами.— Я не могу сделать то, что по долгу службы и по положению обязан выполнить ты.

Крафт вскочил.

— Сиди! — голос оберста был властен и суров.— Надо позаботиться, чтобы Мюллер никогда не рассказал адмиралу о спектакле с ложным выбросом, не рассказал детали провалившейся затеи со стрельбищем. Для этого потребуются твоя храбрость и острый кинжал, желательно иностранного производства.

— Я понял вас!

— Отлично, Курт! Сегодня у Мюллера прием. Ты будешь приглашен. Постарайся раздобыть кинжал без свидетелей. И вообще пусть об этом знают двое — ты и я.

...Ровно в двадцать два по берлинскому времени, проводив гостей, оберст вышел принять перед сном водную процедуру. Где бы ни был Мюллер, куда бы ни забрасывала его судьба, он свято соблюдал строжайший режим. И под знойным небом Африки и среди фиордов Норвегии можно было в разные времена года видеть тучную фигуру в ледяной до боли или теплой, словно парное молоко, воде. И в эту ночь Мюллер поднялся на купальную горку, чтобы окунуться в прохладное озеро. Как всегда, он лег на живот и заскользил по линолеуму вниз. Адъютант пробовал ногой воду и досадовал на шефа: «Какая закалка, лишь бы тебе угодить». Наконец он решительно бросился вперед, поднимая тучу брызг.

А Мюллер тем временем уже вышел на берег. Из полумрака выступила полураздетая фигура. Осторожно приблизилась к нему сзади. В лунном свете блеснул нож. Адъютант, барахтаясь на мели (он не умел плавать), следил за маячившей на озерной глади головой человека — Мюллера. Но оберст почему-то изменил привычке: он уплывал все дальше. Слева появилась еще одна голова. Второй пловец плыл «брассом» быстро и легко. Мюллер так никогда не плавал. Адъютант забеспокоился, выскочил из воды и неожиданно увидел шефа.

Тот лежал возле вышки, уткнувшись лицом в песок. Из его спины торчал кинжал с костяной рукояткой.

Весь особняк был поднят на ноги. Из Риги спешно вернулись фон Штауберг и старшие офицеры разведывательной службы.

— Господа,— разыгрывая глубокую скорбь, обратился к присутствующим фон Штауберг.— Если мы не примем кардинальных мер, тогда то, что случилось сегодня с нашим дорогим и незабвенным другом Отто Мюллером, завтра произойдет с каждым из нас,— он потрогал охотничий нож, лежавший на столе. Клинок ослепительно сиял. На рукоятке из лосиного рога было выжжено каленой иглой «Н. А. Полянский».

«НАУЧНАЯ КОМАНДИРОВКА»

Берлинский аэродром вне очереди принял скоростной бомбардировщик из Риги. Самолет еще не подрулил к стоянке, еще вращались пропеллеры, сливаясь в блестящие диски, как от центральных ворот прямо по взлетно-посадочной полосе к нему подкатил закрытый легковой автомобиль. Человек в черном реглане и офицерской фуражке с высокой тульей, не обращая внимания на недовольство летчиков, подошел к открывшемуся люку и прокричал по-русски:

— Николай Петрович!

Соколов спрыгнул на бетонированную полосу, приблизился к офицеру и проговорил:

— Я — двести пятьдесят шестой.

— Прошу в машину!

Автомобиль помчался по городу.

Настороженно и беспокойно жил Берлин. Воздушные тревоги следовали одна за другой. Небо над городом заполняли рокот моторов, вой сирен и грохот разрывов. Как только появлялись бомбардировщики, все живое пряталось в подземелье. Из парков, садов, развалин и с крыш били скорострельные пулеметы, зенитные пушки. Разрывы белыми хлопьями пятнали синеву, а осколки градом сыпались вниз.

Налеты все учащались. Бомбы рушили здания, расплескивали море огня на целые кварталы. Вереницы пожарных машин метались по городу из одного конца в другой, но пламя бушевало не утихая.

Улицы были загромождены обломками стенных пролетов, усеяны кирпичной крошкой и битым стеклом. Многоэтажные дома с зеленью на балконах словно

притаились, испуганно всматриваясь в безоблачное небо темными окнами с крест-накрест бумажными лентами на каждом уцелевшем стекле. Руины вздымали пролеты лестничных клеток. На стенах, местами растрескавшихся и покосившихся, пластами висела отставшая штукатурка. Неподалеку виднелись пробитые бомбами насквозь этажи, вывернутые из земли фундаменты.

Мостовая была разворочена фугасными бомбами. Восстанавливать ее не успевали. Так называемые челночные операции давали возможность методически бомбардировать военные объекты немцев. Советские самолеты, отбомбившись, приземлялись в Англии, забирали там бомбы и сбрасывали их на врага, возвращались домой. Так же поступали и англичане.

Вся эта картина сейчас предстала перед Соколовым во всех ее грандиозных масштабах. «Нет,— думал он,— даже это не возмездие за то, что натворили гитлеровцы на моей родной земле». И вдруг майор почувствовал одиночество.

Взгляд его скользил по землистым и хмурым лицам редких прохожих. Машина на предельной скорости мчалась вперед, крутыми виражами огибая препятствия и воронки.

Где-то нудно завыла сирена. Рев ее подхватила другая, третья... И вот уже, казалось, завыл, застонал весь Берлин.

Офицер поспешно вогнал машину в первый попавшийся полуразрушенный двор.

— Сюда! — показал он Соколову на подвал, возле которого толпились люди.— Переждем налет. В убежище пока спускаться не будем.

Над городом звено за звеном, эскадрилья за эскадрильей величаво плыли советские бомбардировщики. Отрывисто и гулко захлопали скорострельные зенитные пушки, забесновались пулеметы. Флагманская машина, сделав боевой разворот, начала бомбежку. Вокруг самолетов вспыхивали белые облачка разрывов, тянулись дымные трассы. Вдалеке послышались громовые раскаты.

— В районе «Борзига»,— определил кто-то.

Одна из тяжелых машин, попав в полосу заградительного огня, неуклюже накренилась. Черный дым по-

тянул от ее моторов. «Держись! Держись! — чуть было не закричал Соколов.— Сбей пламя, взмой в поднебесье!»

Но смертельно раненный бомбардировщик уже вошел в пике. Убежище притихло. Даже немцы почувствовали, что на их глазах свершается подвиг, что сейчас эти безрассудные русские парни машиной ударят по цели...

После тревоги, покачиваясь на мягком сиденье автомобиля, майор не смотрел на проносящиеся улицы. Перед глазами его все еще плыли эскадрильи серебристых машин с красными звездами на крыльях. Они словно говорили: «Ты не один здесь, майор Соколов. Видишь, мы поддерживаем тебя!»

В пустынном зале отеля «Кайзерхоф» Соколова ждал оберст Альберт фон Штауберг.

— Здравствуйте! — сказал он, впервые улыбнувшись.— Не правда ли, поездка в столицу явилась для вас приятной неожиданностью? И я умею делать сюрпризы,— фон Штауберг умолчал, а Соколов прекрасно понимал сам, что вызвал его фон Штауберг не для знакомства с Берлином, не для приятного времяпрепровождения в ресторане гостиницы «Кайзерхоф».

Майор, правда, еще не мог сказать точно, куда, на кого нацеливает его оберст, но был уверен, что уже втянут в очень рискованную крупную «игру».

— Признаться, господин оберст,— ответил он,— я польщен таким доверием.

В полдень фон Штауберг решил представить Соколова какому-то, по всей вероятности, очень важному лицу. Оберст был одет в парадный мундир при орденах. Мясистые волосатые руки его были затянуты в лайковые белые перчатки, которые, казалось, вот-вот лопнут по швам.

В приемной секретарь сообщил фон Штаубергу, что шеф находится в имперской канцелярии, что «он просил господина оберста подождать».

Соколов присел на жесткий резной диван, а фон Штауберг, встретив среди ожидающих старых знакомых, вполголоса беседовал с ними. Уловив настороженным слухом несколько раз оброненное офицерами: «Адмирал приказал... адмирал рассчитывает... адмирал не одобрил...» Соколов понял, куда попал.

Внезапно, прихрамывая, в приемную стремительно вбежал низенький смуглый седоволосый человек в адмиральском мундире. Все торопливо поднялись, почтительно вытянулись и выбросили руки вперед.

По холодному властному взгляду, которым адмирал за мгновение успел окинуть присутствующих, можно было судить, что он не в духе. Не отвечая на приветствия, он скрылся в кабинете.

И опять зашелестели голоса: «Адмирал был в ставке... с фюрером...»

«С фюрером!» Именно Гитлер и вывел из себя адмирала. «Не доволен разведкой! Какими оскорбительными словами обрисовал фюрер на совещании работу абвера! Он поносил его — Канариса, человека, который в свое время, создавая фонды, добывал средства, всячески способствовал пропаганде фашизма, подталкивая и проталкивая Гитлера к власти: Канарис — не Геббельс! Канарис — не Гиммлер! У меня работа, а не «теоретические» рассуждения! Фюрер ослеп! Он не видит льстецов, окруживших его. А они цепляются лишь за «место под солнцем». До чего дошло! В третьей империи разведывательной службой стали заниматься все. Гиммлер завел разведывательный аппарат. Собственную разведывательную службу имеют Риббентроп, Геббельс, Розенберг и Кальтенбруннер. Они только путаются под ногами и мешают абверу. А Гитлер спрашивает за все с меня, винит меня во всех промахах и неудачах...»

Адмирал поморщился, вспомнив сцену в кабинете Гитлера. С гневным лицом фюрер бегал из угла в угол и ругался, не стесняясь в выражениях.

— Ваши работники, адмирал, бездельники! Вы проморгали подготовку русских к форсированию Днепра. Вы с генеральным штабом ответственны перед Германией за ее теперешние неудачи на Восточном фронте. Вы ответственны! Вы...

— Мой фюрер!

Но Гитлер не желал слушать оправданий.

— Мой фюрер,— настойчиво повторил адмирал,— я предупреждал ставку о возможном форсировании русскими Днепра с марша. Мне не поверили.

— Какой осел мог так рассуждать! — выкрикнул Гитлер и потребовал стенограмму совещания.

Принесли стенограмму. «...Знаете ли, дорогой адмирал,— секретарь читал высказывание самого фюрера,— я не верю, что русские будут вообще наступать. Это всего лишь крупный блеф. Данные вашего абвера неимоверно преувеличены... Я вам советую немедленно отправить в сумасшедший дом автора этих прогнозов... Я твердо убежден, что на востоке ничего не случится...»

Гитлер метнул на Канариса испепеляющий взгляд и приказал прекратить чтение.

С поднятыми кулаками, совершенно утратив самообладание, стоял он напротив адмирала.

— Вам нечего меня поучать! Я командую германскими военными силами. Я накопил практический опыт, какой ни вам, ни господам из генерального штаба никогда не получить. Клаузевиц, Мольтке и Шлиффен были бы на моей стороне! Я не думал раньше, что мои генералы существуют лишь для того, чтобы носить нарядные мундиры! Теперь я в этом уверен!

«Фюрер стал заносчив,— зло думал Канарис.— Пожалуй, мне следует как-то активизировать деятельность Герделера, Вагнера, Ольбрихта, фон Трескова и графа Штауфенберга. Они должны поторопиться. Если бы англичане были решительнее, то фюрер давно бы был изолирован. Испания, Италия, Франция... сочувствующих много, а дела... Удача! Убрать Гитлера!.. Убрать, и как можно скорее. Не столь важно, что претендент на пост главы государства Бек не та фигура. Он не может поднять и поддержать престиж, но все же...»

Канарис вызвал секретаря.

— В приемной ждет оберст Штауберг?

— Садитесь,— сказал он вошедшему, не поднимая на него взгляда.

Фон Штауберг осторожно опустился в кресло. В кабинете адмирала было прохладно и пусто. Со стен смотрели портреты его предшественников — бывших начальников немецкой военной разведки. Бросалась в глаза огромная карта мира. На ней ни одной пометки. Но фон Штауберг знал, что из этого кабинета тянутся незримые нити во все государства.

— Рассказывайте,— попросил Канарис.— Итак, затея со стрельбищем провалилась. Мюллер убит. Не

убит, а зарезан! Какими еще «добрыми» вестями порадуете вы меня? — адмирал не скрывал иронии.

— Мой адмирал! Я прибыл в Берлин с бывшим майором русской армии Сарычевым по вашему вызову.

— Хочу напомнить, оберст, что ваше чутье потерпело фиаско на Крафте. Вы на него когда-то тоже возлагали большие надежды. Не так ли? Ваша деятельность в Прибалтике тоже не вызывает у меня особого восторга... Сарычев? Не будет ли и здесь осечки?

— Использование Сарычева исключает просчеты.

— Интуиция?

— Мой адмирал! В данном случае нет... Я знаю Сарычева. Вернее...

— Вы?

— В девятьсот восемнадцатом году мой отец генерал Штауберг был связан с его отцом на Украине. Позднее Сарычев-старший работал на нашу разведку и был расстрелян в Заволжье чекистами. Кроме того, проведена проверка по всем каналам.

— О! Тогда, пожалуй! Ваш отец, Альберт, был серьезным человеком. Еще раз напоминаю вам об особой ответственности этой операции. От ее исхода зависит, если хотите, судьба Германии.

Выслушав обстоятельный доклад оберста о подготовке операции «Королевский гамбит», Канарис возвратился к разговору о Сарычеве.

— Для его безопасности и упрочения в тылу русских возникает необходимость передать Матильду Фогель в руки чекистов. Пусть она станет той самой пешкой в разработанном вами гамбите. Пешка отведет подозрения от нашего короля. Надо сделать так, чтобы к разоблачению Фогель какое-то косвенное отношение имел и Сарычев. Матильда сделала для нас все. А то, что знает она о нашей деятельности, давным-давно известно коммунистам... Жаль, конечно, что пешкой в этой игре мы должны сделать обаятельную женщину. Крайняя необходимость вынуждает иногда и на такие поступки... Для изготовления секретного оружия, о котором так любит упоминать фюрер, нужно время. Я не сомневаюсь, что это колоссальное по силе оружие поставит мир на колени! Но вы, оберст, знаете, что русские ученые проникли в ядро атома. Не сегодня-завтра атом у них будет работать. Есть опасность, что они

быстрее нас создадут то самое секретное оружие, на которое мы так надеемся. Вам, оберст, и это понятно. Через месяц-два из Риги вы должны начать разработанную вами операцию. Пусть это станет задачей номер один. Для успеха Сарычева не жалейте ни денег, ни людей. Хоть по трупам наших разведчиков он должен проникнуть в научный центр города Н., должен проявить свои способности, чтобы выполнить задание: либо раздобыть расчеты, а затем ликвидировать физика Крылова, либо захватить физика Крылова и ликвидировать все расчеты... Объявите русскому, что за безупречную службу отца фюрер жалует его немецким подданством, награждает Железным крестом и, учитывая будущие заслуги, присваивает звание майора германской армии. Поздравьте его. Беседовать с ним не буду. Кстати, если станет известно, что кроме вашей агентуры Сарычевым занимались другие люди,— не волнуйтесь: я тоже вел тщательную проверку. Для того чтобы он чувствовал себя в городе Н. среди ученых уверенно, направьте его в разведывательную школу в Померании. О режиме для него я договорился.

Фон Штауберг привез Соколова в загородный дом.

Богато обставленная гостиная, старинная мебель с фамильными гербами, затемненные окна, какая-то вязкая тишина действовали на майора удручающе. Фон Штауберг вышел, а Соколов, ожидая его возвращения, рассматривал многочисленные фарфоровые безделушки. Внимание привлекла фотография в позолоченной рамке. Кайзеровский офицер стоял рядом со штатским, лицо которого показалось майору знакомым. Он напряг память. «Заволжье... Петр Сарычев. Такую же фотографию чекисты обнаружили в тайнике резидента немецкой разведки Сарычева».

Соколов круто повернулся на каблуках. Штауберг шагнул к нему, протянув руки.

— Отец! — стараясь вложить в голос побольше теплых «сыновьих» чувств, скорее про себя, чем вслух, сказал Сарычев.

— Не надо! Мы будем всегда помнить о них.

После легкого завтрака в честь милостей, которыми от имени фюрера Канарис осыпал нового гражданина

Великой Германии, в честь его будущей карьеры, фон Штауберг сам увез Соколова в гостиницу. Ночь майор спал спокойно, а утром часов около десяти адъютант оберста пригласил его к шефу.

— Собирайтесь! — с подчеркнутой значительностью произнес фон Штауберг.— Ваш поезд, майор, отходит в тринадцать двадцать. В этой поездке — ваш будущий успех. Рекомендую приложить все свои способности и силы для того, чтобы поездка оказалась плодотворной.

...Так вот она какая, Померания. Подстриженные деревья, домики под черепицей, поля и луга, помеченные осенней желтизной,— все на одно лицо. Майор прибыл в Ольденбург ан Крессингзее, где находилась высшая школа гитлеровской разведки, и попал под опеку простоватого с виду инструктора.

За мрачными стенами школы скрывались те, которых Гитлер именовал «своей пятой колонной». А Соколову полезно было знать лица противников. Фиксируя в памяти случайных собеседников, он мог уже набросать десятка полтора словесных портретов.

Несколько удивило Соколова то, что ему стали вдруг преподносить последние достижения в области ядерной физики. И он понял, что именно в этом направлении абверовцы думают его использовать.

Наступил день, когда майора отозвали в Берлин. Поезд громыхал колесами на стыках. В окне проплывали все те же подстриженные деревья и похожие друг на друга селения.

Адъютант Штауберга встретил «господина майора» на вокзале и сразу же отвез на аэродром.

— Господин майор, вам приказано возвратиться в Ригу.

И вот под крылом уже мелькают поля, города, села.

Первый, с кем Соколов столкнулся во дворе диверсионной школы, куда он прибыл прямо с Рижского аэродрома, был Левченко.

— Сарычев! — выкрикнул он, торопливо пересекая плац.— Долго же тебя не было. Я уже и не мечтал о встрече. Где был? Отойдем в сторону!

Соколов никогда не испытывал к Левченко иных чувств, кроме брезгливости и отвращения. После раз-

говора с ним ему всегда почему-то хотелось вымыть руки. Но эта первая встреча предвещала и долгожданную встречу с друзьями. И Соколов улыбнулся своим мыслям.

— Соскучился. Ну, выкладывай новости.

— Все, как раньше, утешительного мало,— Левченко понизил голос.— Партизаны развернулись вовсю! Склад на воздух подняли, два эшелона вверх тормашками под откос пустили. Крафт до того перетрусил, что скоро в сортир на броневике ездить станет. Вчера самолет советский выбросил листовки. Всех собирать заставили. На брюхе ползал.

— В городе был?

— Скучно и в городе. Тоска. Только с Эдгаром и веселюсь. Моя красотка исчезла. Мария твоя тоже куда-то запропастилась. Я, грешник, хотел было за отсутствием своей за твоей приударить... Еще новость — Горбачев дня три тому назад исчез. Вот арап! Смылся.

— Загулял?

— Такой-то! Ха-ха!

Из канцелярии выскочил Пактус и нырнул в караульное помещение. Все засуетились. Мимо Соколова и Левченко пробежали автоматчики, проверив на бегу оружие, забрались в «черную Берту» и выехали куда-то.

Вечером Левченко сообщил, что в школе очередное ЧП. Километрах в двух в глухом лесу найден Горбачев. Он был привязан к дереву. На груди висела табличка: «Провокатор и изменник Родины! Смерть гадам!»

СКОРО ГРЯНЕТ БУРЯ

Погода портилась. Небо, с утра солнечное, к полудню затянулось тучами. Подул сырой, пронизывающий ветер. В пятидесяти шагах от избушки, выстроенной из плавника рыбаками на случай непогоды, беспокойно ворочалось море. От прибрежной полосы и до горизонта дыбились холодные с зеленоватым отливом волны. Они взлетали ввысь, словно старались лизнуть пенными гребнями низкие разорванные облака. Каза-

лось, тучи вот-вот прикоснутся к взбунтовавшейся, клокочущей пучине. В пляске ветра и волн лишь чайки чувствовали себя привольно. С криками носились они над взволнованным морем.

Заструился по дюнам сухой песок. Деревья без устали отвешивали земные поклоны надвигавшейся буре. Одинокий баркас, постреливая мотором, спешил в гавань.

Неподалеку от избушки рыбаки растягивали на высоких кольях сеть. Рослый латыш в клеенчатой с откинутым капюшоном робе, завидев показавшегося из-за дюн Соколова, призывно махнул ему рукой.

— Здесь,— сказал он, когда майор подошел поближе.— В избушке. Место уединенное.

Прежде чем войти вслед за Соколовым, латыш внимательно оглядел пустынный берег.

Группа была в сборе. Поздоровавшись, Соколов присел на перевернутую вверх дном порожнюю бочку и, с удовольствием закурив, спросил:

— Как живется-можется?

— Живется ничего, а можется по-всякому,— ответил так же шутливо Демьян и протянул майору листовку.— Прочитайте.

— Что это?

— Новая сводка Совинформбюро. Прием обеспечил бывший летчик, ныне наихрабрейший из ваших связных Михаил Токарев. Размножил печатным способом Янис. Расклеил в самых людных местах города Риги... Не совсем удобно говорить о...

— Значит, вы?

— Так точно, товарищ командир! — Демьян рассмеялся.— Эта сводочка стоит даже того, чтобы ее в натуральном виде в кабинете фюрера на стенку наклеить! Пусть бы смотрел, читал да на ус мотал...

Лаконичны сводки Совинформбюро. Соколов пробегал взглядом по скупым строкам, зная, что за ними скрыты подвиги русских чудо-богатырей. «Двадцать первое сентября. Штурмом взят областной центр Украины — город Чернигов. Развивая успешное наступление на ряде направлений, наши войска заняли свыше девятисот населенных пунктов». Короче не скажешь. Но ведь эти «девятьсот населенных пунктов» брали люди, упорные советские солдаты. Может статься — да

так оно и было! — что, наступая на какой-нибудь из «девятисот», шел в атаку молодой солдат вроде Михаила Токарева, веснушчатого парня с прищуром зеленоватых глаз и широкой улыбкой. И было у него единственное желание — выбить немцев из деревеньки, спрятавшейся от злых степных ветров в неглубокой ложбине, гнать их без устали до Берлина, победить и вернуться домой. Шел парнишка, а вокруг свистели пули, рвались мины. Над головой с сухим треском раскалывалась шрапнель. «Вот она — вражеская траншея! Еще рывок и — рукопашная». Вдруг из-за бронированного колпака, замаскированного вениками полыни, по наступающим ударил пулемет. Парнишка видел, как падают товарищи, видел острые языки пламени в черной прорези бронеколпака и грудью закрыл амбразуру.

...«Нашими войсками подбито и уничтожено 48 танков и 33 самолета противника». А как это было?

«Сорок восемь танков»! В их число входят и...

Прильнув к земле, пехотинец вроде Бориса Великанова, подбившего в бою под Ключами два танка, ползет навстречу бронированной громадине. «Тигр» щерится пулеметным огнем, угрожающе лязгает металлом. Пушка его не умолкает. Но солдат, сжав противотанковую гранату, затаился и ждет момента. Наконец-то! Он приподнялся. Бросок! Взрыв! И танк, распуская по земле гусеницу, беспомощно завертелся на месте.

«Сорок восемь танков»!

На орудийных стволах пузырилась краска. Уже час как фашистские «тигры» штурмуют высоту вроде высоты 127,3, что под Касторной оборонял дивизион майора Сарычева. Вокруг дымятся разбитые машины, а немцы лезут и лезут. Артиллеристы оглохли от канонады. Потные лица покрыла пороховая гарь. Не то чтобы отдохнуть, попить некогда. Тяжелый танк прорвался на огневые позиции. Под широкими гусеницами исчезла гаубица, еще одна... Но расчет третьей развернул свое орудие, и, когда грузное днище нависло над стволом, командир дернул шнур. Выстрел! Снаряд, продырявив броню, разорвался внутри танка...

«Тридцать три самолета»! Перед глазами возникли стремительные карусели воздушных боев, когда от рева моторов и треска пулеметов, казалось, посыплются на опаленную войной землю перистые облака; гро-

хот зенитных батарей, что, протянув вверх тонкие стволы, посылают снаряд за снарядом в мечущихся «юнкерсов», защищая понтонный мост, по которому резво и гулко катятся двуколки, торопливо шагают солдаты...

Соколов отложил в сторону листовку.

— Отличные известия! Как видите, наступление развернулось по всему фронту. Теперь мы, товарищи, обязаны проводить все наши операции так, чтобы в грязь лицом не ударить. Пусть немцы знают, что бьют их отлично не только на фронте, но и в глубоком тылу... Поручение мое выполнили?

— Да,— ответил Николай.

— Недели две он гитлеровцев изучал,— вставил Демьян.— Со всем здешним начальством перезнакомился, пока выбрал подходящего.

— Звание?

— Кто его разберет? — Демьян пожал плечами.— Галунов и шевронов разных понашито — пропасть! Любой швейцар от зависти лопнет. Но, должно быть, приличное. Крест с дубовыми листьями, есть и медаль. На рукаве повязка со свастикой.

— Штурмбанфюрер СС,— уточнил Янис.

— Майор? Тот, что неделю назад пропал без вести?

— Угу. Без вести,— Демьян хитро прищурился и покосился на Михаила.— Можем дать подробную информацию, товарищ командир. Мы всю эту историю, как по нотам, разыграли. Допотопный способ — любовная интрижка. Этот штурмбанфюрер с Галиной амурничать начал. В «Эспланаду» развеяться приезжал. Мерку с его обмундирования мы заранее сняли на глаз. У меня глаза — что линзы в перископе — на километры нужное различают... Чего, Коля, улыбаешься? Ты, Коля, вечно с ухмылкой к серьезным вещам относишься. А я говорю авторитетно! Один раз — в Ленинграде, до войны это было,— с Невского проспекта без бинокля, простым, невооруженным глазом заметил, что на Васильевском острове у моего корешка, токаря Федьки Селиванова, день рождения справляют и так далее... Не верите? Как хотите... Так, значит, обмозговали мы, как нам костюм для вас, товарищ командир, ладный справить. Некоторые,— он опять метнул взглядом в сторону Николая,— за портных голос пода-

вали. А я своей палатой пораскинул: ни одного подходящего ателье на примете. Пришлось использовать подручные средства. Наметили объект — этого самого штурмбанфюрера,— соткали паутину: план детальный разработали. Приманку выбрали — Галина в ресторан «веселиться» направилась. Ну, а мы в переулке дежурство наладили: такую симпатичную «приманку» без охраны не оставишь. Все изучили до подробностей. От ресторана до квартиры штурмбанфюрера я и сейчас, если надо, в любой час пройду с закрытыми глазами, ни в одну рытвину не угадаю, ни об один камень не споткнусь. В первый день «ухажер» глазами только зыркал. На второй — зубы скалить начал. А на третий — сел за Галин столик. Дальше получилось, как в иностранной кинокартине: автомобиль, темный переулок, пистолеты к бою! Николай принес под мышкой ухажера. Михаил — за руль. Я — как свидетель. «Куда вам угодно? Рижское взморье? Пожалуйста!»

— Вам бы, Демьян, книги писать,— пошутил Соколов.— Ловко вы сочиняете.

— После войны непременно вплотную займусь литературой,— на полном серьезе ответил Демьян.— Я, товарищ командир, чувствую что-то в себе такое, гениальное,— и добродушно улыбнулся.— Правда, писать— дело сложное.

— За тобой, гений, присмотр особый нужен,— тепло заметил Николай.— Взыграешь ты, Дема, талантом, а нам придется расхлебывать...

— Полянский прав,— поддержал Соколов.— Немцы настороженны. Стрельбище, Мюллер, Горбачев да еще этот эсэсовский майор...

— Мы, товарищ командир, тоже не лыком шиты,— Демьян переглянулся с Янисом.— Вчера на городскую явку пожаловал филер... Поэтому базу переменили, учли.

— Шпиков хватает,— подтвердил Янис.— Националисты из кожи лезут вон, чтобы выслужиться перед гитлеровцами. Свои грязные щупальца они по всей Латвии протянули. Их агенты даже в деревнях есть,— Янис говорил медленно, тщательно подбирая слова: — Неделю назад я был в партизанском отряде. Лузин готовился как раз к налету на железнодорожную стан-

цию. В разведку, о которой я вам докладывал, конечно, меня Лузин не посылал. Он противился как мог. Но, сами понимаете, лучше меня, пожалуй, никто бы не выполнил задания. Самое главное мое преимущество перед другими партизанскими разведчиками то, что я латыш.

...Николай передал Янису приказ Соколова — проверить надежность связи с отрядом Лузина, то есть пройти оба маршрута, которыми Галина Сазонова доставляла в отряд получаемую Соколовым информацию и секретные сведения. Первый маршрут был безопасен. А второй...

В одной из деревень, на самой границе Белоруссии с Латвией, Янис попал в облаву. Немцы заприметили высокого белокурого латыша с объемистым рюкзаком за плечами. Как ни старался Янис пробиться сквозь плотное кольцо облавы, ничего поделать не мог: постепенно сужаясь, оно (кольцо) привело его с сотнями перепуганных женщин, подростков и мужчин на небольшую площадь, к зданию комендатуры. Перед народом держал речь представитель германского командования штатский немец с солидным брюшком и большой лысиной. Впечатление было такое, словно кто-то приклеил к черной шевелюре немца обильно смазанный сметаной блин.

После выступления, в котором через каждое слово упоминалась великая миссия Германии, сражающейся с большевизмом, немец уселся за вынесенный из комендатуры столик и стал регистрировать все местное население: в возрасте от четырнадцати и до шестидесяти лет.

Когда очередь дошла до Яниса, немец, услышав его фамилию, вскинул на него усталые глаза и спросил:

— Латыш?

— Да,— ответил по-немецки Янис.

— Как вы оказались в этом селе?

— В Риге трудно с продуктами,— ответил невозмутимо Янис.— Обменять решил я барахлишко и побрякушки на сало и масло. Если господин офицер желает...

Немец предостерегающим жестом поднес палец к губам, о чем-то пошептался с писарем, встал и кивком головы предложил Янису следовать за ним. В одной из комнат комендатуры между ними состоялась сделка,

— Что вы имеется предложить нам за свою свободу? — спросил немец.

— Золото,— так же прямо ответил Янис и, развязав рюкзак, высыпал на стол перед немцем золотой кулон, два браслета и несколько золотых монет царской чеканки.

— О-о-о! — немец поспешно сгреб все в ящик стола.— Я вам дам за это сколько-нибудь масла и сала,— сказал он.— И буду надеяться, что вы чаще станете навещать меня в этой деревеньке.

Янис оказался на свободе. А Соколов получил возможность «купить» немца. Вариант пути номер два теперь использовался группой как самый надежный. Золото стало охранной грамотой для Яниса и для Галины Сазоновой, которая от имени латыша и передавала немцу драгоценности, а тот оберегал ее от слишком ретивых националистов, полицаев и немцев.

— Итак, решено! — Соколов поднялся.— Вы тотчас же доставите Лузину шифровку. Идут двое. Разными дорогами. Янис, вы обеспечиваете надежность второго связного. Если шифровка почему-либо задержится, Сазонова сообщит на словах, что нить, которая ведет в хозяйство Бурова, находится в руках агента под кличкой Кабан. За операцию под Ключами Кабан получил Рыцарский крест. Пусть передаст, чтобы Лузин прислал портативные мины... Ключи готовы? Ловко! Как настоящие. Спасибо, Демьян. Теперь я смогу заглянуть в самое сердце Крафта. И еще...— Соколов помешкал немного, как бы смутившись.— У меня к вам, Янис, одна просьба. Вы помните женщину, с которой я бывал несколько раз в кафе «Рим» до поездки в Берлин?

— Мария Воронина?

— Да. Она... В общем, при случае поинтересуйтесь ее знакомствами... До встречи, товарищи!

ТАЙНОЕ СОВЕЩАНИЕ

Поездка в Берлин, новое гражданство, звание, Железный крест — все это поставило Соколова в привилегированное положение. Ему выдали постоянный

пропуск, по которому он мог отлучаться из школы в любое время и на сколько угодно, выделили комнату получше, обставили ее мебелью.

Но майору теперь приходилось с еще большей осторожностью относиться к Крафту, ко всем этим проявлениям забот.

Кто знает, какой трюк выкинут через минуту после очередного «сердечного» разговора немцы.

Вернувшись из Риги позднее обычного, Соколов (он был в управлении и поэтому не опасался проверки) доложил дежурному по комендатуре о прибытии и полутемным коридором прошел к своей комнате. Привычно вставил в замочную скважину ключ и... ключ не поворачивался. Прикоснулся к двери. Она отошла. «Открыто! Ждут. Произвели обыск и встречают... Соколов был начеку всегда. Каждую секунду ему приходилось сдерживать нервы, помнить о своем втором «я» даже во сне. В шифровке, полученной из Центра, высказывались предположения о характере миссии, которую собирается возложить на Соколова немецкая разведка. Предположения Силина совпадали с предположениями самого Соколова. Центр в этой же шифровке предлагал не компрометировать себя, быть осторожным.

Соколов спокойно вошел в комнату. У стола с журналами и газетами сидел, сутулясь, Левченко и, слюнявя пальцы, перелистывал книгу.

— Сарычев? А я вот...— обернулся он.— Я к тебе прямо от шефа,— голос у Левченко был унылым.

Час тому назад между Крафтом и Левченко состоялся несколько необычный разговор. Гауптман, вызвав его в кабинет, мрачным взглядом окинул щуплую фигуру покорно и даже заискивающе взирающего на него человечка и с подчеркнутым значением проговорил:

— Германское командование давно возлагает на вас, Левченко, большие надежды. Мы располагаем обширной и довольно убедительной информацией, что в самой Риге и ее окрестностях действует сильный партизанский отряд, руководимый большевистским подпольем. Вам, Левченко, не впервой выполнять деликатные поручения. На сей раз директива получена от самого фюрера (чтобы придать вес поручению,

начальник школы умышленно сослался на Гитлера).— Хайль,— Крафт, произнося слово «фюрер», вскочил со своего кресла и стремительно выбросил руку в традиционном фашистском приветствии: вперед и чуть вверх.

— Хайль! — откликнулся Левченко хриплым с похмелья голосом.

— Слушайте меня, Левченко, и запоминайте,— продолжал Крафт.— В районе Риги действуют латышские партизаны. Проникновение в их организацию, а затем ликвидация ее принесут вам полное доверие Великой Германии, подданство и немедленное переселение в один из городов Европы. Новое место жительства — по вашему выбору.

Никогда в таком тоне Крафт не разговаривал с Левченко. Надо было соглашаться, соглашаться немедленно. Но не всегда подобные провокационные вылазки заканчиваются удачно. Провокация, даже по мнению Левченко (а оно имелось и у этого матерого предателя), гораздо хуже открытого шпионажа.

— Яволь! — по-немецки ответил Левченко, пристукнув каблуками и приложив руку к козырьку фуражки.— Я постараюсь, господин начальник школы!

...Вот почему «пожаловал» Левченко к Соколову. Ему нужен был совет человека, которого он уважал и перед которым преклонялся.

Соколов, раздеваясь, легким кивком указал на книгу и спросил:

— Чтением развлекался? Полезно...

— Картинки занимательные. А тот, как его,— Иудушка Головлев, герой. Есть же такие типы...

— Затем и пришел, чтобы иллюстрации посмотреть?

— Не обижайся. Я по-свойски. На улице — непогодь. Днем с огнем ходить и то темно.

Соколов щелкнул выключателем. Под матовым абажуром вспыхнула лампочка. Шкаф, кровать, этажерка — все в порядке. «Обыска не было».

— В комнате у себя сидеть не могу,— оправдывался Левченко.— Вспомнил, как с Горбачевым...— боязно стало. Мерещится покойник...

— Великая эта печаль и заставляет прибегать к отмычкам? Ключ попросил бы.

— Ключи у нас одинаковые,— Левченко был по обыкновению навеселе. От него пахло дешевым оде-

колоном.— В любое время к тебе заглянуть могут. Однажды покойный Горбачев крафтовский каби...— Левченко внезапно прикусил язык и перевел разговор: — Где пропадал?

— Был в Риге,— Соколов повесил на крючок плащ, шляпу, достал расческу.— Историческими памятниками любовался, наблюдал за парочками. Разгуливают по бульварам. Непогодь, а гуляют. Заглядывал в «Рим». Без тебя веселья не получается. Хоть бы организовал, что ли?

— Мою зазнобу не встречал?

— Нет. Ушла, должно быть, твоя зазноба с моряком. Я бы на ее месте поступил так же. Непостоянный ты, Левченко, человек. А женщины, даже такие, как твоя, любят постоянство.

Левченко промолчал, а затем, заискивающе поглядывая на Соколова, заговорил:

— Понимаешь, Сарычев, вызвал меня Крафт и в лоб: «Левченко, вам надо больше бывать среди людей. Я имею в виду гражданское население. Случайно брошенная фраза подсказывает иногда смекалистому вроде вас человеку правильный путь к цели! Пришло время вплотную заняться подпольным центром партизан, действующих в Риге и окрестностях. Бросьте все и займитесь этим вашим приятелем из «ОУК». Действуйте. Ориентируйтесь сами». И, понимаешь, выдал мне бумаженцию. С этой охранной грамотой я могу смело хоть в преисподню топать: ни одна сволочь не задержит! И вручил тысячу марок! И еще, Сарычев... Только ты об этом ни-ни... Тебе говорю лишь как другу. Верю я в тебя, как в себя. Эдгар-то, а? Через него, Сарычев, наткнулся я на организацию. Думаю, тайная она. Подпольщики.

— Тебе подпольщики везде мерещатся!

— Я серьезно. В ресторане «ОУК» Эдгар сосватать куда-то меня задумал. Я с ним не первую неделю водку хлещу! Хочешь, поближе тебя с ним познакомлю? Вместе и решим, как быть. Договорились? Помоги, будь другом! У тебя нюх, как у овчарки.

— Разве дружбы ради,— поколебавшись, согласился Соколов.

— Спасибо! — Левченко просиял.— А там и сатана не брат! Еще новость. Тоже совет нужен. Крафт вре-

менно в денщики меня сватает. Пока другого не подыскал.

— Тебя?

— Чего тут особенного? Может быть, выслужусь, в денщики переведет. Верно, денщик — не фигура, но есть шанс в живых остаться. Не забросят.

— Почему? Один раз уже забрасывали.

— То проверка. Крафтовский трюк. Не ты, засыпались бы мы тогда,— Левченко растянул тонкие губы в улыбку.— Идти к нему, а?

— Место подходящее,— Соколов прикидывал в уме, как использовать для дела новую должность Левченко.— Когда прикажешь поздравить с назначением, с вступлением на выгодный и высокий пост?

— Не смейся,— обидчиво протянул Левченко и тотчас оживился: — После совещания. В восемь здесь какой-то важный совет. Из Риги прибудут гауптштурмфюрер Трайбхольц, оберштурмфюрер Зеккель... Слушай, Сарычев. До чего громкие звания у них, а? Люблю! — и с подобострастием, и с завистью он еще раз повторил: — Гауптштурмфюрер... Сильно! А попросту, всего капитанишка... Ну, да хрен с ними со всеми!.. Сам Штауберг будет! Я побегу, а то Крафт спохватится.

— А я, пожалуй, спать завалюсь. Устал за день,— Соколов погасил свет и, провожая Левченко до порога, все время думал о фразе, оброненной новоиспеченным денщиком: «Однажды покойный Горбачев крафтовский каби...» — Шагай, шагай, а то и на самом деле разыскивать начнут,— сказал он, подталкивая Левченко в спину и не замечая протянутой для прощания руки. «Одинаковые ключи».

Буря разыгралась не на шутку. Песчаная пыль клубилась по земле. Свинцовые облака, гонимые ветром, цеплялись за крыши строений, мачту радиостанции, будто хотели удержать на месте. По двору вихрились щепки, листья. Свет уступил место сумраку. Сильный порыв хлестнул песчинками в окно. Стекло форточки задребезжало, звякнуло. Она распахнулась. Ветер заперелистывал страницы книги. Соколов поспешно захлопнул форточку, носовым платком протер запорошенные пылью глаза, подобрал с пола газеты. «По всей вероятности, в Берлине Штауберг получил какое-то особое задание,— думал он.— Созывая совещание в

школе, оберст рассчитывает сохранить все в тайне. Зеккель и Трайбхольц! Кто же еще приглашен? — так размышляя, он присел на край стола.— О пустяках говорить они не станут. Штауберг будет, конечно, излагать планы, имеющие прямое отношение к дальнейшей деятельности нацистов в Прибалтике и Белоруссии...»

В сырые сумерки вечера уже вливалась черная краска ночи. Она скрыла кустарники под окном, забор и деревья. Соколов, все еще размышляя о предстоящем совещании, посмотрел на фосфоресцирующие стрелки часов: ровно семь. Не одеваясь, майор запер комнату и выскользнул во двор. Ветер бесцеремонно взъерошил волосы, вздул пузырем пиджак. Прижимаясь к забору, Соколов сделал изрядный крюк, обогнул здание комендатуры и пробрался в сад.

Неприветливо и угрюмо выглядел дом с темными окнами. Из-за угла внезапно вынырнул часовой. Зажав под мышкой винтовку, он пятился задом, подставляя песчаному вихрю сгорбленную спину. Стоило ему повернуть голову направо, он заметил бы приникшего к водосточной трубе человека. Но, уткнув нос в поднятый воротник шинели, солдат засеменил обратно. «Заблаговременно выставили наружную охрану,— отметил майор.— А внутри? Свет выключен — кабинет пуст». Опять показался часовой. Соколов стал высчитывать, сколько минут тратит он, чтобы пройти от угла до угла. Вслед за солдатом прокрался к дверям, легким прыжком преодолел ступени и окунулся в темноту прихожей. Прислушался. Кроме частых ударов собственного сердца да унылой песни ветра,— ничего.

Левченко не соврал: ключи были одинаковые. Соко-

лов снял ботинки, взял их в руку и, мягко ступая по ковровой дорожке крафтовского кабинета, подошел к стене, занавешенной ковром. Как-то беседуя с начальником школы, он заметил в ковре небольшую вмятину. И, действительно, в стене за ковром была ниша. Он укрылся в ней, придвинул кресло на прежнее место и опустил ковер.

Соколов ждал. Ему казалось, что секунды попридержали бег, стали отсчитывать минуты, а минуты — часы. Ниша была просторная, драпировка надежная, и все же каждый шорох током пробегал по его телу.

Громко щелкнул замок. В кабинете зажегся свет: ковер перед глазами засиял множеством микроскопических точек.

— Левченко! — это крикнул Крафт.— Вина и фрукты поставьте здесь. Сначала скатерть постелите, скатерть! Живее! Кресло передвиньте к окну, диван — к стене!

Левченко передвигал диван за спинку, тащил на себя, пятясь. Подтянув почти вплотную к ковру, задом углубился в нишу. Соколов уже ощущал прикосновение ковра. Испарина выступила на лбу, приклеила к спине рубашку. Майор сильно сжал рукоятку пистолета и нацелил его на голос Крафта.

— Левченко! Не возитесь.

Тот выскочил из-за дивана, придвинул его к стене, окончательно забаррикадировав нишу.

— Отправляйтесь! Вы пока не нужны.

В наступившей тишине чуть поскрипывали сапоги: Крафт нервничал.

«Волнуетесь, господин гауптман,— думал с облегчением Соколов.— Волнуйтесь, волнуйтесь».

На крыльце возник шум. Если бы майор мог наблюдать за тем, что происходит в кабинете, он увидел бы, с каким раболепием на лице Крафт встретил оберста.

— Хайль!

— Здравствуй, Курт! — Штауберг не отличался особой рьяностью в приветствиях.

— Герр оберст! Ваши указания...

— Превосходно! — под тяжестью дородного тела жалобно заскрипели пружины кресла.— Ты похудел, Курт. Да, да... И это тебе к лицу.

— Я не знаю, герр оберст, как отблагодарить вас! Вы приняли участие в моей судьбе. Моя жизнь принадлежит вам! Я обязан...

— Полно, Курт! Ты уже доказал мне свою преданность. И, кстати, ты оказал мне большую услугу, вовремя убрав Мюллера. Иначе было бы плохо, Курт. Было бы очень плохо...

В кабинет вошло еще несколько человек. Поприветствовав фон Штауберга, уселись на диван.

Перед серьезным разговором немцы болтали о разных пустяках, вспомнили о любовных похождениях, рассказывали анекдоты.

Ровно в восемь Штауберг открыл совещание.

— Господа! Я уполномочен Гиммлером и Канарисом передать вам ряд важных и, безусловно, секретных указаний. Мы должны осуществить их здесь, в Латвии. Адмирал доложил фюреру о промахах — я выражаюсь мягко, господа! — допущенных гестапо, СС и СД в Риге. Фюрер выразил уверенность, что все промахи будут исправлены нашими совместными энергичными действиями. Прошу отложить записные книжки. То, что я рассказываю, хранить в памяти, и нигде больше! Не секрет, что русские форсировали Днепр... Во избежание сюрпризов со стороны противника мы проведем широкие профилактические мероприятия. Гауптштурмфюрер Трайбхольц!

— Слушаю, герр оберст!

— Ваши зондеркоманды и эйнзацгруппы должны уничтожить следы своей деятельности. СД и СС выделят в помощь вам необходимое количество людей.

— Мы должны ликвидировать следы расстрелов.

— Совершенно верно.

— Но по Латвии с сорок первого года подвергнуто экзекуции только одних евреев около шестидесяти пяти тысяч. Точных сведений об уничтоженных военнопленных, содержащихся в лагерях, и гражданском населении у меня не имеется...

— Гауптштурмфюрер! Подобная информация неуместна! Я передаю вам указания Гиммлера. Ваше дело — выполнить их.

— Еще вопрос,— не унимался Трайбхольц.— Означает ли сказанное вами, герр оберст, что деятельность команд и групп на время приостанавливается?

— Ни в коем случае. Учитесь не оставлять улик. А в остальном, как советует фельдмаршал Кейтель, имейте в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости...

Они цинично, деловито подсчитывали число умерщвленных, называли места массовых казней.

Потом Штауберг перешел к следующему вопросу.

— Для того чтобы вы поняли всю важность намеченных мероприятий, я позволю себе зачитать выдержку из сводки Советского информационного бюро за двадцать первое сентября, то есть за вчерашний день.— Зашуршала бумага: оберст разыскивал запись.— Это, господа, относится непосредственно к нам,— и Соколов услышал вторую половину прочитанной им сегодня утром сводки.— «Латвийский партизанский отряд пустил под откос немецкий воинский эшелон, шедший с двойной тягой. В результате крушения разбиты два паровоза, сорок один вагон с боеприпасами и несколько платформ с автомашинами. Движение на этом участке железной дороги было прервано на три дня. Другой отряд латвийских партизан подорвал на минах поезд с войсками противника. Разбиты шестнадцать вагонов и паровозов. Под обломками погибло много...» наших солдат,— после заминки добавил Штауберг.— Как видите, здесь совсем ничего не сказано о диверсиях, происшедших на днях: о взрыве склада боеприпасов, освобождении целой колонны военнопленных. Партизаны наглеют. Вспомните историю с похищением фон Лухта, Штимма и нашего агента, вспомните гибель оберста Мюллера, исчезновение штурмбанфюрера Брандта, и станет понятна угроза, которой подвергается каждый из нас. К вашему сведению, листовка, которую я вам только что зачитал, была наклеена на дверях полицейского управления. Берлин требует ликвидации партизан.

— Третий год мы гоняемся, герр оберст, за ними,— сказал кто-то.— Месяц назад, улизнув из ловушки, они наголову разбили карательный отряд. Для борьбы с партизанами необходимо привлечь армию.

— Снять с фронта боевую часть! В такое время! — Штауберг задохнулся от возмущения.— Оберштурмфю-

рер Зеккель, вы думаете, что говорите? У нас здесь достаточно сил, чтобы справиться с горсткой бандитов, орудующих по ночам. Террор и провокация — вот наши союзники. Надеюсь, разведывательная служба покажет себя в этом деле. Вы, Крафт, отберите людей, подготовьте их для проникновения в отряды к партизанам. Перехожу к последнему вопросу. Нам приказано в противовес большевистскому подполью создать националистическое, то есть сформировать отряды из людей, ненавидящих коммунистов, преданнных режиму Ульманиса. Мы заставим их бороться с большевиками. В случае нашего отступления они станут совершать диверсии против частей Красной Армии. Отряды мы снабдим оружием и боеприпасами. Гиммлер поручил выполнить это вам, оберштурмфюрер Зеккель.

— Герр оберст! — тотчас же откликнулся тот.— В последних директивах и приказах из Берлина были подобные указания. Я по совету рейхскомиссара Лозе приступил к формированию националистского подполья и организации отрядов. Список руководителей и планы, касающиеся этих отрядов, хранятся у меня.

— Тем лучше! Одно плохо, что вы, Зеккель, храните важные документы дома. Сдайте немедленно в управление... Мне думается, господа, все сказанное не нуждается в дополнениях.

Соколов слышал, как гауптштурмфюрер Трайбхольц говорил кому-то:

— Операция «Котбус» по истреблению евреев в Прибалтике и Белоруссии была проведена блестяще! А теперь заново перетряхивать старье...

— Политика,— прозвучало в ответ.

Гауптман пригласил всех к столу.

Гости разъехались поздно. Проводив их, Крафт вернулся в кабинет, распахнул форточку и щелкнул выключателем. Погасли перед глазами Соколова мерцающие множеством светлых точек узорчатые переплетения ковра. Захлопнулась и лязгнула американским замком входная дверь.

Тишина. Но еще долго не доверялся ей Соколов, еще долго стоял он, прижавшись спиной к холодной стенке ниши.

Как выбрался майор из комнаты, где проходило совещание, трудно передать на словах. Нервы, словно

натянутые струны, гудели, готовые ко всему. С трудом успокоившись, Соколов осторожно, стараясь не шуметь, отодвинул кресло и опять, сняв ботинки, прошел к двери.

Замок открылся бесшумно. Переждав в прихожей, пока сутулая спина часового мелькнет в проеме дверей, Соколов пробежал до угла и укрылся в кустах. Теперь ему предстояло решить, идти ли в свою комнату, либо, пользуясь унифицированными ключами, проникнуть в канцелярию школы, где флегматичный Пактус хранит в стальном сейфе картотеку. Соколову надо было познакомиться с «воспитанниками Крафта», оценить их возможности. «Пожалуй,— подумал он,— сегодня самый безопасный день: Крафт после совещания будет спать, а караульные, спровадив высокое начальство, тоже решат, что можно отдохнуть». В темную комнату школьной канцелярии, где стояли сейфы с делами, приказами и картотекой, Соколов проник без особого труда, открыл сейф дубликатами ключей, заранее изготовленных Демьяном по слепкам, которые Левченко сделал по просьбе майора.

Соколов, приспособив карманный фонарь, спокойно перебирал дело за делом, выписывал в блокнот одному ему понятными знаками, а подчас просто запоминал то, что являлось большой тайной Крафта, Штауберга, да и всего абвера.

В делах Ухова и Остапенко майор обнаружил некоторые «изъяны».

Ухов! Никто бы не подумал, что сын потомственного рабочего способен на предательство, на подлость. Никто не подумал, кроме немцев.

Ознакомившись с делом Ухова, Соколов уверовал в то, что этот человек не может стать предателем. В комнату к себе майор вернулся как нельзя кстати. Едва успел он раздеться и накинуть одеяло, как пожаловал Левченко.

— Ты спишь? — спросил он.— Нет? Хочешь, Сарычев, коньячку? Прихватил я бутылку. Пили эти сволочи в три горла, но оставили-таки...

— Нет, Левченко, пить я не стану.

— Ну, хоть по махонькой! Не хочешь? Тогда я за тебя и за себя выпью. Будем здоровы!

— Давай,— проговорил Соколов.— Будем!

ПОД ПОКРОВОМ НОЧИ

К утру буря стихла. Ветер, еще свежий, но уже не порывистый, разогнал остатки темных облаков. Показалось солнце. Сосны после непогоды выглядели нарядно, словно влажный ветер с моря умыл их. Но всегда прибранный двор школы уподобился мусорной свалке: повсюду валялись сучки, щепки, жухлая трава, обрывки бумаги, консервные банки.

По захламленному плацу с метелками лениво бродили угрюмые, заспанные дежурные. Из казармы на плац вышел старший наряда — упитанный немец с плоским и круглым, как диск, лицом. Он остановился в центре, широко расставив ноги, зевнул во весь рот несколько раз подряд и, поглаживая выпяченный живот, запокрикивал на подметальщиков. И те, дружно махая метелками, принялись усердно скоблить землю.

На завалинке флигеля усердствовал Левченко. Засунув по локоть руку в голенище крафтовского сапога, он орудовал щеткой так ловко, будто всю жизнь только тем и занимался, что чистил обувь. Фуражка с высокой тульей и лакированным козырьком все норовила сползти ему на глаза. Поношенный офицерский мундир топорщился на нем бесчисленными складками, висел, как на вешалке. Желтые краги болтались на тощих икрах.

— Левченко! — на крыльце появился гауптман. В нижней рубашке, в подтяжках, в шлепанцах на босу ногу, он выглядел не так представительно и солидно, как в мундире, щедро подбитом ватой.

— Левченко, где горячая вода!

Денщик вскинул на гауптмана испуганные глаза, извинился за нерасторопность, бережно поставил на завалинку начищенные до зеркального блеска сапоги и сломя голову бросился к кухне. Возле барака он столкнулся с майором. Обнаженный до пояса, раскрасневшийся от утренней свежести, Соколов делал зарядку. Раскинув руки, майор преградил Левченко путь.

— Занимай позицию!

— Спешу, Сарычев! Шеф теплой воды требует!

Зазевался я малость. Ну и жизнь собачья! — изловчась, Левченко нырнул Соколову под руку.

Из канцелярии к флигелю величественно прошествовал, как всегда напыщенный, помощник коменданта Пактус. За ним, вытянув шею и прислушиваясь к каждому слову «господина помощника коменданта», почтительно вышагивал долговязый, нескладный переводчик Бокшат.

— О! — воскликнул Пактус, заметив майора.— Вы боитесь потерять спортивную форму? — и, скорчив гримасу, сказал по-немецки Бокшату: — Этот себя чувствует здесь лучше, чем дома!

Соколов холодно посмотрел немцу прямо в глаза, спокойно перекинул полотенце через плечо и прошел к умывальникам. Изрядно остывшая за ночь вода обожгла тело. Громко отфыркиваясь, майор поливал себе спину, плескал воду пригоршнями на грудь. Взбодренный зарядкой и холодным душем, он надел отутюженный костюм и отправился завтракать.

В столовой, пропахшей молочной гарью, были только Остапенко и Ухов. Они сидели за столиком в дальнем углу комнаты и о чем-то разговаривали.

Соколов прислушался к их голосам.

— Человек он твердый. Овечьим хвостом болтаться не станет?

— Проверить бы его еще разок,— глухо сказал Остапенко.

— Чего проверять-то.

— Он показал себя. Не будь его тогда с нами, кормили бы мы ворон: и я, и ты, и Левченко. Раскусил он Крафта, догадался, зачем тот в тылы «советские» без подготовки нас забрасывает. Знаменито грохнул он меня рукояткой пистолета. До сих пор кость ноет... А как этот Сарычев держится? Сила! Ни перед кем не лебезит, не заискивает. Характер у человека...— Ухов не договорил. К столику подошел Соколов.

— Опять каша? — спросил он.

— Ага,— мрачно ответил Ухов.

— Ничего,— Соколов беззаботно улыбнулся.— Пусть скажет нам теперь кто-нибудь, что мы мало каши едим.

— О вас, пожалуй, так не скажут,— констатировал Остапенко, с уважением глядя на майора.

— И вы много каши съели,— шутливо проговорил Соколов.— Немецкая каша должна и вам пойти впрок. Завтрак — каша, обед — каша, ужин — каша. После каши сны хорошие снятся.

— У кого как,— пробормотал Ухов.

— Я о себе говорю,— сказал Соколов.

— А мне приснилось,— вдруг вступил в разговор Остапенко,— что нас вроде загонщиков использовать хотят.

— Не всякий сон бывает в руку.

— А этот не в руку, а в глаз. Подпольщиков ловить посылают,— признался Остапенко.— Срок дали короче воробьиного носа. А где их, подпольщиков, взять? Барышников еще туда-сюда...

— Значит, искать подпольщиков надо,— майор с аппетитом принялся за пшенную кашу.— С умом искать... У людей на лбу не написано, что они подпольщики. Так ведь?

— Ну, так.

— А что если вместо подпольщика подсунуть им...— Соколов деланно рассмеялся,— миллионера в роскошном лимузине?..

Появился Левченко. Остапенко и Ухов, словно по команде, насупились и замолчали.

— А! Сиамские близнецы и Сарычев! О чем это вы рассуждаете?

— О характерах человеческих,— ответил Сарычев и посмотрел на Ухова, который как бы замер от этих слов.

— Нашли тоже, о чем дебаты разводить... Я ведь за тобой, Сарычев, пришел. Начальник школы срочно вызывает.

Соколов поднялся и, прощаясь, повторил: — С умом выполняйте...

Крафт встретил майора приветливо.

— Долго же вас, господин Сарычев, разыскивать приходится,— сказал он с легким укором.— Во-первых, примите мои запоздалые поздравления. Только вчера я узнал, что вы удостоены такой высокой чести.

Соколов поклонился.

— Благодарю.

— Во-вторых,— продолжал гауптман,— оберст фон Штауберг приглашает вас к часу дня. И еще позволю

себе сделать вам одно замечание. Вы имеете право на отдельный стол и на...

— Как воспитанник вашей школы, господин гауптман, я не заинтересован быть белой вороной, которую всегда легко различить в общей стае. Я воспитанник школы, и все!

— О, да! Я прекрасно вас понимаю!

В назначенное время Соколов прибыл в управление и, узнав, что Штауберг перенес беседу на вечер, вышел на улицу. Несколько минут он простоял у цветочного киоска, посматривая поверх развернутой газеты на прохожих, и, не заметив ничего подозрительного, быстрым шагом пересек площадь, смешался с толпой, а затем ловко вскочил в отъезжающий автобус.

Сегодня у Соколова было намечено очередное свидание с группой. Путь до новой явки лежал через весь город, на взморье. Если раньше явка находилась в пригороде, то теперь... «Круг сжимается,— думал Соколов.— Все-таки чертовски развит нюх у этих ищеек».

Три дня тому назад возле загородного домика майор приметил чумазого электрика, который делал вид, что копается в распределительной коробке. Неумело сжимая в руке плоскогубцы, электрик больше смотрел по сторонам, чем в густую паутину электрических проводов. Соколов тогда прошел мимо явки, попетлял по пригороду, проехал автобусом несколько остановок. Вышел. Опять побродил по улицам и переулкам, выбирая места поглуше. Снова вскочил в автобус и, порядком поколесив по городу, решил пообедать в кафе.

Из-за столика он наблюдал за улицей. Вот к бровке тротуара приткнулся автомобиль. Из него вынырнул человек, похожий на того электрика, что ковырялся в распределительной коробке. Только теперь на нем не было замасленной робы. Оглядев улицу, электрик не торопясь направился в кафе.

Соколов не спеша поднялся, служебным коридором проник в небольшой дворик, заваленный пустыми ящиками, через лаз в заборе пробрался в соседний двор, а оттуда в переулок и на людную улицу...

Поэтому сегодня, покинув управление, он долго ходил, ездил вновь по городу, прежде чем отправиться на взморье.

Не раз предупреждал Соколова старший товарищ

и отличный чекист Силин, что никогда не надо забывать о врагах, которые, может быть, следят за каждым твоим шагом. «Помни и действуй так, чтобы перетасовать все их карты, спутать их игру, взять реванш».

Море лениво лизало берег. На мокром песке оставались следы. Глубокие, они тотчас же заполнялись водой и рассасывались. На торчащем возле рыбацкой избушки шесте висела тряпка: «Опасности нет» — говорил этот знак.

Соколова встретил Николай. В неизменной клеенчатой зюйдвестке, в резиновых до пояса сапогах, он был похож на рыбака. Даже могучая фигура его, казалось, дышала морем. Николай доложил:

— Центр шифровкой подтвердил, что сведения получены. Демьян к операции готовится. Ваше поручение Михаил выполнил: ему латыши подметальщиком ангаров помогли устроиться на аэродроме. Янис дежурит в ресторане «ОУК». Он познакомился с Левченко. Сазонова в отряд ушла. Мины доставлены. Вчера убрали чумазого, который за вами следил последние дни. Мария в кафе не появлялась без вас.

— Хорошо! Возможно, нам придется отложить операцию. На вечер я вызван к Штаубергу. Ждите. Если до полуночи не появлюсь у «Рима», расходитесь.

— А если?

— «Если» отпадает. Где живет Зеккель?

— Улица Геринга.

— У Зеккеля хранятся планы размещения националистических банд, явки, районы действия. Зеккель получил приказ все документы сдать в гестапо. Итак, жду вас у кафе...

Улицы города погрузились во мрак. Лишь сквозь зашторенные окна кафе «Рим» просачивался свет. Оттуда доносились звуки джаза и гнусавый тенор Сластина. По мостовой, громыхая сапогами, двигался патруль. Один из солдат свернул в кафе и, заметив темную фигуру прислонившегося к рекламному щиту Соколова, потребовал документы. Взглянув на удостоверение, солдат взял под козырек и удалился.

Улица опять опустела. Соколов курил, напряженно всматриваясь в густую темноту ночи. И вот вдали

едва различимо мигнул огонек папиросы. Мигнул раз-другой и описал широкий круг. Майор оживился, стряхнул с сигареты пепел и в свою очередь описал ею широкий круг: «Сигнал принял. Иду».

Переодевались на задворках. Форма штурмбанфюрера СС пришлась Соколову впору. Николай, Демьян, Михаил и Янис при свете карманных фонарей критически осмотрели его с ног до головы и не обнаружили никаких изъянов.

— Письмо,— обратился майор к Николаю.— Да, да... Это самое,— спрятав конверт в нагрудный карман френча, спросил: — У Зеккеля гости бывают?

— Редко. Живет как монах. А вот сосед у него шумный. С вечера и до утра веселье.

— Полянский, прихватите флакон. Повторяю, по комнате не расхаживать, не разговаривать и даже не переглядываться, стоять у порога. Оружие держать на взводе. Михаил, Янис, вы дежурите в подъезде.

В частях СС нередко прибегали к этому способу. Чтобы провинившийся офицер мог загладить неблаговидный поступок, ему посылали записку с предложением «спасти честь мундира». Соколов и решил вручить Зеккелю подобное письмо.

У затемненного многоэтажного здания на улице Геринга Демьян остановился, оглянулся, хотя в кромешной тьме вряд ли можно было вообще что-нибудь различить, и вполголоса проговорил:

— Второй подъезд, третий этаж, дверь налево. Денщика он отпускает до утра.

Поднимались на ощупь. Нашли дверь. Соколов нажал кнопку звонка. За дверью послышались неторопливые шаги, кто-то кашлянул и чуть удивленно спросил:

— Кто там?

— Мне нужен оберштурмфюрер Эрих Зеккель! — по-немецки сказал Соколов.

Звякнула цепочка.

— Слушаю вас, господин штурмбанфюрер? — розовощекий лысый толстяк настороженно оглядывал в приоткрытую дверь незнакомого офицера.

— Я ожидал более теплого приема,— надменно проговорил Соколов.

Зеккель нерешительно откинул цепочку.

Майор переступил порог.

— Штурмбанфюрер Иоганн Балк! Может быть, пригласите в комнату?

— Да, да, господин штурмбанфюрер,— Зеккель торопливо пробежал пальцами по пуговицам расстегнутого мундира. Его встревожил столь поздний визит незнакомых офицеров СС — штурмбанфюрера, гауптштурмфюрера и оберштурмфюрера. Маслянистые глазки толстяка беспокойно шарили по каменным лицам пришедших.

— Оберштурмфюрер Эрих Зеккель,— официально проговорил Соколов.— Вручаю вам лично. Распишитесь,— и вытащил из кармана засургученный пакет.

Зеккель расписался и вскрыл его. К ногам упала миниатюрная картонная коробочка. Подхватив ее с ковра, оберштурмфюрер углубился в письмо. Соколов следил за тем, как по мере чтения смертельная бледность покрывает розовые щеки, перекидывается на лоб Зеккеля. Тяжелый раздвоенный подбородок отвис. На лысине выступила испарина. Глаза замерли, уставившись расширенными зрачками в одну точку.

— Ваш ответ, Эрих Зеккель,— холодно проговорил Соколов.

— Здесь, вероятно...— язык не повиновался оберштурмфюреру.— Только сегодня я получил дополнительный приказ рейхсфюрера о формировании специальных отрядов,— он суетливо подбежал к небольшому настольному сейфу и достал коричневую папку.— Вот планы дислокации отрядов, список командиров, их адреса...

— Эрих Зеккель, меня это не касается. И тем более что на днях оберст фон Штауберг приказал вам лично немедленно сдать эти документы в управление. От себя могу добавить, что сейчас вы выбалтываете секретные сведения!

— Тогда... тогда я... да... да... я,— отупело бормотал оберштурмфюрер, сжимая коробочку.

Ночью майор впервые за время пребывания в школе заглянул к Левченко. Денщик принял его визит, как дань своему «высокому» положению. Небрежно развалясь на койке, он грыз зубочистку и сыто щурился.

— А раньше недосуг было,— снисходительным то-

ном выговорил он.— Правда, я тоже недавно освободился...

— Работа,— полушутливо заметил Соколов,— и у меня и у тебя ее по горло.

— Я вот отдыхаю.

— Ну, ну, не стану тогда мешать,— майор повернулся к выходу, но Левченко вскочил с кровати.

— Подожди! Гордый ты, Сарычев. Садись! — и вытащил из тумбочки бутылку не то французского, не то итальянского вина, со стуком поставил ее на стол.— Обмоем назначение?

— Не буду! Отдохнуть и мне надо... Завтра встретимся.

— Не выйдет: с зарей бегать начну. Теперь, если встречаться, так только по ночам... но для тебя выкрою утречком с полчасика. Захвати бутылку. Хотя ладно, пусть остается, завтра сам принесу.

Утром он стукнул несколько раз кулаком в дверь Соколова и, не получив разрешения, вошел в комнату.

— Спишь?

— Как видишь,— ответил майор, кутаясь в одеяло.

Левченко уселся на стул и проговорил горестно:

— Спишь. А вот скоро круглые сутки во все глаза смотреть будешь.

— Почему?

— Чэпэ! Одно за другим, одно за другим... Крафту из управления звонили. Бокшат говорит, что оберштурмфюрер Зеккель отравился! Цианистый калий принял... Никто в толк взять не может, из-за чего!

И в самом деле многие не могли понять причины самоубийства Эриха Зеккеля. А она — эта причина лежала на столе фон Штауберга.

Оберст метался по кабинету. Вызванные офицеры застыли перед ним и, словно заводные куклы, вращали головами вправо и влево, следя за ним глазами.

— Что это? — гремел фон Штауберг.— Злая, неудачная шутка, провокация, нападение? — он схватил письмо и снова начал читать: «Эрих Зеккель. Загадочное убийство оберста Мюллера непосредственно связано с вашей деятельностью в Риге. Надеюсь, долг офицера СС подскажет вам, как спасти честь мундира. Рейхсфюрер Генрих Гиммлер». Рейхсфюрер! Рейхсфюрер! — с остервенением скомкав бумагу, фон Штау-

берг бросил ее в корзину.— Надо быть безмозглым идиотом, чтобы поверить этому! Тупица, не додумался, что рейхсфюрер и понятия не имеет о каком-то оберштурмфюрере! До чего дошло! Мне приходится заниматься делами полиции, СС, СД! Для чего же вы здесь торчите!

Штауберг рухнул в кресло и полузакрыл глаза. Все стояли, боясь шелохнуться. Наконец устало разомкнув веки, оберст потер ладонью лоб и виски.

— Докладывайте.

— Гер оберст! Служебные собаки следов не обнаружили. Документы и бумаги на месте.

— Коричневая папка?

— В настольном сейфе.

— Зекеля похороните,— успокоенно приказал Штауберг.— Без лишнего шума похороните.

Как только дверь за последним офицером притворилась, оберст позвонил адъютанту и распорядился:

— Фогель!

Предстоящая беседа с Матильдой Фогель заранее раздражала его. «Начнутся упреки, жалобы, намеки...»

В кабинет, обворожительно улыбаясь, вошла Матильда.

— Я в вашей власти, Альберт,— томно протянула она, бесцеремонно усаживаясь в глубокое мягкое кресло.— Сердце подсказывает мне, что в Берлине, наконец, вспомнили Златокудрую. Так?

— Адмирал помнит о вас, Матильда. Он благодарит вас за успешно выполненное задание, которое вы получали от меня. Адмирал просил передать вам тысячи приветов,— язвительно солгал Штауберг.— Но разговор пойдет не об этом...

— С удовольствием выеду из Риги,— Матильда, щелкнув филигранным запором, открыла сумочку и достала перламутровый портсигар.

— Как вам нравится Россия? — без дипломатии проговорил оберст, награждая собеседницу очаровательной улыбкой.— Когда-то вы признавались, что мечтаете побывать во всех странах мира. Франция, Англия, Америка вам уже знакомы... Теперь адмирал решил показать вам Россию. Вы обоснуетесь в Сибири, в городе Н. Заведете там деловые знакомства и будете ждать указаний.

— Альберт! Но Россия!.. Я мало знаю эту дикую страну!

— Главное — язык. А вы владеете им превосходно. Это — приказ,— жестко заметил Штауберг, чтобы не выслушивать капризов.— Не будем торговаться. Цель, к которой ведет нас фюрер, требует от каждого беспрекословного повиновения. Выполнив задание в России,— обещаю,— вы уедете в Германию.

С деловой стороной было покончено. Штауберг охотно рассказал несколько историй о знакомых Матильде разведчиках, о жизни в Берлине.

— А что будет с моим Сарычевым? — неожиданно поинтересовалась Матильда.— Меня с некоторых пор волнует судьба этого человека. В нем есть что-то сильное...

— Вы правы. Из него выйдет неплохой разведчик. Единственное, что может помешать ему в работе,— шрамы. Лицо разведчика не должно бросаться в глаза.

— Я думаю, что и это он сумеет использовать в своих интересах! Он почувствует, когда необходимо предпринять какой-либо маневр. Знакомясь, я надеялась за неделю обуздать его, но не добилась даже сведений о месте его работы, он ни словом не заикнулся...

— А приглашение в Чернигов?

— Это же «мой город»! — Матильда рассмеялась и легким кивком разметала белокурые локоны.— Он приглашал меня туда после победы. Человек-загадка.

— В Сарычеве я разобрался,— сказал уверенно Штауберг.— Такие люди знают цену жизни. При первой же встрече он показал себя не слюнтяем. Вот почему я принял некоторое участие в его судьбе...

— Мне бы хотелось перед отъездом в Россию встретиться с ним еще раз.

— Попытайтесь. Он теперь довольно часто бывает в Риге.

НЕОЖИДАННЫЕ ОСЛОЖНЕНИЯ

...Костюм из тонкого английского сукна, ослепительной белизны накрахмаленная рубашка, в манжетах которой сверкали золотые запонки, изысканные мане-

ры аристократа — вот чем выделялся среди пестрых посетителей ресторана «ОУК» высокий красивый молодой блондин с усталым лицом. Сидел он за столиком, заставленным винами, фруктами, холодными закусками, и был далек от всего, что происходило вокруг. Иногда большие выразительные глаза его медленно скользили по многоликой тесной толпе танцующих, не задерживаясь ни на расфранченных девицах, беззастенчиво флиртующих с разомлевшими от их близости отпускными офицерами, ни на сытых и самоуверенных буржуйчиках, что преуспевают на черных рынках Прибалтики и спешат спустить «неустойчивую валюту» в ресторанах Риги.

К столику равнодушного блондина, неловко лавируя среди танцующих, и протискался Левченко, а следом за ним два латыша и немец с длинным во все лицо носом. Левченко бесцеремонно уселся на первый подвернувшийся под руку стул и через весь стол потянулся к бутылке с коньяком.

— Не возражаешь? — не спросил, а пригласил он блондина, скорчившего презрительную гримасу, и налил рюмку.— Я, как говорится, хлопну штрафную .. За успех!..

Блондин, ничего не ответив на этот возглас, поприветствовал, как старого приятеля, длинноносого немца, пожал руку низкорослому латышу и все внимание сосредоточил на незнакомце.

— Садитесь! — блондин разглядывал дешевую одежду незнакомца — мягкую рубашку с отложным воротничком, выпущенным поверх шерстяного свитера, спортивного покроя брюки с накладными карманами, огрубевшие сильные руки, что держали гнутую спинку стула, словно штурвальное колесо рыбацкой шхуны.

— Эдгар, может быть, представишь спутника? — немного капризным голосом обратился блондин к вертлявому низкорослому латышу, который, глядя на сервированный стол, заранее предвкушал сытный ужин и обильную выпивку. Левченко уже успел опрокинуть еще рюмку и теперь, следя за танцующими парами, с аппетитом сосал прозрачный ломтик лимона.

— Могу! Жан Атауга. Свой парень,— проговорил Эдгар.— Левченко тоже знает его. Жан, пьем за здоровье Освальда Пургайлиса!

— Выпить за все готов,— откликнулся Левченко, наполняя рюмку.— Атаугу я знаю. Атауга, ты грузчиком на военной машине работал? Да? Спасал ты меня однажды... из кювета вытаскивал.

Пургайлис поднял рюмку и сквозь искристое вино продолжал разглядывать сосредоточенно-серьезное лицо Атауги.

— Атауга — калач тертый, — продолжал Эдгар. — Он и браслеты носил и на мир через решетку заглядывал! Будь уверен. Жан — не крыса!

— Где жил раньше?

— В Лиепае.

— Люблю портовые города! — опять зачастил Эдгар.— Порт — подходящее место. Клиенты приплывают и уплывают, а заработок остается! — Он так увлекся собственной речью, что не заметил, как брошенная им в пепельницу сигарета запалила клочок бумаги. Тонкие сизые нити потянулись вверх. Эдгар морщился, отмахивался от едкого дыма, но говорил и говорил.

Несколько раз его пытался перебить Левченко. Какими-то недомолвками, намеками он хотел показать, что знает дела, которыми занимаются люди (он так и говорил «люди») Освальда Пургайлиса, что разделяет их взгляды и готов не за страх, а за совесть служить им.

Но никто не принимал намеков Левченко всерьез. Все попросту игнорировали его присутствие.

Незадолго до закрытия ресторана Левченко собрался уходить. Он встал, откланялся и, помешкав, снова уселся за столик, чтобы выпить «последнюю», «посошок»... Присутствие его сковывало собеседников, и они все чаще и чаще в разговоре переходили на немецкий.

Когда спиртное было выпито до капли и Пургайлис оплатил счет, Левченко, перехватив у него взаймы пятьдесят марок, исчез. Освальд облегченно вздохнул.

— Дорогой друг,— сказал он, обращаясь к хозяину ресторана.— Прошу предоставить нам возможность побыть в тишине. Удалите всех. Мне кажется, пришло время закрыть ресторан: комендантский час уже наступил.

Хозяин ресторана был для Освальда Пургайлиса «своим человеком». Ослушаться его он не смел. И скоро в полутемном залике «ОУКа» остались четверо.

— Господа, можно, наконец, отдохнуть и поговорить откровенно,— сказал Пургайлис и еще заказал вина.— Неприятный субъект этот Левченко.

— Не верю русским,— поддержал немец.— Я имел возможность убедиться в их вероломстве. Они прибегают к нечестным приемам. В кафе «Рим» я видел парней, одетых под матросов. Один — высокий, другой — среднего роста, коренастый, седой. У них есть мундиры эсэсовских офицеров.

Освальд поспешно придвинул немцу рюмку:

— Ганс, догадки — еще не факты. Проверим и выясним, что за матросы облюбовали кафе.

— Облюбовали! Я и хотел сказать облюбовали. Я склонен к предположениям, что многие диверсии совершены не без участия этих людей. Быть может, они действуют от имени подпольщиков-большевиков, которых мы должны нащупать и изолировать.

— Поручите это дело нам,— вызвался Эдгар.— Мы с Жаном завтра выясним настроение матросов из кафе. Не привыкать к таким заданиям. Пойдешь со мной, Жан?

— Почему бы и не сходить,— ответил Атауга.— Но мундиры меня смущают. Не работают ли они, эти матросы, в СС. С организацией СС я хочу жить в мире.

— Могу ручаться, что они не эсэсовцы,— заверил немец.— Скорее всего — это агенты русских.

— Повтори, Ганс, приметы.

Так по заданию Соколова Янис Витолс — Жан Атауга — познакомился сначала с Левченко и Эдгаром, а через них уже с Освальдом Пургайлисом, значившимся в списке оберштурмфюрера Зеккеля одним из первых.

Вскоре Янис уже считался у националистов своим человеком.

«Выполняя» их поручения, он глубоко проник в разветвленную сеть этой организации, подтвердив Соколову и явки, и количественный состав, и фамилии главарей, что были добыты майором во время «визита к Зеккелю».

Штаб-арсенал банды Пургайлиса размещался в подвале полуразрушенного бомбардировкой дома с выби-

тыми окнами. Здесь националисты и решали свои дела, намечали и разрабатывали планы одиночных и массированных налетов.

Пургайлис произносил громкие речи об освобождении Прибалтики от гитлеровцев, но Янис знал, что всеми действиями атамана управляет хищно нацеленная на патриотов Латвии жестокая рука гестапо. Большеносый немчик из «ОУКа», по твердому убеждению Яниса, и являлся связующим звеном, через которое Пургайлису поступали задания и точная информация о прогрессивно настроенных рижанах.

Разведав окрестности, подвал, все его входы и выходы, Янис попросил Николая устроить ему встречу с майором и, когда она состоялась, изложил план ликвидации банды.

— Мне известно,— говорил Янис, озабоченно морща лоб,— что Пургайлис нащупал нашу группу. На подозрении Полянский и Федотов. Заметил их в кафе «Рим» гестаповский агент Сластин. Он исполняет там эстрадные песни. Немец говорил об этом Пургайлису. Говорил он еще и о том, что мы имеем эсэсовскую одежду.

— Немчик этот — не большеносый? — спросил Демьян.

— Да. Пожалуй, второго подобного носа не встретишь.

— Это, товарищ командир, фельдъегерь, тот, что вез приказ о стрельбище. Вот ведь паскуда. Не через своих, так через банду решил нас ликвидировать.

— Через своих это делать не в его интересах.

— Да, не дурак фельдъегерь,— невесело обронил Николай.— Я тебя, Дема, предупреждал...

Группа оказалась в трудном положении. Николай и Демьян не могли теперь появляться в городе. Не исключено, что Михаил и Сазонова тоже были взяты под наблюдение. Если это так, то не сегодня-завтра Пургайлис постарается расправиться с группой или оборвать связь ее с отрядом Лузина.

— Надо уничтожить Пургайлиса, — предложил Янис.

— Портативные мины у нас есть,— поддержал Михаил.

— Судя по твоему рассказу, Янис,— проговорил

Демьян.— Не подвал у них, а одесские катакомбы! Мин не хватит. Надо банду собрать в одну кучу и поднять на воздух разом. Лучше противотанковых гранат для этого благородного дела не найти. Давайте? А с тем длинноносым лейтенантом тоже поквитаться надо. Настрочим Штаубергу подробное письмишко с рассказом о «подвиге» фельдъегеря.

— Ситуация не из приятных,— заговорил Соколов.— Мы должны сделать все, чтобы группа выполнила задание. Сейчас, когда нащупаны нити, связывающие Штауберга с агентами по ту сторону фронта, нужно спешить, а если потребуется, рисковать ради дела. Янису придется взять на себя банду Пургайлиса... Если по счастливой случайности поблизости окажется и фельдъегерь, то следует, пожалуй, прихватить и его. Вы сказали, что Пургайлис перенес штаб-арсенал без ведома немцев?

— В разговоре со своим помощником Эдгаром Виртманисом он упомянул про шефа, которому необходимо передать новые координаты.

— Левченко осведомлен о подвале?

— Вероятно.

— А о знакомствах Марии Ворониной, товарищ командир, ничего разузнать не удалось. Не выехала ли она из Риги?

— Возможно...— Соколов помолчал.— Ну, друзья, будем действовать. Хорошо бы сосредоточить в подвале побольше бандитов. Собрать в определенный день и час. Лучше ночью. Постарайтесь, чтобы Левченко обязательно узнал о сборе.

Левченко разыскал Соколова в тире. Майор стоял на белой черте — линия огня — и, заложив левую руку за спину, стрелял поочередно в черные квадраты, нарисованные прямо на доске. Между выстрелами Левченко попытался завести с ним разговор, но Соколов невозмутимо всаживал в цель пулю за пулей.

— Постой, Сарычев! — взмолился Левченко.— Хватит: третью обойму в одно место вгоняешь.

— Выполняю приказ,— Соколов выпустил последний патрон и обернулся.— На! Посмотрю, на что ты способен.

— Катись со своей стрельбой. Мне поговорить с тобой надо.

— Выкладывай.

— Не здесь же!

— Тир — самое подходящее помещение для секретного разговора. Говори. У тебя ведь секрет? Так, что ли? — майор вставил в пистолет новую обойму и, переложив его в левую руку, прицелился.

— Бунт назревает, Сарычев, порохом пахнет,— промямлил Левченко.— Уж день и час назначены. Они начнут, а за ними и город поднимется.

— Кто начнет? — Соколов прицелился и выстрелил.

— Помнишь о заговорщиках? В ресторане «ОУК» с Эдгаром я поначалу водку пил, а потом и с руководителем познакомился. Зря ты знакомством с ними пренебрегал. Вместе бы теперь и славу разделили... Народу в подполье — видимо-невидимо. Есть у них все: от гранат до пулемета. Стреляют не хуже твоего. Мне один верный парень — Жан Атауга — выложил все их замыслы. Он и о месте сбора мне рассказал: собираются они ежедневно в подвале старого разрушенного дома. Срок вооруженного выступления — сегодня в полночь. Просил этот Атауга сообщить, когда немцы с облавой нагрянут, чтобы ему смыться вовремя. Ну, да шут с ним, с Жаном, лишь бы мне отличиться. Стоит громить подпольщиков, а? Только вооружение. Ведь бой будет.

— Тогда! — Соколов выстрелил несколько раз подряд по черному квадрату.— Взять их до выступления.

— Во-о! Я и хотел мнение твое узнать. Сообщу Штаубергу!

— Штаубергу?

— У Крафта и так ордена есть. Ему хватит. А мне...— Левченко рукавом потер лацкан френча.

— Ну, ну! Я бы все-таки доложил Крафту. Дело серьезное, важное. И потом он ведь об Эдгаре знает. Ты сам ему доложил. Кроме того, как думаешь, Левченко? Поблагодарит тебя твой начальник, когда ему станет известно, что ты через его голову Штаубергу ценные сведения сообщил? Задание-то тебе не Штауберг, а Крафт давал.

— Верно говоришь, верно,— с этими словами Левченко и покинул тир.

РАСПЛАТА

Утром Сазонова появилась в рыбацкой избушке. Вид у нее был виноватый: заставила товарищей поволноваться. Но что она могла поделать? Опасное положение, в котором оказались разведчики, взятые под наблюдение «людьми Пургайлиса», вынудило Галину пережидать сутки в семье знакомого рабочего-латыша. Лишь убедившись, что слежки за ней нет, связная пришла на явку.

Друзья встретили ее холодно. Конечно, каждый из четверых радовался возвращению Гали, но церемониал встречи, разработанный Демьяном, выдерживали до конца.

Окинув быстрым взглядом хмурые лица, девушка принялась рассказывать о причине непредвиденной задержки. Слушали молча.

— Чего вы молчите?! — наконец не выдержала Галя.— Я же объясняю вам, как все было! Не выспались вы, что ли?

— Нет, спали, как сурки,— ворчливо ответил Демьян.— Знали, что продлишь удовольствие и прогуляешься по окрестным деревням.

— Так не виновата же я, Дема! Немец меня задержал на обратном пути,— и, взглянув на изменившееся лицо Демьяна, продолжала: — Не волнуйся, пожалуйста. Он меня ни в чем не заподозрил...

— Провокатор! — ревниво проговорил Демьян.— Усыпил он тебя песнями своими, а ты и рада, и забыла, что теперь за каждым нашим шагом следят. Они запросто могут из Риги сообщить во все уездные полицейские управления и приметы наши, и...

— Знаю! — вспыхнула Галина.— Знаю и всегда об этом помню! Попал бы ты, Дема, в подобную историю...

Немец встретил Сазонову на окраине села. На вопрос немца: «куда и зачем идет симпатичная русская девушка?», Галина ответила, что возвращается в город, что ходила менять кое-какие вещи на продукты. Офицер, желая узнать подробности, стал задавать вопросы. Галина сначала терпеливо отвечала на них, но в конце концов, не выдержав, сказала, что «господин офицер

может проверить ее благонадежность в соседнем селе у коменданта лейтенанта Гюнше».

— Гюнше, Гюнше,— повторил офицер и показал ровные белые зубы.— Да, да... Я очень знаком с лейтенантом. Но это не меняет дела. Прошу следовать за мной.

— У меня — душа в пятки! Иду за немцем и жалею, что пистолета нет... Привел немец меня в дом, отпустил денщика, накрыл стол, разлил по рюмкам вино и завел беседу.

— И вино, значит, было,— все так же ревниво заметил Демьян.

— Еще какое! На этикетке... медалей, медалей...

— Пила, значит, с немцем? — еще мрачнее спросил Демьян.

— Нет, Дема. Пить я с ним не стала. Да ты ведь и сам знаешь, что я вовсе не пью. Разговор был интересный.

Немец говорил по-русски почти без акцента, лишь иногда неправильно строя фразы:

— Вам, дорогая девушка, часто приходится бывать в селениях, среди множества людей. Я не собираюсь ни задерживать вас, ни сопровождать всюду. Пожалуйста, добывайте для вас пищу. Я даже могу оказать кое-какое содействие. Но в этом мире ничего не делается бесплатно. Я не прошу слишком большой цены! Вы хотите, чтобы поскорее закончилась война? Хотите, чтобы народ вздохнул свободно? Поэтому-то вы нам помочь должны. Не будь лесных бандитов, мы выиграли бы давно войну, а вы жили тогда спокойно бы и счастливо... Согласны!

Галине предложение это давало многое. Она получала возможность следить за действиями немцев, за передвижением их карательных отрядов. Подумав, Галина дала согласие: «Что ей! Она не желает жить голодом! Наплевать на все. Пусть господин офицер позволит ей бывать в глухих деревнях! Там есть и сало и масло. Только пусть господин офицер никому не говорит о беседе и этой встрече: Галина тоже боится партизан, которые могут расправиться с ней».

Подвыпивший офицер разоткровенничался и, между прочим, проговорился, что через день в уезд прибудет рота карателей и крупный отряд айзсаргов. Их зада-

ча — прочесать близлежащие села и хутора. «Хорошенькой фрейлейн лучше несколько дней переждать в городе, а уж после операции карателей пойти по деревням».

Друзья заметно повеселели, приободрились, слушая Галю. Демьян так и сиял, победоносно посматривая на товарищей. «Вот она у меня какая,— говорил этот взгляд.— Видели? Самая лучшая на свете!»

Когда Галина сказала, что хорошо бы что-либо съесть и выпить кружку горячего чаю, Демьян поспешно достал с полки копченую рыбу и каравай хлеба, разрезал и то и другое, положил на днище перевернутой бочки.

Янис вытащил из-за ящика, что служил постелью, объемистый термос и разлил по эмалированным кружкам чай.

— И мы с тобой, Галина, пообедаем за компанию,— сказал Демьян.— Давайте, братцы, ведь скоро полдень... Не заметили, как за рассказом и время пролетело.

Обедали с аппетитом. Рассуждали о том, правильно ли поступила Галина, приняв предложение немца. Единодушно решили, что правильно. Но надо было согласовать все с командиром, как он к этому отнесется.

После обеда разговаривали обо всем и ни о чем: каждый либо вспоминал яркие эпизоды из довоенной и фронтовой жизни, либо уносился в мечтах далеко вперед, в то хорошее время, когда не будет войны, когда соберутся вместе все боевые товарищи...

Уже смеркалось. Правда, неопытный человек не заметил бы наступления вечера. Но Янис, взглянув на море, поднялся: с востока наползала темная полоса; она еще сливалась с водой, еще была едва различима,— и стал собираться в город.

— Мне пора,—сказал он.— Передайте командиру... Впрочем, он знает. Только Левченко не подвел бы.

— Такой прыщ не подведет,— презрительно сплюнул Демьян.— Лопнет, но отличится. А тебе, Янис, может, повременить малость? Корешок мой, Федька Селиванов, когда на серьезные рекорды уходил, всегда хронометром пользовался. Была у него на сей предмет дедовская серебряная луковица. Однажды с теперешней супругой своей он о свидании договорился.

Сидим мы с Федькой в сосисочной на Невском. Пивко потягиваем, сосисками закусываем...

— Перестань, Дема,— Николай строго посмотрел на сразу притихшего друга.— Не до шуток.

— Почему не до шуток? — улыбнулся Янис.— Очень даже до шуток. Ты мне, Демьян, эту историю завтра доскажешь. Ладно?

— Хорошо! Я тебе не одну расскажу! — подхватил Демьян.— Только помни — двадцать четыре ноль-ноль!

— Помню.

— В час тридцать постарайся быть здесь.

— Хорошо.— Янис, а за ним Николай вышли на улицу. На берегу ни души, только над головами плыли и плыли облака.

— Демьян правильно говорит,— заметил Николай.— Ты, Янис, долго там не задерживайся. Как почувствуешь, что все на мази, уходи. Не рискуй зря.

— Думаю, все пройдет удачно,— сказал Янис.— Если появится командир, передайте ему, что подпольщики, на которых замышляет налет Пургайлис, предупреждены. Так и доложи командиру, Николай, что я их сам предупредил.

В этот день Соколову не удалось вырваться на взморье: он задержался у фон Штауберга. Оберст подвел беседу к особому заданию, которое должен был выполнить Соколов в одном из городов России. Задание не из легких — похитить человека. В разговоре фон Штауберг мельком упомянул, что ради успеха этого, конечно, рискованного предприятия немецкая разведка готова принести и принесет в жертву опытного агента, а если потребуется, то и нескольких. Этот акт отведет «от господина Сарычева все подозрения, упрочит его положение в тамошнем обществе». Имени человека, которого надлежало похитить, и имени агента, которого предполагалось принести в жертву, оберст пока не назвал.

Разговор прояснил многое. Майор знал теперь, почему так придирчиво инструктор школы в Померании проверял, как овладел он приемами джиу-джитсу. Похитить человека! Значит, этот человек очень нужен, просто необходим гитлеровцам. Иначе они не стали бы жертвовать агентом, не стали бы подчинять работу агентурной сети обеспечению задуманной операции.

Но какого человека имеет в виду Штауберг? Какой город?..

— Герр оберст! — в кабинет вошел адъютант.— Гауптман Крафт просит принять его по неотложному делу.

— Пусть войдет. А вы сидите,— сказал Штауберг поднявшемуся было Соколову.— Отложим пока наш разговор.

Вскинув руку в традиционном приветствии, Крафт вытянулся перед Штаубергом и с торжественными нотками в голосе отрапортовал:

— Герр оберст! Мне удалось обнаружить подпольный штаб большевиков,— он покосился на майора.— Сегодня у них сбор. Место известно. Вооруженное выступление ими назначено на двадцать четыре часа.

— Превосходно!.. Как хорошо, что об этом узнали первыми мы, а не гестаповцы. Пусть в Берлине лишний раз задумаются над тем, что не зря существует абвер. Опять тайная полиция оказалась не на высоте. Отлично! — Штауберг просиял. Самодовольно потирая руки, он смотрел то на Крафта, то на Соколова, то на часы: двадцать два тридцать. Все еще улыбаясь, он схватился за телефон, вызвал усиленный наряд и предложил Соколову:

— Едемте, Сарычев. Я думаю, вы с гауптманом сегодня отличитесь.

— Их около двадцати!..— вставил Крафт.

— Около двадцати!..— Штауберг иронически посмотрел на встревоженное лицо гауптмана.— Дорогой Курт, не думаете ли вы, что они будут отбиваться от нас, используя тяжелую артиллерию, танки и авиацию?

— Герр оберст,— резонно возразил Крафт.— Я знаю одно: подпольщики живыми не сдадутся... Я видел развалины, где засели эти бандиты. Очень трудно оцепить их.

— Где развалины? — спросил фон Штауберг, склонившись над планом города.

— В квадрате пятнадцать! — четко ответил Крафт. Штауберг опять потянулся к телефону.

— Краус,— проговорил он в трубку густым чуть хрипловатым басом.— Что делается у нас в пятнадцатом квадрате? Ага, район чист?.. Хочу обрадовать,

штурмбанфюрер, что ваши прославленные шерлоки холмсы ни черта не видят дальше собственного носа! В пятнадцатом квадрате — штаб подпольщиков... Да, да! Забирайте немедленно молодцов всех до единого и вместе с Трайбхольцем милости прошу ко мне в управление. Не забудьте прихватить пулеметы! Жду полчаса. Все!

Представитель гестапо передал Пургайлису приказ накрыть в одном из рабочих районов города явку коммунистов. Нападение произвести ночью, внезапно. Инсценировать грабеж. Освальда никто не считал стратегом, но предстоящий налет он разработал во всех деталях.

Сын богатого торговца, Освальд Пургайлис был ярым сторонником режима Ульманиса. Немцы, которым служил он сейчас и указания которых выполнял были для него очередным этапом на пути к заве цели — восстановлению в Латвии старых порядков. Освальд не был глупцом. Положение на советско-германском фронте показывало, что дни гитлеровской Германии сочтены. И вот, зная это, Освальд хотел упрочить свое влияние среди националистов, а при благоприятном исходе широко задуманного и поощряемого империалистами переворота урвать высокий, быть может, даже министерский пост. Таким образом, ослабление сил большевистского подполья в Латвии и Риге в любом случае входило в планы Пургайлиса. Итак, разбив банду на группы, Освальд терпеливо втолковывал старшим задачи:

— Огнестрельное оружие применять в крайности. Действуйте ножами... — Янис украдкой следил, как стрелки часов неумолимо сходились на двенадцати. «Двадцать три сорок... двадцать три пятьдесят... Сейчас Левченко приведет немцев... Двадцать три пятьдесят шесть... Надо уходить». Он поднялся, но Пургайлис недовольно нахмурил брови и прикрикнул:

— Атауга, слушай внимательно...— голос заглушила длинная автоматная очередь.

— Свет! — выкрикнул кто-то в панике.

Со звоном разлетелась лампа. Темнота заполнила подвал. Перекрывая суматоху, Пургайлис заорал:

— Заткнуть отдушины! Кончай давку!.. Оружие!..

— Сопротивление бессмысленно! — громко по-немецки прокричал кто-то снаружи.— Выходите по одному!

По каменным ступенькам затанцевали тонкие до боли в глазах яркие лучи электрических фонарей.

— Ошибка! Наши! Сейчас ликвидируем конфликт! — пробравшись к выходу, большеносый немец громко сказал: — Эй! Кто там? Произошло недоразумение,— выстрелы смолкли.— Я Ганс Бауер, офицер связи...

— Гранаты к бою! — заглушая немца, выкрикнул Янис.

В свете электрических фонарей было видно, как исказилось лицо Освальда Пургайлиса. Подняв руки, он повернулся спиной к выходу. В это время из подвальных отдушин на мостовую полетели гранаты. Ответив шквальным огнем, гитлеровцы блокировали развалины дома.

Штауберг решил взорвать подземелье. Но его опередили. Яркая вспышка озарила изнутри своды подвала. В ночи над головами со свистом проносились куски кирпичей. Из дымящегося провала выскочил Пургайлис. Соколов, прикрыв собой оберста, вскинул пистолет и выстрелил в расширенные глаза бандита.

— Огонь! — хрипло скомандовал Штауберг.

Подземелье превратилось в ад: рвались гранаты. Осколки и пули, отскакивая от потолка и стен, пронизывали во всех направлениях наполненную дымом и кирпичной пылью темноту.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

«Партизанский отряд, совершавший диверсии в Риге и ее окрестностях, уничтожен. Мною разработанный план дает основание утверждать, что большевистское подполье в Прибалтике в скором времени будет ликвидировано полностью. Оберст фон Штауберг...»

Не успел берлинский телеграф отстукать последнее слово депеши, как на рижской железнодорожной стан-

ции взлетел на воздух эшелон с боеприпасами. А через час поступило еще одно неприятное сообщение: неподалеку от города партизаны разгромили уездное полицейское управление лейтенанта Гюнше.

Ни первое, ни второе не встревожило фон Штауберга так, как незначительное для непосвященных упоминание, что «при налете и разгроме уездного управления случайно пленен партизанами обер-лейтенант Рейнгард Хоффе». А Рейнгард Хоффе был работником абвера. Он осуществлял непосредственную связь с Кабаном, действовавшим в одном из соединений Красной Армии на ближайшем участке Восточного фронта. Оберст вызвал обер-лейтенанта Хоффе для уточнения некоторых деталей операции «Королевский гамбит». Именно на участке Кабана планировал фон Штауберг переброску майора Сарычева через линию фронта. Он хотел обставить все это как можно правдоподобней. И вот...

Конечно, Рейнгард не мог дать врагу даже примерного плана операции, так как не имел о ней никакого представления. Извещать Берлин о пленении разведчика, который был на хорошем счету, Штаубергу не хотелось. Оберст приложил все старания, чтобы замять скандальное дело, но мудростью народной подтверждено, что шила в мешке не утаишь. Кто-то из недругов, прекрасно осведомленный о деятельности Штауберга, донес Гиммлеру об активных действиях партизан, о разгроме полицейского управления и о Рейнгарде Хоффе. Рейхсфюрер СС, ссылаясь на полученную им информацию, отчитал начальника абвера. Передал он и категорический приказ Гитлера (фюрер не пожелал принять адмирала): «С этого дня строго-настрого запретить абверовцам совать нос в чужие дела».

Взбешенный Канарис, примчавшись к себе, учинил разнос офицерам в приемной, отчитал растерянного секретаря и вызвал Ригу, вызвал немедленно, срочно...

Настольный коммутатор беспрестанно семафорил красной лампочкой, а фон Штауберг не поднимал трубки. Он лишь досадливо косился на красный мигающий огонек.

Осторожно приоткрыв двери, в кабинет заглянул офицер — дежурный по управлению — и срывающимся шепотом сказал:

— Герр оберст! Берлин!

Штауберг поспешно снял телефонную трубку и, услышав приглушенный расстоянием ледяной голос, вскочил. Желчный медлительный тон адмирала приводил его в трепет. Выслушивая ругательства, оберст лишь встряхивал головой, будто получал пощечины. Канарис требовал объяснений.

Фон Штауберг, умолчав о Рейнгарде Хоффе, доложил о результатах проведенной операции по уничтожению «партизанского отряда» и добавил, что ему приходится действовать в тяжелой обстановке, так как гестапо, СС и СД вместо помощи чинят всяческие препятствия.

— Приказываю,— как приговор, произнес адмирал,— заниматься делом, касающимся только нас! Вы хвастались отличной подготовкой диверсантов, а ни в одном из донесений не говорите об их работе! Сохраняете на племя? В ближайшие дни закончивших обучение забросьте в русский тыл. Вы хвастались блестящей формой центральной фигуры «Королевского гамбита». А ни одного хода до сих пор еще не сделали. Форсируйте, форсируйте, форсируйте все обещания! Только это может поднять вас в моих глазах.

Разговор с Берлином уже давным-давно закончился, а оберст все еще сжимал в руке горячую трубку, поглядывая в решетчатую крышку микрофона. Осторожно положив трубку на рычаг и не спуская с нее глаз, он крикнул:

— Машину!

...Жизнь диверсионной школы за последние дни почти не изменилась. Так же «по железному распорядку Пактуса» из минуты в минуту велись практические занятия, так же дребезжащий гонг извещал о времени завтраков, обедов и ужинов. Все было как прежде, и в то же время почему-то каждый чувствовал внутреннее напряжение. После блестящего разгрома «большевистского подполья» Крафт безмолвствовал. Фон Штауберг с головой ушел в текущие дела местного отделения абвера и «выкраивал» время лишь для бесед с Сарычевым. В этих беседах он совсем не упоминал о школе.

Левченко скулил, что затишье это — перед бурей. О «буре» он и пронюхал первым. В сильном смятении ворвался к Соколову и почти насильно затащил его к

себе. Придвинув гостю стул, денщик рухнул на неряшливо заправленную, измятую постель.

— Пьян? — спросил майор.

— Э-э-э... Наперстка во рту не было. Не до выпивки мне...— уцепившись за спинку койки, Левченко сел и, зажав ладонями топорщуюся редкими космами опущенную к коленям голову, принялся сетовать на судьбу:

— Все! Скоро, брат... «Вокзалов шум и суета, и крик детей, и слезы женщин...»

— В Берлин едешь?

— Ха! С нашим суконным рылом в ихний калашный ряд? — он сплюнул на пол.— В Берлин? Тоже придумал! Как бы не так!— его тонкие злые губы исказила жалкая гримаса: — Чуть подальше... самую малость... В Россию еду!

— Ну-у-у! И тебя Крафт отправить решил? Сочувствую! Черная неблагодарность.

— Да не один, понимаешь, еду, не один, а все, все, все! Всех, понимаешь, Сарычев, всех забросят!

— Вместе не пропадем.

— Ты-ы!.. Ха-ха!..— Левченко нервно рассмеялся.— Нет, Сарычев. Ты теперь аристократ, голубая кровь, белая кость... А если бы с тобой я... Да что говорить. С тобой-то, как за каменной стеной. Один раз ты нас, балбесов, уже выручил. Только тебя-то как раз никто отправлять не собирается.

— Не останусь! — Соколов постарался придать голосу искреннее возмущение.— Ни за что не останусь! Немедленно иду к начальнику школы и потребую, чтобы отправили!

— Лучше не заикайся! Подведешь меня, Сарычев. Бокшат по секрету шепнул, а ты... Нет, Сарычев! Уж лучше я полечу. Может, бог даст, и вывернусь! — он вытащил из нагрудного кармана сигарету, кроша табак, тщательно вставил ее в мундштук, почмокал слюнявыми губами и прикурил. Дым потянулся к форточке. Левченко глубоко затянулся и закашлялся.— Ты правильно сказал о черной неблагодарности,— вытирая слезы, выступившие на покрасневших от натуги глазах, проговорил он сквозь кашель.— У Крафта разве сердце. У него в груди булыжник. Гауптману на всех, кроме его собственной персоны, наплевать. Уж я ли не

старался... Бокшат намекнул, что и не в Крафте тут дело. Бери, Сарычев, выше...— стряхнув пепел под ноги, Левченко наступил на него и, рассматривая белесое пятно, добавил: — Мечтают они вот в такую лепешку всех раздавить! Прах, тлен, пыль... С детства мне удачи нет! С детства всегда всем угодить старался, не обижал никого, а ребята все равно не уважали. «Ты, говорили, Серега, ни рыба ни мясо. Концентрат какой-то...»

Левченко расписывал житейские неудачи пространно и нудно. Надежды, которые он питал, поступая в услужение к гитлеровцам, не оправдались: даже нацисты презирали предателей.

Майор оставил обиженного денщика наедине со своими терзаниями и стал собираться: опять вызывали в управление. «Очевидно, придется перебираться на городскую квартиру. Наверное, задание будет дано мне сегодня либо завтра. Крупный ученый. Кто он? За кем охотятся гитлеровцы?» — размышлял Соколов, минуя проходную.

По словам Левченко, школа вскоре должна была обновить состав и передислоцироваться из Вецаки в местечко Ульброки.

Изморозь осела на шоссе, и оно, лоснясь, убегало вдаль подобно гигантской змее, то ныряя в ложбины, то неудержимо взлетая на отлогие холмы. Соколов, подняв воротник и засунув руки глубоко в карманы плаща, зашагал в сторону Риги.

Нескоро добрался бы он до города, если бы его не нагнал военный грузовик, шофер которого не отказался подзаработать на случайном пассажире несколько марок.

И вот уже шуршат под башмаками майора желтые листья. Они покрывают всю аллею, лишь местами виднеется темный асфальт. Осенний воздух невероятно прозрачен и чист. Последние теплые дни выманили из душных квартир стариков, которые, тяжело опираясь на изукрашенные монограммами трости, прогуливались или, выбрав солнечную скамейку, дремали, прикрывшись газетами: статьи о том, как гитлеровцы «не щадя сил и средств неустанно заботятся» о благе «свободной Прибалтики», никакого интереса, конечно, не вызывали.

Соколова порядочно натрясло за дорогу, и поэтому он с удовольствием присел на одну из пустующих скамеек. Отдохнуть ему не пришлось: в плотных и аккуратно подстриженных кустах возник сначала неясный шум, затем тишину прорезала крутая брань. Зацокали подковы сапог. Затрещали ветки. Кого-то преследовали. Резко хлопнул пистолетный выстрел. Тревожная трель полицейского свистка сорвала птиц с деревьев. Безмолвно появился и рассыпался по парку взвод полицейских.

Майор тотчас же поднялся, сунул в карман свернутую трубочкой газету — условный знак опасности — и небрежно протянул удостоверение одному из полицейских, блокировавших калитку, походкой праздношатающегося покинул парк.

В управлении часовой привычно взял пропуск Соколова, посмотрел сперва на фотографию, затем на лицо владельца и толкнул рукояткой автомата дверь. Двор был пуст, лишь в дальнем его углу приткнулись к стене знакомая майору «черная Берта» и легковой автомобиль.

Адъютант фон Штауберга встретил майора как своего человека и без доклада провел в кабинет. Оберст вышел из-за стола навстречу и покровительственно полуобнял Соколова:

— Вы спасли мне жизнь, как когда-то ваш отец сохранил ее моему. Садитесь, садитесь...— Штауберг почти насильно втиснул майора в кресло и, присев на подлокотник, продолжал: — Да, да... Бандит целился в меня. Не отрицайте! В ваши годы я тоже ловко владел оружием...

— Солдатская заповедь, герр оберст,— ответил Соколов.— Я обязан защищать вас от пуль как старшего по званию, как своего начальника.

— Вы отличный офицер, Сарычев! — воскликнул Штауберг.— Обещаю вам свою дружбу и помощь всегда и во всем! И не нужно скромничать, Сарычев! Мы с вами подвергались весьма серьезной опасности. В подвале было сосредоточено около двадцати вооруженных до зубов бандитов. Это сильный отряд. Если бы один...

Соколов уже не слышал Штауберга. Фраза, не законченная оберстом, зазвучала в его сознании совсем иначе, получила совсем иное продолжение. «Если бы

один...— отсюда мысли майора устремились к Янису,— не оказался героем, в полном смысле этого слова, то вы бы, герр оберст, торжествовали победу тоже в полном смысле этого слова. Девятнадцать из двадцати, названных вами, вычеркнуты из жизни, из памяти народа, из истории. А один, всего лишь один жив. Он не валяется сейчас в противотанковом рву, как те девятнадцать, а покоится на берегу моря, среди вечнозеленых сосен. Скромный деревянный обелиск на его могиле будет со временем заменен гранитным или мраморным. И на обелиске том благодарные люди напишут золотом: «Янис Витолс». Так будет, герр оберст, можете не сомневаться...»

— Итак о задании,— Штауберг отечески похлопал Соколова по плечу.— Теперь я думаю, настала пора раскрыть вам все детали задуманной операции. Место вашего назначения — город Н. Попадете туда, прошу ничему и никому не удивляться. Отступать или вносить какие-то коррективы уже поздно. В работе разведчиков бывают всякие чудесные превращения. Вам предстоит в этом городе много самых неожиданных встреч,— не вставая с подлокотника кресла, Штауберг дотянулся до сделанной из цветной соломы прямоугольной коробки с темно-коричневыми сигарами, похожими на миниатюрные торпеды.— Курите! Гавана!— короткие пальцы, унизанные перстнями, дробно застучали по настольному стеклу. Оберст любовался лучистым сиянием камней.— Курите,— еще раз пригласил он.

— Разрешите курить свои,— попросил Соколов и, получив согласие, достал из кармана плоский металлический портсигар.— К сигарам нужно привыкнуть,— словно оправдываясь, проговорил он.— Крепость у них невероятнейшая.

Фон Штауберг снисходительно рассмеялся, встал с подлокотника и, попыхивая сигарой, пересел за широкий пустой стол.

— Ваш объект,— Штауберг следил, как на сигаре нарастает шапка пепла, — научно-исследовательский институт. Кандидатская степень и наши старания помогут вам устроиться сотрудником в лабораторию профессора Крылова.

Далее оберст сказал, что майор должен будет похи-

тить и специально подготовленным самолетом перебросить в Берлин физика Крылова, уничтожив его лабораторию. Если этот вариант почему-либо не удастся, то, захватив расчеты профессора, уничтожить его самого.

— В городе Н. разыщите «родственника» Степана Семеновича Куракина,— продолжал Штауберг.— Он осведомлен о вашем появлении, прекрасно изучил всю вашу родословную. Куракин составит протекцию для поступления в институт... Господин Сарычев, я еще должен уточнить явки. Постараюсь это сделать сегодня же. Завтра, перед отъездом, вы их получите от меня...

Беседа закончилась поздним вечером. «Ради осуществления задуманной абвером операции,— так теперь считал майор,— стоило присваивать чин, авансом награждать Железным крестом, привязывать исполнителя к разведке кратковременной подготовкой в высшей школе шпионажа... Так вот почему меня усердно потчевали последними достижениями ядерной физики. Немцам нужен Крылов. Нужен сейчас же, немедленно. И если они готовы пожертвовать отлично законспирировавшимися разведчиками, значит, дело, для которого им понадобился профессор, очень и очень важное... Ловко!.. Да, а кого преследовали в сквере? Почему не явился в назначенный срок Федотов?» С этими размышлениями майор спустился по лестнице, остановился возле караульной будки, достал сигарету и щелкнул зажигалкой. На миг лицо его осветилось. Какой-то офицер, шедший навстречу, вдруг поспешно выхватил изо рта трубку и отпрянул в темноту. Не обратив на это внимания, Соколов спокойно миновал часового, оглядел пустынную улицу и свернул на бульвар. «Штауберг сказал, что завтра я покину Ригу. Надо немедленно послать в Центр шифровку. Пусть Силин подготовит все для обезвреживания сети, раскинутой абвером в городе Н. Степан Семенович Куракин. Резидент, не иначе».

В аллее было уже совсем темно. Черные деревья распластали над головой невидимые, но шуршащие редкими еще не опавшими листьями ветви. Соколов, занятый своими мыслями, брел наугад. Неожиданно из мрака вынырнула внушительная фигура. Майор, заме-

тив ее, попридержал шаг. Неизвестный последовал его примеру и остановился в отдалении. Тогда Соколов двинулся назад. На перекрестке, на площадке, где ветви деревьев не укрывали землю от лунного света, появился еще человек. И только теперь майор догадался присесть на скамейку, снять шляпу и закурить, трижды щелкнув зажигалкой. Неизвестные подошли к нему.

— Ну? Кажется, все! — проговорил Соколов.

— Пожалуй, что все. В сквере сегодня немцы чуть было Демьяна не схватили. И еще, товарищ командир...— Полянский рассказал о том, как после облавы возле парка он встретил немецкого офицера, похожего на... на капитана Мигунова.

— Глазам своим я не поверил,— заметно волнуясь, продолжал Николай.— Этот офицер стоял у газетного киоска, а мы с Михаилом и Демьяном обсудили, как быть, что делать. Подошли к киоску скрытно еще раз. Стоит Мигунов, трубку свою спокойненько покуривает и газету просматривает. Не ошиблись мы, товарищ командир, Мигунов это! И трубка его! Мы с Михаилом тут остались вас ждать, а Демьян до управления его проводил. И сейчас там дежурит. Вы его не видели, Демьяна-то?

— Нет! — рассеянно ответил Соколов, думая: «Мигунов? Мигунов! Невероятно. Не может быть! Ведь для того чтобы попасть сюда, он должен был перейти линию фронта? Может быть, Силин допустил какую-то оплошность: нащупав его, дал почувствовать, что петля захлестывается, что вот-вот он будет схвачен и разоблачен».

— Товарищ командир! Самолет подготовлен,— как сквозь сон донесся до Соколова голос Токарева.— Думаю, товарищ командир, удастся улететь. Сегодня на аэродроме «Юнкерс пятьдесят два», полностью заправленный горючим и маслом, стоит на взлетно-посадочной полосе. Дежурный бортмеханик сочувствует нам: фашисты у него братьев расстреляли. Полетим? Мигунов — бестия, видать, хитрая. Выдаст как пить дать... Все дела вроде бы завершили. Чего нам ждать? Живо соберемся, погрузимся в самолет и перемахнем к своим.

— Нет! — майор поднялся со скамьи.— Нет! Завтра

утром я должен получить у Штауберга последние инструкции. Они представляют для нас огромнейший интерес. А вам троим, конечно, надо лететь! Вам даже обязательно надо лететь. За Демьяном охотились сегодня, да и вы оба взяты под наблюдение. Так, товарищи, и порешим. А Галина пусть немедленно отправляется к Лузину с донесением. В Ригу ей возвращаться больше нельзя. А я... я думаю, что за оставшееся до выезда время не встречусь с Мигуновым,— если это на самом деле он. Сведения, полученные мной сегодня от Штауберга, мы для надежности пустим по трем каналам. Исполнители — вы, Галина и я! Если не все, то кто-нибудь непременно попадет к своим. Полянский, не оставляйте Федотова. Мы с Михаилом пройдем на явку.

Николай посидел на скамье. «Мигунов! — размышлял он.— А каким прикидывался рубахой-парнем! Да я бы ни в жизнь не подумал, что шпион может себя так вести... А с кинжалом? Он же первый говорил, что на меня напраслину возвели, расхваливал как разведчика...»

Не в состоянии подавить в себе бурю оскорбленных чувств, он поднялся, вышел из сквера и, держась поближе к стенам домов, зашагал к месту, где укрылся Демьян.

Федотов встретил друга тревожным шепотком:

— Предупредил?

— Сказал. Вроде бы поверил, но все же решил пробыть здесь на всякий случай еще один день. Надо сведения у оберста получить. А нам сегодня ночью приказано лететь на самолете, который Михаил облюбовал.

— Ты, Коля, хоть раз летал?

— Не приходилось.

— Я тоже не летал. Говорят, болтанка в воздухе страшенная. Некоторые даже...

Из калитки управления вышел человек. В темноте нельзя было разглядеть ни лица, ни одежды. Но и Николай, и Демьян почувствовали — «это он!» Человек, попыхивая трубкой, быстро пересек мостовую и поравнялся с подъездом, в глубине которого притаились

друзья. Даже Демьян потом не мог толком припомнить детали пленения: захват был совершен молниеносно. Как только человек на два-три шага отошел от подъезда, Николай бесшумно распахнул двери, легким прыжком настиг его, коротким ударом взвалил себе на руки и втащил в подъезд.

— Вот и все,— прерывисто дыша, сказал он Демьяну.— Весь вопрос теперь в доставку упирается. Эта сволота минут через двадцать очухается...

— Придется, Коля, на себе его транспортировать. Ничего не поделаешь. Дворами пойдем. Если кто повстречается, скажем, что пьяного дружка домой доставляем. Ясно? Ну, потопали.

В подвале явочной квартиры при мерцающем свете фонаря Соколов составлял шифровку. Набросав последний столбец цифр, он аккуратно вложил бумажку в простенькую деревянную брошь и протянул ее Токареву.

— Галина должна отправиться в отряд немедленно. Передайте и... готовьте самолет.

— Есть.

Михаил ушел. По каменным ступеням подвала глухо прозвучали шаги. Соколов погасил фонарь. Прислушался. Раздался негромкий троекратный стук — условный сигнал. Майор ответил на него коротким ударом и снова зажег фонарь. В подвал вошли Николай с Демьяном. Отдуваясь, Николай опустил на цементный пол бесчувственного человека. Соколов осветил его лицо. «Мигунов!»

Майор посмотрел на Николая, и тот, нахмурившись, недобро проговорил:

— Вот документы и оружие. Не думайте, товарищ командир. Тип этот — живой! Тут нет промашки! — и, как бы подтверждая слова разведчика, веки Мигунова слабо дрогнули, открылись. Он, невероятным усилием воли погасив мелькнувший в глазах ужас, смотрел на Демьяна и молчал, не в состоянии оторвать взгляда от седой пряди, свесившейся на морщинистый лоб разведчика.

— Как чувствуешь себя, Герт? — проговорил Демьян, мрачно усмехаясь, и сам же ответил: — Укрепился в гнезде намертво... Не найдется ли рюмки хорошего коньяка?

Мигунов стиснул зубы, с трудом сел, придерживая рукой голову, и спросил:

— Майор Соколов, вам нужны мои объяснения?

— Нет. И без них роль ваша ясна. Скажите только, как давно вы прибыли в Ригу?

— Вчера.

— Где успели побывать?

— Везде.

— Вы знали о нашей группе?

— Соколов, не говорите вздор. Неужели я оставил бы вас на свободе? Я не был наивным человеком. Зная, что никогда не получу пощады в случае разоблачения, я круто расправлялся с врагами,— он окинул взглядом толстые стены подвала: — Здесь пистолетный выстрел прозвучит, как звук елочной хлопушки.

— Нет, Кабан, вы еще поживете. Мне с вами возиться некогда, но вы обязательно расскажете все и обо всем. Так ведь, Кабан?

— И это вам известно,— с иронией проговорил Мигунов.

Демьян и Николай стояли молча. Мигунов игнорировал их присутствие. Лишь однажды он покосился на Николая и заметил:

— Что ж, Полянский, я всегда восхищался вашим мастерством. Теперь пришлось испытать его на себе.

— Старался,— ответил Николай.— Еле руку сдержал, но вовремя вспомнил обер-лейтенанта Руттера и притормозил на замахе.

— В нашем распоряжении считанные часы,— сказал Соколов.— Придется проявить немало усилий, чтобы благополучно довести до конца работу, ради которой мы здесь. Николай, рискнете лететь с таким грузом?

— Можно, товарищ командир.

— Необходимо доставить его Силину в полном здравии.

— И это ясно, товарищ командир.

Мигунов понял, что ему не уйти, разведчики открыто говорили о важных делах. Мороз пробежал по коже. Но Мигунов держался, ничем не выдавая своего страха. К тому же он надеялся, что какой-нибудь случай и на этот раз поможет ему вывернуться, как было до сих пор.

— Михаил ждет вас на аэродроме. Трудновато будет дотащить на себе этого Кабана? — Соколов показал на Мигунова.— Надеюсь, Николай, на вас. Ну, а там полковник знает, как и о чем с ним говорить.

— Товарищ командир, может быть, для удобства транспортировки Коля сейчас повторит свой излюбленный прием? — проговорил Демьян, следя за тем, какое впечатление произведут его слова на Мигунова.— Ладно. Давай, Коля, кляп... Вот и отлично. Руки за спину заверни. Так... Мы в полной боевой готовности, товарищ командир.

— Забирайте и на аэродром,— сказал Соколов.— Михаил ждет вас на западной стороне, возле разбившегося «мессершмитта». Он показывал это место, помните?

— Ясно, товарищ командир! А мы...— Николай замялся.— Всякое в жизни бывает. Можно по усмотрению? Гранаты есть, пистолеты в полной исправности, мины портативные... Как?

— В случае чего — рванем! Сдаваться не станем,— подытожил Демьян.

— Это, товарищи, только в самом крайнем случае. Вы должны жить! Непременно! До встречи! — Соколов прошел к выходу.— До встречи дома! — повторил он с порога.

Ночь выдалась такая темная, что, по выражению Демьяна, ложку мимо рта пронесешь. У разбившегося «мессершмитта», в неглубокой канаве, подступающей с запада к проволочному ограждению аэродрома, бережно прикрывая живую ношу, притаился Николай. Демьян охранял его с тыла.

Яркий луч вращающегося прожектора с центральной вышки скользнул по земле и, миновав проволоку,— вот бы уметь проникать так ловко через заграждения! — осветил самолеты. Как нахохлившиеся сонные беркуты безмолвно стояли они. «Юнкерс-52» на взлетной дорожке стоял с расчехленными моторами.

Встречая товарищей, к проволоке подполз Михаил.

— Порядок,— донесся его шепот.— Проволока подрыта. Можно... Чего это тянете?

— Луч! — приглушенно выкрикнул Николай.

И опять над головами друзей в угрожающей близости ночь прорезал яркий прожекторный свет, после которого темнота стала еще гуще, еще непрогляднней.

— Еще одного пассажира несу,— сказал Николай.

— Хоть вагон! Самолет вместительный. Слушай, Коля, и ты, Демьян. Только не высовывайтесь пока. Дежурит Пуйка... Будет проверять самолет. Охрана у ангаров и у зачехленных машин. Пробирайтесь в темноте: от пустых бочек к ящикам, от них — к лестнице и — в фюзеляж.

Какое-то странное состояние ощущали друзья. Ни тому, ни другому не доводилось раньше не только захватывать вражеские самолеты, но и летать вообще, да еще с живым «грузом».

К самолету приближался человек в комбинезоне. В лучах прожектора он был виден как на ладони. Часовой у вереницы машин остановил его, а затем зашагал в сторону ангара.

«Пора!»

Николай с ношей на спине, а за ним и Демьян бесшумно скользнули под проволоку. Первый этап этой опасной, необычайной эстафеты был преодолен успешно. Используя интервалы между лучами, они добрались до машины и скорее взлетели, чем поднялись по узкой лестнице.

Пуйка быстро укрыл всех в тесном отсеке, наказав не шевелиться, пока они с Михаилом не запустят моторы.

— Если обнаружат, что ж, будем драться до последнего,— сказал Михаил, закрывая тонкую дверцу в переборке.— Лишь бы летчики раньше времени не пришли.

Не успели Николай с Демьяном расчистить место для того, чтобы положить Мигунова, как в отсек втиснулся Михаил.

— Автомашина подъезжает,— прошептал он, вытаскивая пистолет,— переждем малость.

Мотор автомобиля рокотал где-то под ногами. Прозвучала короткая русская команда:

— Выходи!

Слышно было, как из машины на бетонную дорожку выпрыгивали люди. И опять повелительный голос:

— Левченко, захватите парашюты! Сигнал к прыжку даст летчик.

— Leutnant reichen Sie diesen Leuten vor dem Fallschirmsprung Sprengstoff und Funksgerüt ab [1].

— Jawohl! [2]

— Только не попадайтесь в руки коммунистов,— с усмешкой проговорил повелительный голос.— Подчиняйтесь лейтенанту беспрекословно... В самолет живо!

Заскрипела лесенка. Пассажиры шумно рассаживались по бортовым скамейкам. Захлопнулся и щелкнул запором люк.

— Wolkenfreien Himmel! [3]

Заревели моторы. Мягко покачиваясь, самолет вырулил на взлетную полосу, развернулся навстречу ветру и, увеличив скорость, оторвался от земли. Николай, Демьян и Михаил, притаившись в тесном отсеке, отсчитывали время.

Все дальнейшее произошло очень быстро. Никто из сидящих просто не успел ничего сообразить. Любого конечно, возьмет оторопь, когда — не где-нибудь, а в самолете, на высоте нескольких сотен, а может быть, и десятков сотен метров,— как призраки появляются откуда-то люди с пистолетами в руках. Пуйка тоже вытащил свой «вальтер» и направил его на летчиков.

Левченко стучал от страха зубами и, выслушав Полянского, вместе с Уховым и Остапенко заявил, что никакого сопротивления оказывать и не собирался, что оружие и прочие диверсионные «штучки» им обещали вручить перед выброской.

— Проследите, чтобы этот супостат головой обо что-нибудь острое не ударился,— заметил Николай, указывая на связанного Мигунова. — Кляп теперь можно вытащить: задохнется еще.

Демьян вывел из пилотской кабины и усадил рядом с диверсантами обезоруженный экипаж. Ни летчик, ни штурман, ни радист, ни бортмеханик не сопротивлялись.

---

[1] Лейтенант, выдайте этим людям оружие, взрывчатку и рацию перед прыжком (нем.)

[2] Ладно! (нем.)

[3] Желаю безоблачного неба! (нем.)

— Михаил-то,— с гордостью сказал Демьян Николаю,— как ведет самолет! Кнопок там понатыкано вокруг уйма, а он перебирает их, как Рыбаков лады у баяна. Мастер!

Самолет следовал по заданному курсу.

СВИДЕТЕЛЕЙ НЕ ОСТАЛОСЬ

Линия фронта осталась позади. Демьян с помощью Пуйки настроил рацию на волну Центра и сообщил открытым текстом, по старой привычке употребляя общепринятые в стрелковых частях немудреные термины:

«Передайте хозяину, что самолет «Юнкерс-52» под номером двадцать тысяч семьсот восемьдесят три с фашистскими опознавательными знаками захвачен группой Соловья. Посадку совершим в квадрате десять по карте известного вам масштаба, там, где на прошлой неделе вы встречали гостей. На борту машины имеются пассажиры, которым нужен особый прием. Все! Как поняли? Как поняли? Перехожу на прием».

Токарев посадил тяжелую машину на освещенный переносными прожекторами луг. Полянский нетерпеливо распахнул дверцу люка и увидел Силина. Полковник бежал к самолету. Вихрь, поднятый винтами моторов, раздувал полы его кожаного реглана, ерошил седые волосы на обнаженной голове: фуражку сдуло и унесло ветром. Свет стартовых прожекторов падал на взволнованно-радостное лицо. Силин еще издали приветливо махал зажатой в руке перчаткой.

— Дема,— сказал Николай.— Силин нас встречает. Ты за этими присмотри,— он кивнул в сторону диверсантов, притихших на бортовых скамейках, на немецких летчиков и спрыгнул в высокую пожелтевшую траву.

Силин узнал Полянского сразу. Он что-то прокричал ему на бегу, но рокот все еще работающих моторов заглушал слова. Пожалуй, их и не надо было повторять: Николай знал, что полковник прежде всего поинтересуется Соколовым. Пробежав несколько шагов

навстречу Силину, Николай, вскинув ладонь к зюйдвестке, доложил:

— Товарищ полковник! В захваченном группой Соколова самолете «Юнкерс-пятьдесят два», пилотируемом младшим лейтенантом Токаревым, прибыли старший сержант Полянский, сержант Федотов, бортмеханик Пуйка. Нами доставлены капитан Мигунов, три диверсанта и экипаж самолета. Майор Соколов завершает дела в Риге...

Выслушав рапорт, Силин крепко обнял и расцеловал Николая:

— Ну, ну... А ведь не ошибся я в тебе!.. Не ошибся... Показывай, кого там привезли...

Сдав работникам смерша немецких летчиков и диверсантов, Николай спросил, козырнув:

— А кому передать нашего старого знакомого, товарищ полковник?

— Этого мы с собой заберем, на шаг от себя не отпустим,— Силин нахмурил седые брови.— Развяжите. Посмотрим на Кабана в его натуральном обличье.

Демьян распустил узел веревки. Мигунов расправил плечи, сел, а затем поднялся на ноги: его парадный мундир был помят, на груди болтались, позвякивая, кресты. Он не смотрел в глаза окружающим, а сбычив голову, молча стоял перед ними.

«Полковник Силин будет требовать ответа, как он — Мигунов — Брайер — Кабан — плел хитроумные тенета шпионажа, будет требовать, вспоминая день за днем, год за годом, подробного рассказа о всех его похождениях...»

Перед шпионом промелькнули последние дни, проведенные в дивизии Бурова. «Как же он тогда допустил ошибку? Почему не учел способностей своих подчиненных — этих отчаянных русских разведчиков?»

Генерал Буров лично отдавал приказ группе дивизионных разведчиков, которую должен был вести в немецкий тыл старшина Луценко. Задача предстояла трудная. Генерал прямо говорил об этом. Группе надо незамеченной переправиться на правый берег Днепра, прощупать оборону противника и захватить «языка».

— Не скрою от вас, товарищи,— сказал Буров, заканчивая разговор.— Ваш успех обеспечит наступление дивизии.

Ночью Луценко, Рыбаков, Семухин и Нишкомаев переплыли Днепр, пробрались через передний край и с невероятной дерзостью провели разведку. Они взяли на учет важнейшие огневые точки, опорные пункты и резервы противника. Бесшабашная храбрость разведчиков погубила и Герта Брайера. Он не предполагал, что четыре человека рискнут напасть на штаб батальона, куда он в это время прибыл на очередную встречу со связным из абвера.

Рыбаков и Нишкомаев с гранатами в руках ворвались в блиндаж. Виктор хотел было выкрикнуть обычное «Хенде хох!», но, увидев его — Брайера,— широко открытым ртом судорожно глотнул воздух:

— Товарищ капитан?!

Брайер вскинул пистолет. Нишкомаев, спасая растерявшегося от изумления Рыбакова, сильным ударом в грудь вытолкнул его из блиндажа в траншею и, швырнув под ноги Брайеру гранату, сам отскочил к двери. Брайер не испугался «лимонки», волчком вертевшейся у его ног. Он хладнокровно выстрелил в спину разведчика, уже переступившего порог, и только после этого поспешно схватил гранату и выбросил ее за бруствер. Встряхнув за шиворот обомлевшего абверовца, Брайер почти вынес его из блиндажа, требуя немедленно отсечь разведчиков от реки.

Десятки ракет осветили Днепр. Гулко затараторили пулеметы, веерами рассеивая трассирующие пули. Неподалеку от блиндажа, где неистовствовал Брайер, выплеснул сноп огня батальонный миномет, и мина, шепелявя, ушла в темное небо. В траншеях, что змеились по самой кромке берегового обрыва, застрекотали автоматы.

Но было поздно. Понтон разведчиков на глазах взбешенного Брайера уже причалил к левому берегу. В бинокль Брайер видел, как, взвалив на плечи завернутого в плащ-палатку «языка», Луценко вскарабкался по песчаному откосу, прополз кустарник и спрыгнул в траншею. За ним двое осторожно пронесли Нишкомаева.

В тот же день дивизия Бурова захватила плацдарм

и после короткого яростного боя глубоко вклинилась в оборону гитлеровцев.

Случай помог Брайеру вовремя улизнуть. Силин уже нащупал его, Кабана. А ведь было так, что, скрываясь под личиной Мигунова, Герт Брайер не раз в душе посмеивался над русскими, не раз пускал их по ложному пути, подсовывая «языков», подготовленных оберстом фон Штаубергом. Лейтенант Киреев! Его погубила самонадеянность. Если бы, заподозрив неладное, он сразу же поставил в известность командование, Брайер вынужден был бы еще тогда бежать. А Полянский, Федотов! Думал ли Брайер, что в Риге доведется встретиться с ними, тем более с Федотовым.

— Ну, Брайер — Мигунов — Кабан,— проговорил Силин.— Ловко путали вы следы, бросая грязь и тень на честных людей. Это я говорю вместо приветствия. А что и как, когда и почему — приготовьтесь, будете рассказывать вы.

— Я могу вам и сейчас сказать,— Брайер вскинул голову,— что майор Соколов, известный абверу под фамилией Сарычев, не вернется из Риги.

— Неужели? — с иронией спросил Силин, принимая это заявление за обычную уловку провалившегося шпиона.— Каждому факту, вы сами понимаете, нужны доказательства.

— Вы их получите,— невозмутимо и нагло проговорил Брайер.— Есть один, на мой взгляд, хороший выход. Я свяжусь со своим шефом. Свяжусь так, чтобы вы при этом не присутствовали... Давайте рацию и наблюдайте за мной издали. Я не собираюсь открывать вам, полковник, ни позывных, ни волны, на которой держу связь. Надеюсь, согласитесь обменять меня без допроса на Соколова, которого тоже не будут допрашивать. Детали изложу после разговора с шефом.

Силин отозвал в сторонку Николая и попросил вкратце рассказать историю захвата Мигунова — Брайера. Выслушав подробности, задумался:

«Может быть, он и не лжет на этот раз...»

— Так вы, Брайер, предлагаете обмен, чтобы уйти от допроса и наказания,— возобновил он разговор.— Но прежде чем пойти на это, мы надеемся все-таки получить от вас ответы на кое-какие вопросы...

— Боюсь дорогой полковник, что вы заблуждаетесь

в предположениях,— возразил Брайер.— Одно из непременных качеств настоящего разведчика — молчание. Молчать, молчать даже тогда, когда хочется заорать во всю глотку...

— Молчать? Да, я согласен.— Силин двинулся к машине. Рядом с ними шел Мигунов — Брайер, чуть позади — Николай и работники смерша.— Но вы, Брайер, не из молчаливых. Вы любите поговорить...— Силин открыл дверцу автомобиля.— Садитесь!

Почти в это же самое время адъютант оберста фон Штауберга, как-то странно посмотрев на подчеркнуто-спокойное лицо Соколова, предупредительно распахнул перед ним дверь кабинета и проговорил:

— Прошу вас! Оберст фон Штауберг ждет,— майор прошел в кабинет.

Штауберг был не один. У стола сидели офицеры, на стульях, расставленных вдоль стен, тоже. Всего в кабинете было человек десять. «Ого,— подумал Соколов,— знатные проводы готовит мне Штауберг. Сколько собралось авторитетных консультантов».

— Садитесь, господин Сарычев, — пригласил оберст.— Перед большой дорогой это полагается. У вас, русских, даже, говорят, примета такая есть,— голос его был непринужденно-веселым.

Фон Штауберг шутил, а офицеры сидели словно каменные, храня молчание. Соколов почувствовал, что за наигранным тоном Штауберга, за ледяным молчанием офицеров кроется опасность. Он быстро сопоставил все сегодняшние встречи. «Почему так облегченно вздохнул адъютант, когда я переступил порог приемной? Почему этой ночью под окнами моей городской квартиры появился постовой? Почему оберст не сводит глаз с моих рук? Неужели Мигунов успел сообщить о встрече?..»

— Вчерашнее повторять мы не будем,— продолжал Штауберг.— Необходимо обговорить последние детали, предусмотреть все мелочи... Да, кстати, какой марки у вас оружие, Сарычев?

— Пистолет «вальтер».

— Заменить на более надежный! Ну, скажем, на «парабеллум».

Соколов уловил некоторую тревогу в глазах присутствующих, когда потянулся за оружием и подал пистолет оберсту.

— Благодарю вас, господин... Со-ко-лов,— проговорил резко и зло Штауберг. Теперь взгляд его так и буравил разведчика. Очевидно, на лице майора что-то отразилось, что-то промелькнуло вопреки его воле. По жестко напряженной физиономии оберста скользнула торжествующая усмешка.— Я говорю: господин Соколов. Это верно?

Штауберг знал, что у сидящего перед ним теперь нет оружия. В голосе оберста, заглушая иронию, пробивалась ярость, которая в скором времени должна была обрушиться на Соколова. А тот, сознавая это, спокойно смотрел в налившиеся животной злобой глаза «шефа».

— Господин оберст, есть вещи, о которых надо говорить с глазу на глаз.

— Пожалуй, так! — Штауберг жестом приказал офицерам покинуть кабинет. Лишь у стола, как раз по обе стороны Соколова, остались двое абверовцев.

— В каждом важном деле должны быть объективные свидетели, господин Соколов,— оберст толкнул по стеклу ящичек с сигарами.— Курите. Гавана! У вас в России таких нет.

— Разрешите курить свои.

— Пожалуйста.

Соколов сунул руку в карман. Пальцы нащупали сначала портсигар, а затем холодный выступ взрывателя на круглом корпусе портативной мины. Он, не задерживая в кармане руки, нажал выступ взрывателя и достал портсигар. Теперь для разговора осталось ровно пять минут, ни секундой больше. Положив портсигар перед собой, Соколов раскрыл его, вытащил сигарету, закурил, и тотчас же один из офицеров взял портсигар в руки и, как бы любуясь рисунком на тяжелой крышке, осмотрел его со всех сторон и положил возле себя.

— На что вы надеялись, Соколов? — начал Штауберг.— На что?

— Откровенно? — Соколов спокойно вскинул на оберста глаза, в которых полыхал какой-то лихорадочный огонь. Лицо майора стало строгим, сосредоточен-

ным, будто решал он сложную задачу.— Вы всегда призывали к откровенности, господин оберст. Я надеялся на то, что уже свершилось. Ваш агент, или резидент, или законспирированный шпион по кличке Кабан, успешно действовавший некоторое время на одном из участков нашего фронта, попал-таки к нам в руки.

— Брайер?

— Если Мигунов числится у вас под фамилией Брайера, то это так.

— Не говорите чепухи, Соколов!

— Несколько часов тому назад с Рижского аэродрома вылетел «Юнкерс-пятьдесят два»,— невозмутимо ответил майор.— Он не возвратился на базу, как принято сообщать в сводках. Проверьте!

— Сейчас же! Немедленно! Свяжитесь с аэродромом! — бросил Штауберг адъютанту.— Узнайте, что там произошло! Разыщите Брайера! И доложите!

— Вас еще что-нибудь интересует, герр оберст? — теперь Соколов полностью овладел собой. Исчезли пунцовые пятна на лице. Взгляд стал обычным, чуть усталым.— Могу ответить, но прежде хочу сделать небольшой экскурс в историю. Когда-то, господин фон Штауберг, ваш покойный отец смотрел, как пороли меня на площади небольшого рабочего поселка в Донбассе за то, что я, мальчишка, не назвал ему виновников поджога склада боеприпасов кайзеровской армии. Позднее несколько подпольщиков были выданы прихвостнем вашего родителя, провокатором Сарычевым, однофамильцем очень порядочного человека и моего друга. Значит, одно недоразумение мы ликвидировали. Так ведь? Второе. Я отвечу вам, герр оберст, откуда у вас этот нож,— Соколов перевел взгляд с пылающих ненавистью глаз Штауберга на ломберный столик, где рядом с ножнами из медвежьей кожи лежал охотничий нож.— На рукоятке этого ножа вы найдете фамилию владельца. Могу порадовать вас, что Н. А. Полянский жив и здоров. Следом за Отто Руттером он пленил и Мигунова — Брайера...

Часовой механизм взрывателя отсчитывал секунду за секундой. И — так бывает в самые критические моменты жизни, которая уже смело шагнула в бессмертие! — Соколов не чувствовал волнения. Как будто все человеческие страсти, боязнь, сомнения покинули

его разом, осталась только железная воля! Она теперь распоряжалась каждой секундой.

Фон Штауберг тоже думал, думал о том, что так хорошо разработанная операция потерпела крах, что адмирал не простит ему Сарычева и «черниговской Марии», которая, влюбившись, не могла проникнуть в сердце человека, предназначенного ей в «русские мужья».

«Королевский гамбит! Майор Сарычев, а точнее более умный разведчик Соколов, просто-напросто смахнул себе в карман все «шахматные» фигуры и отобрал доску».

— Вас, герр оберст, интересует, почему проваливаются агенты, засылаемые в наш тыл? — голос майора едва долетал до слуха Штауберга, словно оберст находился в полузабытьи.— Я выписал из картотеки Крафта их имена, пароли и явки. Вас интересует, герр оберст, почему Берлин так среагировал на уничтожение вами партизанского отряда? Отвечаю. Мы руками вашего однокашника гауптмана Крафта и его денщика навели вас на банду Пургайлиса, банду националистов... Вас интересует, кто проник в тайну гибели Отто Мюллера, которого вы с Крафтом зарезали этим самым кинжалом, в тайну стрельбища, Зеккеля, совещания, которое проходило в Вецаки?.. А теперь, герр оберст, у меня вопрос к вам. До каких пор вы будете испытывать терпение нашего народа? История дает вам возможность убедиться, что все ваши попытки тщетны. Сколько раз ваши армии терпели поражения. Они будут биты и сейчас — в этой войне, и всегда...

— Убрать! — опершись руками о стол, Штауберг подался всем корпусом вперед. Лицо его напоминало майору физиономию Мюллера на стрельбище:

— Вы пожалеете о своем рождении! Я заставлю вас пожалеть об этом!..— Соколов спокойно выслушивал брань разбитого наголову врага.— В камеру его! В самую глухую. Я сам допрошу его, сам!

Абверовцы вскочили. Поднялся и Соколов. Услышав приказ оберста, в кабинет поспешно вошли офицеры, присутствовавшие в начале разговора оберста с разоблаченным русским разведчиком. И тогда майор Соколов сказал Штаубергу:

— Герр оберст, вы не учли даже и этого...

Последняя секунда истекла. Раздался взрыв. Здание дрогнуло. Со звоном посыпались на мощеный двор оконные стекла. Клуб черного дыма вырвался на улицу. Адъютант Штауберга испуганно забился в угол приемной, не решаясь переступить порог исковерканного кабинета.

ЭПИЛОГ

На окраине одного из новых сибирских городов, в небольшом домике, с низко надвинутой, будто шапка, железной крышей готовились к традиционному торжеству. Сам хозяин в белой вышитой рубашке с расстегнутым воротом, как именинник, расхаживал по дворусадику.

Под пышной яблоней, покрытой цветами, были расставлены столы. Из дверей застекленной веранды растекались аппетитные запахи праздничных яств, и время от времени звучал певучий грудной голос:

— Дема, посмотри, не идут ли? У меня жаркое перепреет.

Демьян выходил за ворота, садился на скамейку и, раскланиваясь со знакомыми, нетерпеливо посматривал то направо, то налево. В одиночестве не сиделось. Демьяна так и подмывало остановить первого прохожего и рассказать ему о друзьях, которые, по заведенному со Дня Победы обычаю, Девятого мая собираются за праздничным столом все вместе, что в этом году «собрание ветеранов» состоится у него, мастера мартеновского цеха металлургического завода Демьяна Терентьевича Федотова.

— Никого...— Демьян вернулся, побродил по саду, пробрался на кухню, виновато вздохнул на пороге и, глядя на раскрасневшуюся у плиты Галину, пожаловался: — В разведку хаживал, в тылу у фашистов чувствовал себя не хуже, чем на курорте, а вот сейчас... Нервишки, что ли?

— Это, Дема, от радости. И я, Дема, страшно волнуюсь. А если...

Из сада, не со стороны улицы, а со стороны сосед-

ских дворов, из самой гущи фруктовых деревьев, вдруг донеслось:

Коптилка, коптилка! Чего ты мигаешь?
И так в блиндаже полумрак и тоска.
Пойми ты, коптилка, что мы ожидаем.

— Мишка! Михаил! — перепрыгивая клумбы с еще не распустившимися цветами, Демьян устремился на песню. Но добежать до Токарева не успел: чуть правее, как призраки, появились из-за деревьев Семухин, Нишкомаев, Рыбаков, Луценко... Возгласы, приветственные поцелуи, крепкие объятия.

Токарев, вырвавшись из рук Демьяна, стремительно ринулся на кухню.

— Галя! — он так искусно подражал голосу друга, что молодая женщина, не отрываясь от дела, кивнула: «Слышу, Дема. Сейчас выйду».

— Галюха! — еще настойчивее повторил Михаил.

Румяная повариха взглянула на дверь и чуть не выронила от изумления и радости ложку, которой помешивала соус: на пороге стоял знакомый человек с веснушчатым лицом и прищуренными зеленоватыми глазами. Он шагнул к ней:

— Товарищ Федотова, до замужества Сазонова, разрешите...— и с улыбкой продекламировал:

В этой смолке порою чудится,
Словно я сейчас не в бою,
А широкой свердловской улицей
Провожаю подругу свою...

— Миша! Токарев!

Михаил, вскинув руку к козырьку аэрофлотовской фуражки, уже отступил к стене, и на его месте появился другой мужчина, за ним третий, четвертый. Галина, одергивая фартук, смущенно кивала в ответ на восторженные приветствия своих старых боевых товарищей.

За праздничным столом, в центре которого стояли убранные цветами портреты Соколова, Сарычева, Витолса и Великанова, царило оживление. Тост за тостом поднимали бывшие фронтовики-разведчики, вспоминая былые и настоящие дела.

Капитан Полянский приехал на праздник с запозданием. Об этом он заранее предупредил Демьяна. Как только за калиткой весело и призывно просвистел дрозд, все поспешили Николаю навстречу.

За эти годы он почти не изменился. Правда, взгляд его стал суровей, да кое-где на лице появились глубокие морщины. Высоко подняв бокал, Николай посмотрел на портреты и начал глухо читать стихи:

Завещаний я писать не стану:
Берегу бумагу для стихов.
Ну, а если смерть врасплох застанет,
Мой наказ товарищам таков:
В День Победы выпить по стакану
Под салюта орудийный гул
И сказать:
— Эх, Борька Великанов!
Жаль, что ты чуть-чуть не дотянул...

— Это, ребята, последние стихи Бориса. Когда я вспоминаю их, то вижу майора Соколова, Яниса, Коробова... И говорю о них сегодня потому, что сидят они здесь вместе с нами, за этим праздничным столом. Этот бокал я выпью за светлые их дела.

Тост дружно поддержали. Спели «Коптилку» и заговорили о житье-бытье.

— На днях в газете,— заметил Демьян,— проскочило коротенькое сообщение о том, что какому-то фон Штаубергу недобитые нацисты хвалебные псалмы поют. Уж не родственник ли того покойного рижского фона? Эх, фоны, фоны! Помните, братцы, солдатскую шутку? Было, говорят, на самом деле такое. Наши автоматчики ворвались в штаб немецкой дивизии. Один парень, ну точь-в-точь Вакула Нишкомаев по смелости и по умению стихи со средины запоминать, «Хенде хох!» прокричал. Фрицы, конечно, поняли дирижера, вздернули руки к небу. А один из них самый важный протянул автоматчику свой пистолет и представился: «Я Альфред фон Гальдер». Наш парень, ничуть не растерявшись, рубанул в ответ: «Ты, говорит, один раз фон, а я вот — Три-фон! Трифон Кочергин. Понял! Становись в общую кучу на равных основаниях».

С этой солдатской шутки Демьян быстро перешел на рассказ о том, как из токаря-универсала он превратился в металлурга.

— Во всем Галина виновата,— он озорно подмигивал жене и улыбался.— В Сибирь меня привезла, к своему братану в подручные на мартен определила. Серьезное, братцы, дело — сталь варить,— и Демьян с таким жаром принялся описывать трудовые подвиги своих друзей-сталеваров, не забывая, однако, отвести в этих подвигах и для себя почетное место, что Николай с шуткой спросил:

— Это рассказ, Дема, или повесть?

— Чистейшая быль! — Демьян, нимало не смущаясь, постучал кулаком в грудь.— Ей-ей, не...— и рассмеялся.

Наступила ночь. Нарастив шнуры у настольных ламп, Демьян вынес их в сад. На огонь слетались бабочки, постукивали в матовые абажуры. Свет одной из ламп падал на пустующие стулья, на наполненные вином бокалы. Свет второй освещал портреты. Лицо Соколова, выхваченное лучом из темноты, было как живое. Казалось, выйдет сейчас майор из портретной рамки, протянет руку товарищам и скажет:

— С победой, друзья!

Глядя на портрет командира, Николай задумался. «Был бы жив Соколов, я доложил бы ему о том, что генерал Силин по-прежнему зорко оберегает интересы Родины, а он, Николай, в меру своих сил помогает ему в этом деле. Что в городе Н. спокойно трудится академик Крылов, и ничто не сможет прервать даже на короткое мгновение его работу. Доложил бы и то, что Степан Куракин и Матильда Фогель, известная Соколову как Мария Воронина, своевременно обезврежены чекистами, что разорваны сети, которые расставляли вокруг научно-исследовательского института агенты не только абвера, но и другой заморской державы».

За спиной Полянского, как бы читая его мысли, Михаил грустно-торжественным голосом стал декламировать «Песню о Соколе»:

— «О смелый Сокол! Пускай ты умер! Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!..

И капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут!..»

— Коля,— проговорил глухо Демьян, кладя тяжелую руку на плечо другу.— Надо, чтобы память о та-

ких людях, как Николай Кузнецов, майор Соколов, жила вечно не только в наших сердцах, а в сердцах всех людей. Им памятники надо ставить. Ведь зажжен неугасимый огонь в честь героев революции. Есть памятники неизвестным солдатам. А почему нет памятников неизвестным чекистам, которые, часто, как наш майор Соколов, в логове врага, презираемые и порой проклинаемые неосведомленными об их опасных задачах людьми, делали для Родины, для победы над фашизмом то, что можно смело приравнять к самому высокому подвигу.

— Ты прав, Дема! Такие люди достойны бессмертия! — ответил Николай.— И мы поставим им вечные памятники.

СОДЕРЖАНИЕ

В 1976 ГОДУ
В СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОМ КНИЖНОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
ВЫЙДУТ КНИГИ:

Л. Александров.

«ВЗРОСЛАЯ ДОЛЖНОСТЬ»

Повести;

В. Туболев.

«ЖАРА»

Рассказы;

С. Бетев.

«БЕЗ ПРАВА НА ПОРАЖЕНИЕ»

Повести о работниках милиции;

«ТЕРНОВЫЙ ЖРЕБИЙ»

Сборник юмористических
рассказов и пародий.

Новожилов И. Г., Шустов В. Н.

Н74 Королевский гамбит. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1976.

272 с. с ил.

Приключенческая повесть о подвигах советских разведчиков в годы Великой Отечественной войны. Для старшего школьного возраста.

Н $\frac{70803-086}{М 158(03)-76}$ Р2

Иван Галактионович Новожилов
Владимир Николаевич Шустов

КОРОЛЕВСКИЙ ГАМБИТ

Редактор С. В. Марченко
Художник С. С. Киприн
Художественный редактор Я. И. Чернихов
Технический редактор Н. Н. Заузолкова
Корректор А. Г. Богородская

Сдано в набор 11/VII 1975 г. Подписано в печать 21/X 1975 г. Бумага типографская № 1. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Уч.-изд. л. 14,3. Усл. печ. л. 14,3. Тираж 75 000. Заказ 433. Цена 59 коп. Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

едне-

дчиков
ольного

Р

975 г.
. 14,3.
едне-
а, 24.
. Ле-

59 коп.

Свердловск, Средне-Уральское
книжное издательство, 1976

И·Новожилов, В·Шустов
КОРОЛЕВСКИЙ ГАМБИТ